

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ТАМБОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ Г. Р. ДЕРЖАВИНА»
САМАРКАНДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ Ш. РАШИДОВА
ТЯНЬЦЗИНЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ (КНР)
НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ЦЕНТР «РУСИСТ»»

ЭКОЛОГИЯ ЯЗЫКА И РЕЧИ

Материалы
X Международной научной конференции
(8–9 декабря 2022 г.)

Тамбов 2023

УДК 81
ББК 81
Э40

Научный редактор:

доктор филологических наук, профессор *А. Л. Шарандин*

Редакционная коллегия:

кандидат педагогических наук, доцент *Т. А. Дьякова (отв. за вып.)*

кандидат филологических наук, доцент *Н. Г. Серебренникова*

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор *Н. В. Черникова*
(ФГБОУ ВО «Мичуринский государственный аграрный университет»);

кандидат филологических наук, доцент *С. С. Микова*
(ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов»)

Э40

Экология языка и речи : материалы X Международной научной конференции (8–9 декабря 2022 г.) / науч. ред. А. Л. Шарандин, отв. за вып. Т. А. Дьякова ; М-во науки и высш. обр. РФ [и др.]. — Тамбов : Издательский дом «Державинский», 2023 — 224 с.

ISBN 978-5-00078-730-4

В сборник включены материалы X Международной научной конференции «Экология языка и речи», состоявшейся в г. Тамбове 8–9 декабря 2022 года. Рассматриваются новейшие достижения лингвистической мысли в области актуальных проблем изучения экологии языка и речи. Материалы сборника вносят вклад в теорию и практику лингвистических разработок.

Для филологов, журналистов и всех интересующихся контекстом современной языковой ситуации и вопросами речевого поведения.

УДК 81
ББК 81

ISBN 978-5-00078-730-4

© ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина», 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	6
------------------	---

СЛОВО О ПРОФЕССОРЕ В. Г. РУДЕЛЁВЕ

<i>Шарандин А. Л.</i> Профессор В. Г. Руделёв и Тамбовская лингвистическая школа.....	8
<i>Дубровина С. Ю.</i> Владимир Георгиевич Руделёв — учёный, поэт, мыслитель.....	15

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА В АСПЕКТЕ ЛИНГВОЭКОЛОГИИ

<i>Болотнов А. В.</i> Варьирование культурно-речевого стиля информационно-медийной языковой личности в медиатекстах разных жанров.....	25
<i>Виноградова С. Г.</i> Концептуальная основа измененных пословиц.....	30
<i>Бавула Ю. И., Ваулина С. С.</i> Реализация модального потенциала древнерусских глаголов мышления в современном русском языке.....	35
<i>Дворянкова Ю. В.</i> Имена существительные со значением лица, образованные от имён прилагательных.....	40
<i>Душина Н. П.</i> Контекстная нейтрализация и структурная нейтрализация: их связи и различия (на материале поэзии Серебряного века).....	43
<i>Котцова Е. Е.</i> Языковые особенности жаргона геймеров.....	47
<i>Минеева З. И.</i> Аномалия и норма в современной акцентологии.....	51
<i>Пискунова С. В., Швецова В. М.</i> Авторское словотворчество как феномен языковой личности.....	56
<i>Худяков С. С.</i> Экология памяти: история в лицах. Размышления о речи В. В. Путина о Петре Первом.....	60
<i>Царькова В. Б.</i> Текст научной статьи и проблемы его создания (лингвистический аспект).....	63
<i>Шурупова О. С.</i> Англицизмы на вывесках российских кафе и магазинов: за и против.....	67
<i>Южакова Ю. А., Сомова М. В.</i> «Грамматические вольности» в лирике С. А. Есенина.....	73

РУССКИЕ ДИАЛЕКТЫ И ОНОМАСИКА В АСПЕКТЕ ЛИНГВОЭКОЛОГИИ

<i>Черноусова И. П.</i> Дialectы как лингвокультурологическое и лингвоэтнографическое явление.....	78
<i>Пискунова С. В., Кирьянова Н. А., Митрофанова О. В.</i> Информационное поле диалектного слова в современной языковой коммуникации.....	83
<i>Попова Е. А.</i> Ономастическое пространство литературы о родном крае в аспекте лингвоэкологии.....	89

<i>Ружицкий И. В., Мартыненко Ю. Б.</i> Экология языка в аспекте использования антропонимической лексики при формировании пунктуационных компетенций у иностранных учащихся	96
<i>Щербак А. С.</i> Экологические проблемы ономастики (на материале самаркандского эргонима)	101

**ВОПРОСЫ ЭКОЛОГИИ ЯЗЫКА И РЕЧИ
В ПРЕПОДАВАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА
КАК РОДНОГО, НЕРОДНОГО И ИНОСТРАННОГО**

<i>Москвин В. П.</i> Контекстуальный анализ в практике комментированного чтения (на примере стихотворных текстов)	105
<i>Поповичева И. В.</i> Культурно-маркированная лексика на уроках РКИ (практический аспект изучения)	111
<i>У Мэн.</i> К вопросу о современных китайско-русских словарях: проблемы и перспективы.	115
<i>Лэй Сывэй, Захарова Е. В.</i> Изучение русского языка в современном Китае: состояние и перспективы.	119
<i>Ян Юнья.</i> Этнопсихолингвистический портрет китайского учащегося.	123
<i>Дьякова Т. А., Фейзер Ж. И., Холодкова М. В.</i> Формирование фонетических навыков у арабоязычных учащихся в цифровой среде.	128
<i>Петровская Г. А.</i> Символ «мать-земля» как отражение русской национальной картины мира на тематических занятиях РКИ с иностранными военными слушателями и курсантами (на примере песни «Трава у дома», группа «Земляне»)	133
<i>Мамирова Ш. К., Маралбаева С. М., Джаилганова Ф. К.</i> О проблемных зонах при обучении русскому языку казахских учащихся	141
<i>Павлова В. В., Милосердова Е. М.</i> Формирование иноязычной коммуникативной компетенции в сфере делового общения у узбекских студентов продвинутого уровня	145
<i>Ткебучава И. Г., Джумаева З.</i> Функционирование восточных экзотизмов в русской художественной литературе Узбекистана.	149

**МОЛОДЫЕ УЧЁНЫЕ:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РУСИСТИКИ**

<i>Абдуллаева Р. Х., Джалилова Г. А.</i> Семантические особенности русских паремий с историзмом <i>алтын</i>	154
<i>Адамович М. Б.</i> Религиозная картина мира в древнерусской фразеологии	158
<i>Нурова С. Т., Литатова Е. В.</i> Арготическая лексика в почерке Бориса Акунина (по роману «Любовник смерти»)	162
<i>Ойматова Озода Абдулвахоб кизи.</i> Культурологическая поэтика заглавий рассказов А. П. Чехова	166
<i>Садури Хасанет.</i> Лексические средства создания образов Туниса и Алжира в стихотворении Н. С. Гумилева «Алжир и Тунис»	169
<i>Терехова Е. В.</i> Отношение студентов к использованию субстандартных единиц в русской речи.	172
<i>Тошмуротова Г. З.</i> Зоонимы, репрезентирующие семантическое поле «животный мир» в русских и узбекских сказках	175

<i>Умирова Э. Б.</i> Когнитивный подход к изучению русских паремий с компонентом <i>труд</i>	178
<i>Холмуродова Н. Ф., Дубровская К. А.</i> Лексема «добро» в лингвокультурологическом аспекте (на материале русских и узбекских пословиц)	181

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
РУССКОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

<i>Абраменкова Л. Е.</i> К вопросу о периодизации творчества Д. Рубиной	185
<i>Алпацкая А. В.</i> Особенности сценического воплощения повести В. Г. Распутина «Последний срок» Тамбовским молодёжным театром	189
<i>Большакина А. А., Лоскутова Д. Н.</i> Образы природы и мир детства в творчестве И. М. Пивоваровой	194
<i>Бухтиярова А. А.</i> Сказочные мотивы в творчестве современных детских писателей	197
<i>Ван Тинянь, Митрофанова И. И.</i> К вопросу о понятии «фольклор» в трудах российских и китайских теоретиков	200
<i>Лейман А. А.</i> Пьеса В. П. Катаева «Квадратура круга»: современное сценическое воплощение	206
<i>Островская А. Л.</i> Личность В. В. Маяковского в произведениях М. Цветаевой	209
<i>Цветкова М. А.</i> Специфика конфликта и композиционные особенности трагедии «Время великой скорби» П. Ф. Алёшкина	214
<i>Шевякова Ю. М.</i> Изучение литературной критики К. И. Чуковского на современном этапе	218
Сведения об авторах	221

ПРЕДИСЛОВИЕ

Направление лингвистической экологии является одним из основных в научной деятельности кафедры русского языка ТГУ им. Г.Р. Державина и представлено в научной школе «Экология языка и речи». Уже в течение 11 лет проводятся различные Международные научные форумы, посвященные сохранению, сбережению, развитию великих, уникальных языковых традиций, сформированных многовековой культурой России.

8–9 декабря 2022 состоялась юбилейная X Международная научная конференция «Экология языка и речи», посвященная 90-летию со дня рождения основателя ведущей научной школы Державинского университета Владимира Георгиевича Руделёва, а также 85-летию Тамбовской области.

Конференция объединила ученых гуманитарного направления из многих российских городов (Москва, Архангельск, Калининград, Волгоград, Краснодар, Липецк, Пенза, Воронеж, Рязань, Петрозаводск, Томск, Мичуринск, Тамбов), а также городов ближнего и дальнего зарубежья: Республика Казахстан (Астана, Шымкент), Узбекистан (Самарканд): Китайская народная республика (Нанкин, Тяньцзинь), Соединенные Штаты Америки (Нью-Йорк). Были обсуждены актуальные вопросы языковой политики и современного состояния русского языка; язык СМИ и реклама в аспекте речевой культуры и экологии языка; русские диалекты и ономастика в аспекте лингвоэкологии; вопросы экологии языка и речи в преподавании русского языка как родного, неродного, иностранного; и др.

В работе пленарного заседания конференции приняли участие ведущие ученые. Доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка ТГУ им. Г.Р. Державина А.Л. Шарандин выступил с докладом «Профессор В.Г. Руделёв и Тамбовская лингвистическая школа», в котором была представлена эволюция научных методов и взглядов основателя ведущей научной школы «Экология языка и речи», подчеркнута уникальность и значимость его теоретических изысканий, перспективность их реализации не только в аспекте лингвоэкологии, но и в общенаучном плане. Многие идеи и подходы В.Г. Руделёва к изучению языка свидетельствуют о востребованности его научного наследия.

Доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы ТГУ им. Г.Р. Державина Н.Л. Потанина в докладе «Поэзия В.Г. Руделёва в контексте лингвоэкологии эпохи «post»» представила анализ поэтической картины мира поэта В.Г. Руделёва, в которой особое место занимают сотворенные сознанием поэта метафорические образы, придающие уникальность и своеобразие его художественному идиостилю. По ее мнению, поэтическое и научное наследие В.Г. Руделёва, взятое в совокупности, свидетельствует о глубоко осознанной им потребности в утверждении достоинства гуманитарной культуры. В этих условиях шедевры русского и мирового искусства, как и уроки русской истории, кропотливо исследовавшиеся в лингвистических трудах В.Г. Руделёва и художественно осмысленные в его поэзии, служат подтверждением возможностей человеческой культуры и тем самым активно противостоят идеологемам лингвокультуры «post».

Доктор филологических наук, профессор, директор Сетевого научно-образовательного центра когнитивных исследований ТГУ им. Г. Р. Державина, заслуженный деятель науки РФ Н. Н. Болдырев в своем выступлении на тему «Экология языка как фактор бесконфликтного языкового общения» обозначил в качестве главного фактора бесконфликтной языковой коммуникации эффективное концептуальное взаимодействие между отправителем и получателем информации. Он выделил типы и виды концептуального взаимодействия и соответствующие им когнитивные и языковые механизмы формирования смысла, а также конкретные языковые средства, использование которых обеспечивает бесконфликтное вербальное общение.

В докладе доктора филологических наук, профессора кафедры русского языка ТГУ им. Г. Р. Державина Л. Е. Хворовой «Россия вчера, сегодня, завтра: экология культуры, памяти, цивилизации» на примере высказываний М. А. Булгакова, Д. С. Лихачева, Ю. В. Бондарева исследовался вопрос экологической безопасности в синтезе языкового, духовно-нравственного, социального, биологического аспектов. Автору удалось проследить более чем полувековой путь взаимодействия человека в непосредственном контакте с непрерывными техническими инновациями. Была отмечена необходимость внедрения цифровой техники и искусственного интеллекта и подчеркивалась, с одной стороны, неизбежность развития научно-технического прогресса, с другой — необходимость контроля человека над всем, что представляется экологическим синтезом — языком, культурой, исторической памятью, биосферой.

Несомненны й научный интерес вызвали выступления молодых ученых, которые обсудили актуальные проблемы развития русского языка, его современного состояния и связь с традиционной культурой, которая находит отражение в изучении говоров и диалектов. В сообщениях молодых литературоведов были представлены актуальные вопросы, отражающие различные аспекты литературных процессов, их связь с экологией языка и речи.

В рамках работы конференции состоялась выставка «Научное и литературное наследие В. Г. Руделёва» (из фондов фундаментальной библиотеки ТГУ им. Г. Р. Державина), а также показ видеопрезентации, посвященной профессору В. Г. Руделёва (из архивных материалов факультета филологии и журналистики, а также фотоматериалы из семейного архива В. Г. и О. А. Руделёвых).

Проведение конференции стало новым стимулом к развитию взаимодействия российских и зарубежных ученых в обсуждении актуальных проблем современного состояния русского языка, поиску путей и конкретных форм дальнейшего сотрудничества ведущих учёных, аспирантов и, студентов ТГУ имени Г. Р. Державина с ведущими российскими и учёными ближнего и дальнего зарубежья через систему эффективного научного партнёрства в области изучения русского языка.

Настоящий сборник отражает материалы конференции, позволяет увидеть и осмыслить основные направления в изучении русистики в аспекте лингвистической экологии, а также предназначен широкому кругу исследователей и читателей, для которых сохранение чистоты и богатства русской речи является важнейшим в ее понимании и осознании как национального достояния.

Ответственный за выпуск
кандидат педагогических наук, доцент *Т. А. Дьякова*

СЛОВО О ПРОФЕССОРЕ В. Г. РУДЕЛЁВЕ

УДК 81(091); 81(092)

А. Л. Шарандин

ПРОФЕССОР В. Г. РУДЕЛЁВ И ТАМБОВСКАЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ШКОЛА

Аннотация. В статье анализируются факторы и результаты научной деятельности профессора В. Г. Руделёва, которые позволили ему стать основателем и лидером Тамбовской лингвистической школы. Представлены основные этапы ее развития и значимость для научного и образовательного пространства в области лингвистики.

Ключевые слова: Руделёв В. Г., Тамбовская научная школа, значимость и основные результаты ее деятельности.

A. L. Sharandin

PROFESSOR V. G. RUDELEV AND TAMBOV LINGUISTIC SCHOOL

Annotation. The article analyzes the factors and results of the scientific activity of Professor V. G. Rudelev, which allowed him to become the founder and leader of the Tambov Linguistic School. The main stages of its development and its significance for the scientific and educational space in the field of linguistics are presented.

Key words: Rudelev V. G., Tambov Scientific School, significance and main results of its activity.

19 ноября 2018 года ушел из жизни Заслуженный работник высшей школы РФ, доктор филологических наук, профессор Владимир Георгиевич Руделёв. Он осознал, что уходит навсегда в Вечность, где царствует Вечная Память. Он как бы ждал, выражаясь его словами, когда «накинёт Время звездный плащ», чтобы воскликнуть: «Мир, догони меня! Я твой опавший лист». Он чувствовал, что скоро окажется в «лабиринте времени», о котором так часто писал и из которого уже никогда не возвратится к нам, живущим на земле. Физически — несомненно, да, но человеческая память в воспоминаниях и молитвах о человеке, ушедшем в мир иной, способна незримо ощущать и осмысливать его присутствие на земле.

О людях, которые на протяжении своей жизни и деятельности определяли судьбы и отношение к жизненным ценностям, принято сейчас говорить,

что с ними уходит целая эпоха. Несомненно, не будет преувеличением сказать эти слова и в связи с Владимиром Георгиевичем Руделёвым — человеком, ученым, преподавателем, поэтом и писателем, который воплотил в себе качества и черты эпохи 60–90-х годов. Они определяли не только его отношение к жизни, науке, профессии, творчеству, но и оказались значимыми для многих из нас, непосредственно связанных с его деятельностью или же опосредованно почувствовавших его влияние на свое восприятие жизни и ее ценностей.

Как известно, в 1972 году ректор Тамбовского педагогического института Владимир Дмитриевич Виноградов пригласил В. Г. Руделёва в Тамбов. Это не случайно, поскольку Виноградов был языковедом и смог объективно оценить исследовательские возможности молодого ученого. Как неоднократно отмечал сам Владимир Георгиевич, для него, сорокалетнего исследователя, Тамбов стал совершенно неожиданным откровением, а стремление возродить закрытый в Тамбове университет стало важнейшим фактором для создания научной школы. Но было бы наивно думать, что такое создание определялось только успехами тамбовских лингвистов. Если бы в начале 70-х годов не сформировалась оригинальная и продуктивная научная концепция профессора В. Г. Руделёва, то этой школы, скорее всего, и не было.

В первый раз о существовании Тамбовской научной школы в официальных документах было заявлено в самом начале 1995 года [Зубец 1995: 5–9]. Это было время преобразования Тамбовского педагогического института в государственный университет, и данное известие прозвучало как одно из самых веских доказательств правомерности и необходимости подобного акта. Однако уже в течение 20 лет научные изыскания, позволившие определить их как результаты деятельности научной школы, в той или иной степени находили отражение в публикациях сборников и материалах конференций. Это позволило в том же 1995 году выпустить сборник, посвященный 20-летию Тамбовской лингвистической школы [Руделёв 1996]. К этому времени по кафедре русского языка Тамбовского государственного университета было защищено 12 кандидатских диссертаций. Надо заметить, что в то время защита диссертаций имела особую значимость. В 1978 году в Тамбове была проведена межвузовская конференция языковедов на тему «*Семасиология и грамматика*», которая привлекла внимание многих крупных ученых Москвы и Ленинграда. Признание научной школы в ТГУ им. Г. Р. Державина было представлено в «Вестнике гуманитарной науки» [Орлицкий 1995: 5–8].

На наш взгляд, в самом общем виде **научная школа** может быть определена как система научных взглядов, объединенных принципами и методами исследования, реализующимися в научной деятельности коллектива ученых-единомышленников под руководством его лидера (учителя), предложившего основополагающие идеи научно-исследовательской или научно-образовательной деятельности. В качестве основополагающего критерия, определяющего наличие научной школы, является *научный метод*, лежащий в основе разрабатываемой теории. Это позволяет оценить теорию и действенность предлагаемого метода, увидеть конкретные результаты, признав их существенными, что влечёт за собой *признание* основоположника в качестве создателя Школы, *лидера (учителя)*, высшего авторитета.

Данные признаки, на наш взгляд, легко обнаруживаются в созданной В. Г. Руделёвым школе. Несомненно, важнейшим из них является 1-й признак — наличие нового метода. Таким методом явился разрабатываемый им теоретико-информационный подход к описанию языковых явлений. Однако не менее важным и существенным в становлении и развитии научной школы стало *признание В. Г. Руделёва в качестве создателя школы, ее лидера (учителя)*. Прежде всего, отметим, что высокий научно-исследовательский потенциал в области теории языка и русистики был продемонстрирован В. Г. Руделёвым ещё на этапе защиты докторской диссертации в Ленинградском университете в 1971 году. Диссертация была посвящена типологии и истории русских вокалических систем. Этот фундаментальный труд поставил В. Г. Руделёва в ряд наиболее известных фонологов и историков языка русского языка. О научном признании исследований В. Г. Руделёва в этой области свидетельствует публикация его статьи о фонологической интерпретации русского аканья в журнале «Вопросы языкознания», издаваемом АН СССР [Руделёв 1963]. В те годы публикация в этом журнале делала имя ученого не только широко известным, но и свидетельствовала о научной состоятельности и востребованности исследовательской позиции ученого-лингвиста.

И действительно, возглавив кафедру, В. Г. Руделёв сумел использовать научный потенциал преподавателей, сосредоточив часть исследовательской работы на изучении русских диалектов Тамбовской области, а другую часть связал с изучением фонологических изысканий в духе фонологии Н. С. Трубецкого. Если первое направление было закономерным и традиционным для научной деятельности кафедры, то исследования в области фонологии оказались в значительной степени новыми, поскольку фонология как самостоятельная учебная дисциплина только пробивала себе дорогу и находила признание, как правило, у молодых исследователей, поверивших в перспективность данных научных исследований. Примечательным научным результатом, позволившим убедить коллег и молодых исследователей в востребованности фонологических идей, стала защита кандидатской диссертации преподавателя кафедры С. В. Пискуновой «Фонологическое описание говора села Вирятино Сосновского района Тамбовской области».

Таким образом, уже на раннем этапе своей научной и профессиональной деятельности В. Г. Руделёву удалось приобщить преподавателей к основам именно *современной науки*, которая реализовывалась, как принято сейчас говорить, *в рамках приоритетных современных направлений*. При этом данное приобщение к актуальным проблемам, в частности, современной русистики было связано с существенным признаком университетского образования — вносить новое и в теоретические курсы русского языка как учебной дисциплины в вузе. Именно это в значительной степени отличало университетскую науку от чисто научных исследований.

Показательным в этом плане стало учебное пособие В. Г. Руделёва «Фонология слова» (1975 г.). В *теоретическом отношении* эта книга примечательна в нескольких отношениях. *Во-первых*, в приверженности ученого к фонологическим методам описания русского языка, в реализации идей основателя фонологии как науки Н. С. Трубецкого. В тот период идеи Трубецкого хотя и были востребованы в исследованиях ученых, но не получали методологического осмысления и, тем

более, не включались системно в вузовское преподавание. Во-вторых, В. Г. Руделёв увидел, что фонология — это не только самостоятельная научная дисциплина, но и целостное «научное мировоззрение», которое способно было найти свое применение за пределами фонологии. Поэтому не случайно он определил идеи Н. С. Трубецкого, как неочтенные XX-м веком, не осмысленные в полной мере современными исследователями [Руделёв 1995].

Характеризуя признание профессора В. Г. Руделёва в качестве лидера и учителя, отметим, **что** определяло эту сторону его деятельности в целом. Прежде всего, поражало его стремление взглянуть на вполне известные и общепринятые идеи нестандартно, смело, когда привычные представления о тех или иных языковых явлениях и фактах оказываются в нашем сознании не такими уже незыблемыми истинами, какими мы их считали. Они давали возможность по-новому взглянуть на давно устоявшиеся традиции, увидеть и осознать их развитие в контексте современных лингвистических направлений и методов исследования. При этом важно отметить, что смелость и научная бескомпромиссность в отрицании этих привычных представлений не являются самоцелью рассуждений В. Г. Руделёва, поскольку он не ограничивается критикой идеи по анализируемой проблеме, а дает возможность увидеть возможности нового подхода по её решению.

Однако здесь, конечно, возникает вопрос о соотношении понятий «научная школа» и «научное направление». Этот вопрос неоднозначно представлен в науковедении: одни исследователи считают, что понятие научной школы уже понятия научного направления (В. В. Колесов), другие, и их большинство, — наоборот. С этих позиций, говоря о Тамбовской лингвистической школе, мы имеем в виду *широкое понимание* научной школы. Показательным в этом отношении стало изменение названия в ее проблематике. Так, на современном этапе Тамбовскую лингвистическую школу нередко именуют по названию «*Экология языка и речи*». Такое название имела лаборатория, проблематика которой с 1991 г. стала темой очень многих исследований, проводимых в рамках Тамбовской лингвистической школы. Однако первоначально в центре ее внимания были *проблемы взаимодействия лексической семантики и грамматики*, которые активно продолжали исследоваться и были ядром в исследовательском поле научного коллектива кафедры русского языка. Поэтому сама научная школа, несмотря на изменение ее названия в 1995 году, не только сохранилась, но и окрепла, поскольку ее сущность определял научный метод — теоретико-информационный метод. При этом он оказался реализованным на всех уровнях языка, в синхронии и диахронии, в школьном преподавании русского языка [Руделёв 1992; 1995] и в чисто научном его осмыслении [Руделёв 2002].

Заявка на применение методов, аналогичных методу Н. С. Трубецкого, за пределами фонологии была сделана на грамматическом материале русского языка. И здесь произошло то, что можно соотнести с самым главным признаком научной школы, когда избранный или созданный исследователями научный метод становится общим для всего направления и применяется на разном, хотя и имеющем черты сходства, материале. Так, в 1985 г. появляется статья «Синтаксис глазами фонолога» [Руделёв 1985], которая в концептуальном плане представляет научные взгляды В. Г. Руделёва. Они были отражением результатов осмысления синтаксиса

в рамках спецкурса, который он читал в Тамбовском педагогическом институте на протяжении более 10 лет. Но все же основной областью научных изысканий В. Г. Руделёва на основе разрабатываемого им теоретико-информационного метода становится морфология, и прежде всего система частей речи русского языка. Конечно, экстраполяция фонологических понятий в другие области науки не означает, что исследователями должна игнорироваться специфика их предметов. Ещё А. А. Реформатский, с которым В. Г. Руделёв был знаком и поддерживал научные связи, предупреждал: «Передовой опыт фонологии для становления структурного понимания языка в целом не должен соблазнять лингвистов к механическому переносу возможностей и закономерностей фонологии в иные разделы лингвистики» [Реформатский 1970: 523]. Это прекрасно осознавал В. Г. Руделёв, для которого применение фонологических механизмов в описании грамматического материала имело творческий характер. По его мнению, оппозиции позволяли увидеть специфику противопоставляемых объектов или явлений, а нейтрализации — механизм их взаимодействия, устанавливающий динамический характер этого взаимодействия [Руделёв 1972].

Таким образом, для осмысления грамматических идей В. Г. Руделёва важным является «универсальный метод теоретико-информационного представления языковых систем, открытый Н. С. Трубецким» [Руделёв 2002: 111]. Главным теперь уже были не фонологические штудии, а морфология и синтаксис. Именно в этот период, по сути, и началась *Тамбовская лингвистическая школа* — с ее разработкой теоретико-информационного метода и оппозитивного анализа исследования на всех лингвистических уровнях, с ее интересом к слову как глобальной единице языка, с глубоким проникновением в смысл грамматических категорий и шифруемых ими семантических различий. Признав профессора В. Г. Руделёва несомненным научным лидером и приняв развиваемый им теоретико-информационный метод в качестве методологического для своих научных исследований, коллектив кафедры объединился в рамках научного сообщества для дальнейших научных разысканий.

Наблюдения над взаимодействием лексики и грамматики позволили В. Г. Руделёву определить функцию грамматики по отношению к лексике как ее «шифр». *Идея «шифрующей грамматики»* не нова, что отмечал сам В. Г. Руделёв. Но в своем системном, концептуально оформленном виде идея шифрующей грамматики была развита именно в работах В. Г. Руделёва [Шарандин 2002]. Показательным в этом плане стала разработанная им динамическая система частей речи русского языка.

Надо отметить, что путь В. Г. Руделёва к её разработке не был простым. В 1975 году в сборнике «Русские языковеды» была опубликована статья «Грамматическая теория Ф. Ф. Фортунатова», в которой была представлена формальная классификация слов русского языка в духе Ф. Ф. Фортунатова. В результате анализа В. Г. Руделёв пришёл к выводу о наличии в русском языке 16 частей речи, под которыми понимались грамматические классы. Во многом такое расширение состава частей речи было обусловлено формальным подходом В. Г. Руделёва к глаголу, который в его исследованиях предстал в виде системы частей речи, а не одной целостной части речи. Но, как впоследствии отмечал сам

В. Г. Руделёв, «недостаточная разработанность критериев, позволяющих относить то, что принимается за слово, действительно к словам или только к формам слов, сразу же обнаружила изъяны формальной теории, ...ее непродуктивность... Возникла опасность чрезмерного усложнения словаря...» [Руделёв 2002: 37–38].

Отход от формального подхода произошел в 80-е годы. Он позволил В. Г. Руделёву критично отнестись к предыдущим своим научным позициям, которые были в значительной степени обусловлены характером фонологического материала. Так, он считал, что опыт спецкурса «Синтаксис глазами фонолога» был скорее отрицательным, чем положительным [Руделёв 2002: 71]. Поэтому принципиальным для него стало признание важности изучения семантики языковых единиц и из связи со средствами ее выражения. Учитывая относительный характер соотношения формы и содержания в языке, он исследует грамматическую семантику с позиций средства выражения абстрактной лексической семантики, шифром которой оказывались грамматические категории. В качестве языкового механизма, обусловившего характер частеречной системы как динамической, явились оппозиции, члены которой обладали разной информационной мощностью, что определялось на основе установленных нейтрализаций частей речи в слабых позициях. Концептуальной в этом плане стала его статья «Динамическая система частей речи» [Руделёв 1996], в которой части речи были представлены в определенных иерархических отношениях, что позволило ему установить ранг той или иной части речи в отношениях с другими частями речи, их значимость в языковой системе русского языка. В дальнейшем этот подход получил развитие в трудах А. Л. Шарандина в рамках Тамбовской лингвистической школы [Шарандин 1998].

Важным моментом для осмысления значимости полученных грамматических результатов в рамках Тамбовской лингвистической школы стало их использование в лексикографической практике. По мнению В. Г. Руделёва, «целесообразно освобождение системы слов (лексем) от всего, что лишь внешне напоминает слова: от союзов и частиц, от предлогов и междометий... Сохраняя звания слов только за полнозначными словами и лишая такого звания «слова» служебные, а также междометные фразы, мы тем самым упрощаем словарь, усиливая и расширяя грамматику» [Руделёв 2002: 54.]

В этом случае лексикографический потенциал слова-лексемы определяется его лексической семантикой. Границы же лексемы структурированы разными языковыми формами, имеющими свою грамматическую концептуализацию, но при этом совместимую с концептуальным содержанием лексического значения. Оно является базовым (обязательным) семиотическим в семантической структуре слова-лексемы и обуславливает тождественность лексического значения во всех коммуникативно-дискурсивных формах, обслуживающих его в качестве концептуальной структуры. Так, например, если сравнить в этом плане лексикографический потенциал глагольной лексемы *читать*, обозначающей действие, глагольной лексемой *соответствовать*, обозначающей отношение, то глагол *читать* будет иметь полный набор всех грамматических категорий, тогда как глагол *соответствовать* имеет неполные парадигмы по наклонению, виду, залогу.

Говоря о роли В. Г. Руделёва в развитии научной школы, созданной им, важно отметить, что в ней он стремился сохранить *преемственность традиций*, до-

казавших свою продуктивность [Шарандин и др. 2013]. Поэтому он заботился о постоянном притоке новых исследовательских сил путем обучения молодых исследователей и повышения их научной квалификации. Однако при этом данные традиции не рассматривались им как средство снижения творческого потенциала каждого из членов сформировавшегося научного сообщества, в рамках которого каждый способен реализовать *индивидуальные возможности* на пути своего самостоятельного научного развития и признания его как значимого и самостоятельного ученого-исследователя.

На наш взгляд, многие идеи профессора В. Г. Руделёва ещё не до конца осмыслены, вследствие чего оказались не в полной мере востребованными в решении научных проблем. Вот почему его научное наследие ждёт своего исследователя. Но, тем не менее, научным сообществом и образовательной системой РФ был признан один результат, который свидетельствует о значимости научной деятельности профессора В. Г. Руделёва. Это — признание о наличии в Тамбовском государственном университете имени Г. Р. Державина научной лингвистической школы В. Г. Руделёва.

Моё отношение к личности В. Г. Руделёва, конечно, определяется тем, что я — его ученик. Поэтому, естественно, мое отношение окрашено тем уважением, которое выражено известными строками: *Учитель! Пред именем твоим / Позволь смиренно преклонить колени*. Но мои чувства и оценка его деятельности формировались на протяжении 50 лет. Поэтому, уже повидав многое на своём пути, осознаешь, выражаясь слова Василия Шукшина, главное — *«Все гибнет: молодость, обаяние, страсти — все старится и разрушается. Мысль не гибнет, и прекрасен человек, который несет её через жизнь»*. На наш взгляд, к числу таких людей относится и В. Г. Руделёв.

У других, знавших В. Г. Руделёва, возможны иные оценки его как ученого, как личности. Однако несомненно одно: профессор В. Г. Руделёв принадлежал к плеяде тех известных учёных, которые составляют гордость отечественной филологической науки.

ЛИТЕРАТУРА

Зубец В. М. Мечта становится реальностью // Тамбовский государственный университет. Спецвыпуск. 1995. Февр. № 1–6. С. 2.

Орлицкий Ю. Международная конференция «Слово», посвященная 20-летию Тамбовской лингвистической школы // Вестник гуманитарных наук. М., 1995. № 6. С. 5–8.

Реформатский А. А. Из истории отечественной фонологии. М: Наука, 1970.

Руделёв В. Г. Грамматическая теория Ф. Ф. Фортунатова // Русские языковеды. Тамбов: ТГПИ, 1975. С. 6–25.

В. Г. Руделёв. Динамическая теория частей речи // Вестник Тамб. ун-та. Сер.: гуманитарные науки. Тамбов, 1996. Вып. 1. С. 83–89.

Руделёв В. Г. К фонологической интерпретации русского аканья // Вопросы языкознания [АН СССР]. 1963. № 2. С. 30–38.

Руделёв В. Г. Открытие, не осмысленное веком // Лингвистика на исходе XX века: Итоги и перспективы. М.: МГУ, 1995. Т. 2. С. 446–447.

Руделёв В. Г. Русский язык. Учение о предложении. Учебник. для VII–IX кл. Тамбов: Тамб. пед. ин-т, 1992. 136 с.

Руделёв В. Г. Синтаксис глазами фонолога» // Исследования по семантике: Семантические аспекты синтаксиса. Уфа: БГУ, 1985. С. 11–18.

Руделёв В. Г. (отв. ред.). Слово 1: Сб. науч. работ, посв. 20-летию Тамбовской лингвистической школы. Тамбов: Тамб. ун-т, 1996. 247 с.

Руделёв В. Г. Собрание сочинений. В 6 т. Т. 6, ч. 2. Тамбов: Тамб. ун-т., 2002.

Руделёв В. Г. Типы нейтрализации и классификация оппозиций (на материале русского языка) // Проблемы структурной лингвистики. 1971. М.: Наука, 1972. С. 319–333.

Руделёв В. Г. Фонология слова: Спецкурс по русскому языку. Тамбов: ТГПИ, 1975.

Шарандин А. Л. Иерархические отношения в системе частей речи русского языка // Вест. Тамб. ун-та. Сер. Гуманит. науки. Вып. 1. Тамбов, 1998. С. 20–28.

Шарандин А. Л. Проблемы русской грамматики в трудах профессора В. Г. Руделёва // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. Тамбов, 2002. Вып. 3 (27). С. 50–63.

Шарандин и др.: Шарандин А. Л., Пискунова С. В., Руделёва О. А. Тамбовская лингвистическая школа // В лабиринте сознания, времени и языка: сб. статей в честь 80-летия профессора В. Г. Руделёва. Тамбов: Изд-ский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2013. С. 14–22.

УДК 81(091)

С. Ю. Дубровина

ВЛАДИМИР ГЕОРГИЕВИЧ РУДЕЛЁВ — УЧЁНЫЙ, ПОЭТ, МЫСЛИТЕЛЬ

Аннотация. Настоящая статья посвящена памяти замечательного человека, творческой личности, ученого, поэта, философа, заслуженного работника высшей школы Российской Федерации, доктора филологических наук, профессора Владимира Георгиевича Руделёва. Статья написана в жанре мемуаров и содержит зарисовки о событиях прошлого, очевидцем которых довелось быть автору воспоминаний. Освещаются отдельные события со стороны неформального общения, свидетельствующие о разносторонности интересов, творческом характере, научных приоритетах и открытиях ученого. Затрагиваются некоторые проблемы научных исканий, сохраняющих актуальность донныне, раскрывается неординарность личности, творческое отношение к жизни и профессии.

Ключевые слова: Владимир Георгиевич Руделёв, ученый, русский профессор, творческая личность, неординарность, оригинальные исследовательские подходы.

S. Yu. Dubrovina

VLADIMIR GEORGIEVICH RUDELEV — SCIENTIST, POET, THINKER

Annotation. This article is dedicated to the memory of a remarkable man, creative personality, scientist, poet, philosopher, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Doctor of Philology, Professor Vladimir Georgievich Rudelev. The article is written in the genre of memoirs and contains sketches about the events

of the past, which the author of the memoirs happened to be an eyewitness to. Individual events from the side of informal communication are highlighted, indicating the diversity of interests, creative nature, scientific priorities and discoveries of the scientist. Some problems of scientific research that remain relevant to this day are touched upon, the originality of the personality, creative attitude to life and profession are revealed.

Key words: Vladimir Georgievich Rudelev, scientist, Russian professor, creative personality, originality, original research approaches.

19 ноября 2018 года ушел из жизни русский профессор, ученый и творческий человек Владимир Георгиевич Руделёв. Все мы, знавшие и уважавшие его, понесли большую утрату. После осознания случившегося был так силен наплыв грусти и невосполнимости произошедшего, что сосредоточиться на письменной передаче воспоминаний было невозможно. Но время шло, и сначала мелькало, а в конце-концов окрепло осознание необходимости в личном участии сохранности и донесения памяти о неординарном, замечательном человеке, — поэте, ученом, филологе, руководителе научного сообщества, исследователе, изыскания которого определили научное творчество и приоритеты своих учеников. Память невольно возвращала к тем или иным эпизодам прошлого, которые живо напоминали о совместных встречах, собраниях; и оживали дискуссии, разговоры, участие Владимира Георгиевича в которых всегда было значимо и придавало весомость любой беседе.

Дискуссия по проблеме «аканья»

Мой личный путь профессионального познания начинался в среде прославленного Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова с принадлежностью к научной школе академика, основателя советской (русской) этнолингвистической научной школы, ученого с мировым именем, слависта, прямого потомка великого русского писателя Л. Н. Толстого, создателя словаря «Славянские древности» Никиты Ильича Толстого. Общение с Никитой Ильичем, его близкими и учениками не только определило мои научные интересы, но и дало представление о научной этике, ответственности, скрупулезности исследовательской работы на всю дальнейшую жизнь. Исследование русского языка в свете славянской этнолингвистики определило мои научные интересы.

С именем Владимира Георгиевича Руделёва тоже пришлось познакомиться ещё во время учебы в МГУ, в связи с научным спором по отношению к неразрешенным проблемным вопросам русской исторической фонологии. Владимир Георгиевич, обладая незаурядной научной смелостью, вступил в теоретическую научную полемику лингвистов — фонетистов, фонологов, историков языка и был критикуем в ходе дискуссии о проблеме происхождения аканья, приобретшей большую значимость для поколения русистов 60-х – 90-х годов. Об актуальности данной проблемы можно судить по тому, что она выносилась на обсуждение в наши учебные аудитории. В частности, во время моей студенческой учебы ей было уделено время на занятиях по исторической грамматике с Георгием Александровичем Хабургаевым, далее проблема обсуждалась на семинаре аспи-

рантов по фонетике, который вела Клавдия Васильевна Горшкова, и, в конце-концов, она входила в вопросы на кандидатских экзаменах по русскому языку. Дискуссия сохранила значимость до наших дней; окончательного однозначного разрешения проблема истоков «аканья-яканья, эволюции характера ударения не получила»; время от времени высказываются новые интересные мнения или возобновляются старые аргументы [Князев 2000].

Выступить по такой острой проблеме, волновавшей умы многих фонетистов, языковедов разного ранга значило заявить научную смелость и право оригинального исследовательского подхода. Владимир Георгиевич вступил в дискуссию и указал свой путь решения вопроса: фонологические отношения обусловили для части наших говоров изменение безударного вокализма, и в итоге возникает аканье как результат перестройки фонологической системы русского языка. Но такая интерпретация требовала ответа на вопрос о том, «возможно ли вообще, чтобы фонологические отношения были причиной фонетических изменений» [Кузнецов 1964: 37].

Возражения критики заключались, также в произвольном приписывания дифференциальных признаков звуковым единицам (фонемам), например, приписывание древнерусским **е, о** признака компактности [Кузнецов 1964: 38; Князев 2000: 76].

Готовность откликаться на злободневные научные дискуссии, нестандартность мышления — вот почему с начала работы в Тамбове возник интерес и сохранялась симпатия к личности, научной деятельности и поэтическому творчеству профессора Владимира Георгиевича. Отвлекаясь от составляющей «личных заслуг», мне хотелось бы далее остановиться на тех минутах неформального общения с ним, которые подарила судьба в разные поры жизни и творчества.

Лекция о язычестве древней Руси

Владимир Георгиевич был человеком эмоциональным, эмотивным и патристично настроенным к русской истории, в которой, как известно, скрыто много загадок. Его увлекала тема крещения Древней Руси, в особенности, известный летописный эпизод о том, как князь Владимир низринул идолов: «И когда пришел, повелел опрокинуть идола — одних изрубить, а других сжечь. Перуна же приказал привязать к хвосту коня и волочить его с горы по Боричеву взвозу к Ручью и приставил двенадцать мужей колотить его жезлами. Делалось это не потому, что дерево что-нибудь чувствует, но для поругания беса, который обманывал людей в этом образе, — чтобы принял он возмездие от людей» [ПВЛ 1978: 131–133].

Владимир Георгиевич часто размышлял об этом отрывке «Повести временных лет» и делился своими открытиями. В его представлении сложилась собственная концепция на тему славянского язычества, в которой имело место предположение о неоднозначности «язычества» древнерусского пантеона «богов» по причине близости русичей к «древнему» христианству. В конце концов, для него самого версия дополнилась деталями, выстроилась в некую последовательность, с настроен на оригинальные рассуждения на тему фактов древнего христианского сознания русичей.

Как-то даже состоялась его публичное выступление для прихожан Вознесенского женского монастыря, на которое собралось достаточно много

слушателей. Сказать, что В. Г. «читал лекцию» — неуместно для формата того выступления, которое было осуществлено. Скорее, он делился с людьми своими знаниями и гипотезами, одновременно находя для себя ответы по поводу высказанных идей. Это исходило из позиции равнодушия лектора к нашей древней сакральной и материальной культуре, раскрытие проблемы «славянских древностей», волнующей многих, заключающейся в осознании истоков Руси и русской веры.

Слушали его с интересом и внимательно, но так как лекция изобиловала фактами переосмыслений имен и функций «богов» (точнее, идолов — *Перуна, Хорса, Дажьбога, Стрибога, Смаргла*, имевшим отношение к природным явлениям — солнцу, ветру и огню); не обошлось без «неудобных» вопросов, не сходящихся с наблюдениями, излагаемым уважаемым профессором. На вопросы он отвечал терпеливо, несмотря на то, что некоторые из них противоречили его рассуждениям. Соль позиции лектора заключалась в том, что уже до крещения существовало древнее архаическое христианство. Сохранилась память о функциях, которые приписывали идолам (известное Перун — бог громовержец. Велес — «скотий бог»). Аргументы строились на летописных фактах о язычестве славян и на доказательстве собственных предположениях. Конечно, далеко не все были готовы согласиться с таким «авторским» подходом. Слушатели скорее были настроены на резкую критику, не мирясь с допущением иного мнения. Но Владимир Георгиевич не сдавался и провел свою беседу до конца.

Видя, что он огорчен реакцией публики, старалась помочь ему в таком трудном выступлении, высказать свои аргументы, которые, увы, в фактически бедном поле информации о нашем язычестве почти ничтожны и, кроме того, перекликаются с соседними мифологиями.

Наверное, каждый человек, обратившийся к русской древней истории, переживает недостаточность или полное отсутствие фактов по той или иной «древней» теме, осознает многочисленность зияющих лакун. Наши лучшие историки, языковеды, бережно собиравшие рукописи и изучавшие их (в частности, Измаил Иванович Срезневский), отмечали редкое присутствие образцов живой речи в дошедших до нас письменных памятниках (не считая берестяных грамот, относящихся к сфере личных сообщений). Поэтому важно было сохранить градус равновесия мнений и почтения к коллеге и ученому, обладающему, помимо всего, художественным талантом.

Старалась передать это чувство детям — ученикам воскресной школы, которые относились к В. Г. с неподдельным вниманием.

По отзывам сегодняшних, выросших уже «детей», это чувство уважения они сохранили.

Городецкая роспись

Добрым словом хочется вспомнить те человеческие качества учёного Владимира Георгиевича Руделёва, которые обращали на себя внимание всех, кто мог видеть его труды по воспитанию своего ребёнка. Владимир Георгиевичем был замечательным добрым отцом, защитником и покровителем, находившим

место и время для развития и обучения своей дочки, и мне, по ряду обстоятельств, довелось быть свидетелем этого. Когда в 90-х годах прошлого века в учебном образовательном центре «на улице Московской при восстановленном Вознесенском женском монастыре открылась воскресная школа, он заинтересовался местными возможностями творческого развития и воспитания и вскоре привёл свою сюда дочку. Его дочь, Аня, была тогда ещё маленькой и, кажется, пошла в 1-й класс.

Детский коллектив состоял из детей разного возраста, но в основном это были старшие дошкольники и дети младших классов средней школы. Вместе с детьми в «команду» вливались и родители, которые приводили и отводили своих малышей, часто оставались вместе с ними во время занятий, если существовала такая возможность. Никаких запретов на посещение уроков не было, и это было прекрасно, потому что родители разделяли вместе с детьми радость творчества, когда те знакомились друг с другом, лепили, вышивали, делали что-то из бумаги, пластилина и т. д. С другой стороны, ребёнок в том случае, если у него что-то не получалось, всегда обращался к маме, и она могла помочь.

И вот в этот полудетский-полувзрослый коллектив влились Владимир Георгиевич и его дочка Анечка. Было умилительно смотреть, как ответственно и нежно он относился к своему ребёнку, поддерживал его вниманием, объяснял что-то и помогал. И еще более важно, он осознавал значимость роли отца в творческих поисках ребенка. В общении вёл себя скромно, подчиняясь расписанию и духу царившей атмосферы, ничем не выделяясь в среде родителей, среди которых больше было мам.

В то время (приблизительно это был 1993 год) занятия по рисованию и творчеству (поделки, аппликации, вышивание) вела учительница из средней общеобразовательной школы № 33 Фаина Георгиевна Перегудова. Фаина Георгиевна, появившись в воскресной школе, стала активным и незаменимым членом сообщества детей и взрослых и участвовала в работе многих направлений. Впоследствии, когда возник вопрос о необходимости постановки настоящего «взрослого» спектакля, она явилась активным участником этого мероприятия.

Несколько слов о том, как проходили уроки рукоделия для детей и взрослых.

За окном тёмные сумерки, тянется осенний вечер. В старом кирпичном здании школы все собрались на 2-м этаже одного из просторных классов, и каждый занят своим делом. В центре — учительница, Фаина Георгиевна. Ближе к ней за партами сидят дети, сзади расположились родители. Когда учитель объясняет, все затихают, и взрослые молча прикладывают пальцы к губам, показывая детям, что нужно молчать и слушать. После объяснения начинаются попытки собственного делания. Не у всех малышей они проходят удачно, и в таком случае ребёнок спокойно встаёт и просит помощи у мамы или у любого взрослого, которому доверяет. Громкие голоса не приветствуются, но спросить и объяснить можно всегда. В конце-концов на фоне доброжелательной атмосферы разговаривают все, и все вникают в поставленную задачу.

Фаина Георгиевна, будучи учителем рисования, самостоятельно освоила искусство городецкой росписи, в чем стала специалистом, изучала и совершенствовалась для себя это мастерство, заодно прививала интерес к творчеству

своим ученикам. Дети окружали ватагой, и каждый волновался за свою поделку, собственное «произведение искусства»; каждому нужно было уделить внимание. По разработанной учительницей системе дети рисовали сначала на бумаге, потом им выдавали деревянные дощечки, на них нужно было нанести фон (красный, чёрный), высушить фон и затем произвести рисунок (веточки, узоры, лебедя). Рисование в русском стиле по отработанной системе учителя было очень полезным занятием, помимо этого оно дарило радость творчества и приобщало к народной традиции.

Анечка так же, как и все дети, старалась произвести свой шедевр. Когда у неё не что-то не получалось, а учительница была занята, Владимир Георгиевич, видя сложившуюся обстановку, не занимал времени учителя и не был настойчив в отвлечении внимания на своего ребенка. Он сам пытался помочь в «проблемах» с рисованием, а когда выяснялось, что у девочки все же что-то не получается, спокойно направлял ее к старшим: «Подойди к Светлане Юрьевне». И это было очень правильно, потому что, с одной стороны, наши отношения были дружескими, и был повод проявить их, с другой — все присутствующие видели пример вежливости и взаимной поддержки в среде науки и высшего образования; пример, который никогда и нигде не бывает лишним.

Обстановка часто становилась настолько домашней, что иногда мы, взрослые, видя как увлечены общением и творчеством дети, засиживались допоздна в осенние и зимние вечера, так как расставаться не хотелось. И только домашние и деловые обязанности заставляли нас разойтись.

Этруски

Владимир Георгиевич Руделёв любил говорить о своих научных трудах в области фонологии, лексикографии, о публикациях и находках. Но одна тема особенно влекла его к себе, Это тема славянской архаики и предположительной связи с культурной цивилизацией *этрусков* — «неразгаданного» этноса, память о котором прикрыта завесом тайны; имя которого содержит заветный корень «рус-» и указывает на «русскость».

В 90-х годах в научно-популярном тамбовском журнале «Кредо» у меня вышла публикация о символах устно-поэтической традиции в народной ботанике — «натуралистической» и малоизвестной области русской и славянской филологии. В этом же номере под названием была опубликована статья Владимира Георгиевича об *этрусках* — древней цивилизации, населявшей в глубокой древности Апеннинский полуостров, соседствовавшей с греками и романами. Конечно, статьи полагалось обсудить. В то время мы работали в корпусе на ул. Советской, и учебное расписание было таким, что, к счастью, позволяло выделить время на разговоры.

Загадка этрусков волновала В. Г., как объяснял он сам, после прочтения газетного материала любителя истории и филологии П. П. Орешкина во «Всероссийской газете», издаваемой в Санкт-Петербурге. Владимир Георгиевич с интересом прочёл исторические реконструкции этого автора и они увлекли его настолько,

что он приступил к собственной расшифровке представленных данных. Он самозабвенно был увлечен этой темой настолько, что мог говорить о ней часами. В. Г. не сомневался, что имя «этруски» не случайно, и в нем заключено указание на древний род руссов — «это русские», что проблема происхождения этой цивилизации, её язык связаны с архаической историей расселения наших предков задолго до нашей эры.

Продолжая свои наблюдения, Владимир Георгиевич, с опорой на упомянутую публикацию, сделал собственную оригинальную расшифровку имён, содержащихся в древних надписях на этрусских погребальных зеркалах, перечисленных у П. П. Орешкина. Результатом его прочтения стали такие оригинальные расшифровки отдельных этрусских надписей, как *Менеока* — «ясноглазая», «царица с именем весны»; *саю-ваю* — «творю», *Свдан* — «свидана», т. е. *светлейшая* (царица), *Евснзре* — «Святозарь», имя сына царицы. Впрочем, адекватно понять эти оригинальные прочтения было трудно из-за банального факта плохого качества печатного воспроизведения самих рисунков погребальных надписей в журнале.

Наверное, многие интересуются этрусскими древностями, но никогда не приходилось встречать человека, который бы с таким воодушевлением говорил о загадках русского языка и его древней истории, более того, пытался бы реконструировать архаику. Владимир Георгиевич вывел собственное прочтение этрусских надписей с интересными трактовками, в чем проявилась его равнодушие к древней истории и творческая оригинальность его натуры. Эта тема очень волновала профессора, чувствовалась его увлеченность и юношеский задор. Интерес вызывает проникновение в тайну происхождения тонкого искусства мастеров, изящество изображений, напоминающих искусство Палеха; удивляют сохранившиеся на древних этрусских надгробиях надписи, в которых прослеживается русский след. Проблема не закрыта, и есть надежда, что со временем разгадка будет найдена, подтверждена, и народ с именем «этруски» займёт своё истинное и адекватное место в истории человечества.

«И это ощущение театра, песочный свет и синева кулис...»

(В. Г. Руделёв «Начало зимы»)

В нашем общении, более того, не побоюсь сказать, дружбе с В. Г. был один эпизод совместного творчества, оставивший глубокий след в памяти. (Речь идёт о постановке двух спектаклей («Снежная королева» по сказке Андерсена и «Царь Иудейский» — драма Константина Романова). Спектакли были поставлены не профессионалами, но силами общественности в Тамбовском областном драматическом театре. За давностью лет могу ошибиться в датах¹, но, скорее всего,

¹ Дату постановки точно указать не могу, не обладая способностью запоминать хронологические детали. Скажу только, что обсуждали этот спектакль приблизительно в 1992–1993 гг., а состоялся он ранее 1996 г., кажется, в 1995. За множеством событий и дел забываются цифры.

спектакль «Царь Иудейский» состоялся в 1995 году, причем самым значимым было выступление перед патриархом Алексием II. Это осуществилось, во-первых, благодаря заинтересованности и единому порыву людей — детей и взрослых, их любви к искусству, желанию приблизиться к волшебному миру театра, «примерить на себя» загадочную роль артистов и, во-вторых, благодаря великим творениям словесного творчества, — сказкам Андерсена, часто христианским по сути; библейскому сюжету Константина Романова.

Была идея, и она приобрела понимание. В конце-концов, состоялась премьера, в которой участвовали взрослые актёры и дети, составлявшие хор. (Кстати, в данном спектакле принимала участие Фаина Георгиевна Перегудова, о которой мы упоминали выше. Она исполняла роль Иоанны — домоправителя Ирода).

Сейчас, по прошествии столь долгого времени, отвлекаясь от этих организационных моментов, мне важно подчеркнуть участие в этом спектакле Владимира Георгиевича Руделёва.

Когда собрались на обсуждение самой идеи постановки, сразу встал вопрос о «кадрах». Центральные роли Понтия Пилата, прокуратора Иудеи и Прокулы, его жены исполняли профессиональные актёры. Согласование других ролей выносилось на суд режиссера. По поводу второй главной роли мнения были единодушны: на роль Иосифа Аримафейского (члена синедриона) невозможно было ввести кого-либо иного, как не Владимира Георгиевича. Иной кандидатуры никто и не помышлял.

В. Г. Руделёв — поэт, профессор, филолог, неожиданно раскрылся как артист. Не буду останавливаться на мелких и неуместных в данном случае эпизодах встреч и репетиций, в которых имели место и огорчения, и усталость, и радость, и смех; остановлюсь только на ощущении того, чем была для всех участников, и для В. Г. эта постановка.

Спектакль выполнял миссию повествования о заключительных событиях евангельского повествования и Голгофе, донесения смыслов евангельского текста и личного восприятия. «Замахнувшись» на постановку силами не-профессионалов, мы рисковали потерпеть фиаско. Поэтому отношение к репетициям было очень серьёзным. Важно то, какова была роль В. Г., и как он осознавал её. Он был в спектакле первым в иерархии артистов и зрительской публики, что придавало значимость каждому его движению, каждому звуку, исходившему из его уст. Он представлял исторические события, волновавшие миллионы людей. Сам, будучи поэтом, он доносил прекрасные поэтические строки, которые заставляли трепетать сердца и возвышали души, светили разуму. Владимир Георгиевич исполнял главную роль и был основным участником всех сцен. Его костюмом была яркая блестящая красная порфира переливающегося шёлка, он выделялся статностью и значительностью роли. Но более всего его украшало точное осмысление значимости своего великолепного участия в спектакле, осознание не-случайности возможности представления широкому кругу соотечественников такого значительного исторического лица.

Отвлекусь на один момент, который несущественен для театрального успеха, но важен в отношении «лингвистического» взаимопонимания и филологической дружбы.

В какой-то из сцен спектакля один из артистов должен был громко произнести фразу «Я здесь, Александр!». Но этот человек, молодой парень, постоянно произносил её как «Я *здесь*, Александр!», вызывая улыбки окружающих. Из деликатности и из-за боязни помешать ходу действия, никто не делал ему замечаний. Но потихоньку улыбались и хихикали. Главным на сцене был режиссер, он был занят важной проработкой сцен и до поры не замечал мелких деталей, пропуская их. И вот, в конце-концов, до режиссера наяву дошла эта речевая несуразность, и, вероятно, представились её ужасные последствия. Его возмущенный гнев распространился не только по сцене, но потряс весь зал драмтеатра. На юношу пролились волны гнева с такой нетерпимой критикой, после чего многие, не выдержав, заулыбались; дети засмеялись. Но только не мы с Владимиром Георгиевичем! Мы лишь переглянулись с ним понимающе и вздохнули: исчезла такая сочная фраза народного говора, волнующая сердце диалектолога; такое яркое тамбовское «яканье» покинуло наш народный спектакль! Именно так воспринимали мы этот пережитый нами театральный «период речевой ошибки», и это был знак профессионального единства.

Очень важными были заключительные сцены спектакля. В финальном четвёртом действии действующие лица — и члены синедриона, и слуги — переживают произошедшую трагедию на Голгофе и чудо воскресения. В ней мы «встречались» с Иосифом Аримафейским (я исполняла роль Лии: «*Росой обрызганных я нарвала цветов, душистых первенцев весны, чтоб ими усыпать холм могильный...*»). Особенно значимой была заключительная сцена утра после вестей о воскресении, в которой *Иосиф* оставался один на вершине скалы и произносил заключительную речь. «Тебе, Воскрешему, благодаренье! Минула ночь, и новая заря да знаменует миру обновленье, в сердцах людей любовью горя. Хвалите Господа с небес и пойте непрестанно: исполнен мир Его чудес и славы несказанной. Хвалите сонм бесплотных сил и ангельские лики: из мрака скорбного могил Свет воссиял великий...».

Этот момент был исключительно торжественным и величественным.

Завершая свое повествование, остановлюсь на размышлениях о личности Иосифа Аримафейского, роль которого играл Владимир Георгиевич.

Иосиф был знаменит, обладал высокой должностью, присутствовал на суде, где приговорили Христа к страшной казни. Именно он осмелился войти к Пилату и просить отдать тело Иисусово, зная, что наверняка это возбудит ярость первосвященников. Далее, Иосиф отдал свою гробницу, которая стояла огромного состояния, для погребения Христа.

* * *

Останавливаясь на этом фрагменте, заканчиваю свои воспоминания с сознанием тщетности человеческих усилий воспроизвести всё, что хотелось бы вспомнить и передать. Но напишу «пару слов» о том, о чем вряд ли кто задумывается. Как все люди, обладающие тонкой душевной организацией, Владимир Георгиевич, будучи «корифеем» тамбовской научной школы, состоявшимся ученым, на-

ставником многих учеников, обладателем многих областных наград, нуждался в оценке своих идей, слов, выступлений и ждал доброго отклика. Он был открыт для непритязательной беседы, распространении собственных находок, понимания в общении и нуждался в нем. На протяжении длительного периода мы ощущали себя звеньями единого профессионального союза, у нас были доверительные отношения, которыми мы дорожили, и они остаются дороги навсегда.

ЛИТЕРАТУРА

Князев С. В. К вопросу о возникновении механизма аканья в русском языке // Вопросы языкознания. 2000. № 1. С. 75–101.

Кузнецов П. С. К вопросу о происхождении аканья // Вопросы языкознания. 1964. № 1 (январь-февраль). С. 30–41.

Шарандин А. Л. Научное наследие профессора В. Г. Руделева // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 1. С. 131–136.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА В АСПЕКТЕ ЛИНГВОЭКОЛОГИИ

УДК 81.38/42

А. В. Болотнов

ВАРЬИРОВАНИЕ КУЛЬТУРНО-РЕЧЕВОГО СТИЛЯ ИНФОРМАЦИОННО-МЕДИЙНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В МЕДИАТЕКСТАХ РАЗНЫХ ЖАНРОВ

Аннотация. В статье освещаются вопросы динамики культурно-речевого стиля публичной языковой личности синкретичного типа с учетом варьирования таких факторов медиакommunikации, как медиажанр, коммуникативная роль, тема, ситуация. В качестве материала исследования взяты медиатексты журналиста, главного редактора и генерального директора «Независимой газеты» К. Ремчукова.

Ключевые слова: информационно-медийная языковая личность, культурно-речевой стиль, медиатекст.

A. V. Bolotnov

VARIATION OF CULTURAL AND SPEECH STYLE OF INFORMATION AND MEDIA LINGUISTIC PERSONALITY IN MEDIA TEXTS OF DIFFERENT GENRES

Annotation. The article highlights the issues of the dynamics of the cultural and speech style of a syncretic public linguistic personality, taking into account the variation of such factors of media communication as media genre, communicative role, topic, situation. The media texts of the journalist, editor-in-chief and General Director of Nezavisimaya Gazeta K. Remchukov were taken as the research material.

Key words: information and media linguistic personality, cultural and speech style, media text.

Проблемы экологии языка и речи относятся к числу наиболее актуальных в условиях современной языковой ситуации, для которой характерны снижение уровня речевой культуры, рост речевой агрессии, активное использование просторечных единиц в публичной речи, злоупотребление иноязычными заимствованиями, преобладание полемики над дискуссией. Усилиями многих

ученых сделан значительный вклад в изучение основных тенденций в области речевой коммуникации и совершенствование речевой культуры современных носителей русского языка (работы В. И. Аннушкина, О. С. Иссерс, Г. А. Копниной, А. П. Сквородникова, В. Г. Руделёва, В. И. Шаховского и др.).

Особый интерес представляет речевая коммуникация в медиасреде в связи с усилением роли массмедиа в жизни современного человека. Современная медиалингвистика и медиастилистика интенсивно развиваются (об этом можно судить по работам И. В. Анненковой, Л. Р. Дускаевой, М. Ю. Казак, Т. В. Чернышевой и др.).

В задачи статьи входит освещение динамики культурно-речевого стиля публичной языковой личности синкретичного типа с учетом варьирования таких факторов медиакоммуникации, как медиажанр, коммуникативная роль, тема, ситуация. В качестве материала исследования взяты медиатексты журналиста, главного редактора и генерального директора «Независимой газеты» К. Ремчукова. Выбор материала обусловлен возможностью исследовать специфику речевого поведения языковой личности синкретичного типа, относящегося к носителям элитарной речевой культуры по типологии О. Б. Сиротининой и В. Е. Гольдина. Полнофункциональный тип речевой культуры «наблюдается среди людей с высшим образованием, характерен для людей с самым высоким уровнем общей культуры. Для него характерны владение всеми функциональными стилями литературного языка, привычка к самоконтролю речи, навык обращения к словарям и справочникам не только в рамках своей профессии, максимально полное использование всех возможностей литературного языка при очень осторожном и всегда целесообразном применении внелитературных средств, соблюдении ортологических, коммуникативных и этических норм» [Сиротинина 2003: 343–344].

Для исследования взяты медиатексты в жанрах интервью (где языковая личность выступает в разных ролях — интервьюируемого и интервьюера), заметки в колонке редактора и аналитической статьи оценочного характера.

В каких бы коммуникативных и профессиональных ролях не выступал К. Ремчуков (в роли главного редактора, журналиста, эксперта, политика, философа), его культурно-речевой стиль остается безукоризненным и полнофункциональным в стилистическом отношении, характеризуясь высоким уровнем речевой культуры, богатством лексики, отражая значительный информационный тезаурус. Это личность синкретичного типа, для которой характерно совмещение речевых, коммуникативных и когнитивных особенностей разных типов языковых личностей [Болотнов 2015: 90].

Как журналист К. Ремчуков воплощает присущую данному типу информационно-медийной языковой личности специфику «профессиональных работников в сфере массовой коммуникации, живо реагирующих на актуальные информационные поводы, постоянно работающих в формате субъект-субъектной коммуникации в рамках определенной информационной структуры..., ориентирующихся на массовую аудиторию..., имеющих свой стиль, свободных в выражении оценок и в то же время ограниченных в рамках своей профессиональной деятельности и этическими обязательствами» [Болотнов 2015: 53].

Как специалист в области экономики (Константин Ремчуков является кандидатом экономических наук), данная языковая личность нередко выступает в роли ученого-эксперта, применяя средства научного стиля. Как политик К. Ремчуков использует средства публицистического, официально-делового и разговорного стиля. Все эти особенности нашли отражение в его дискурсивных практиках. Обратимся к их анализу, акцентируя внимание на варьировании его культурно-речевого стиля в разных медиажанрах.

В интервью 2008 года, выступая в роли интервьюируемого-эксперта по экономическим вопросам, данная языковая личность использует книжную лексику и апеллирует цифрами для доказательства своих выводов в ходе рассуждений, характерных для научного стиля. Так, выступая как эксперт, специалист в области экономики, в интервью Е. Ильиной 2008 г. К. Ремчуков использует специальную лексику, краткие и точные предложения, включающие тезис и доказательства, характерные для научного стиля: *«Ситуация сложная. Ключевой фактор — отсутствие доверия. Никто никому не верит, количество сделок на межбанковском рынке сократилось до минимума — все боятся. Вторая проблема — отсутствие ликвидности. Ликвидность банковской системы и корпоративного бизнеса снизилась очень существенно, а механизм ее восполнения избран, с моей точки зрения, не самый лучший: к государственным, бюджетным ресурсам допустили сперва три крупных банка, потом круг избранных расширили до 28. Но этого мало! И когда министр финансов докладывает премьер-министру, что из 300 млрд рублей, выставленных на аукцион, востребованными оказались, условно говоря, 100 и это якобы является свидетельством отсутствия у банков потребности в деньгах, он лукавит...»* [Ильина 2008].

Вместе с тем жанр интервью, представленный в устной форме, позволяет использовать метафоры: *отрезаются от ресурсов; ситуация S.O.S; бизнес-процесс слияний и поглощений в условиях кризисной экономики; метонимию и вопросно-ответный прием: И вдруг одна корпорация говорит: все, мы год отдыхаем. Последствия? «Евроцемент» уже отправил свой персонал на 3 недели в отпуск...* В результате создается атмосфера доверительного заинтересованного разговора с компетентным собеседником. Выступая как интервьюируемый, К. Ремчуков при общем доминировании книжной лексики практикует и использование отдельных средств разговорного стиля, обусловленных спонтанностью речи и придающих ей естественный характер (*дергаться не надо; перекос; «жировать»*); присоединительных конструкций: *А ведь промедление в один, два или пять дней играют крайне негативную роль...; А бюджетные расходы в последние годы росли катастрофическими темпами — 37% в 2007 году!..; инверсии в сочетании с повторами в целях усиления прагматики: В теории мелкие банки должны получать средства от 28 крупных, допущенных к аукционам, но у тех нет таких обязательств. Нет четкого регламента, который бы обязывал банки направлять полученные деньги дальше в банковскую систему и экономику в целом. Нет никаких сроков, в которые они должны это делать...* [Ильина 2008].

В другом аналитическом интервью Т. Новиковой 10.03.2022 года [Новикова 2022] по итогам встречи руководителей СМИ с президентом Г. Алиевым, выступая как главный редактор «Независимой газеты», Константин Ремчуков, отвечая

на вопросы, дает объективную аналитическую оценку событию и личности руководителя Азербайджана. При этом используются точные и яркие изобразительно-выразительные средства:

— эпитеты, сравнения, вариативные повторы и анафора в оценочных целях: *...мы увидели многогранного президента. Как алмаз, у которого очень много граней. Грань, в случае с президентом, это конкретное направление компетенции. Этих граней очень много, и по каждому вопросу, который возникал, президент демонстрировал и компетентность, и компетенцию рассуждать на этот вопрос, глубину понимания проблемы. Это производит сильное впечатление, потому что он знает детали, он знает нюансы...*;

— нанизывание однородных членов в сочетании с приемом градации для уточнения: *...Чтобы столько знать, знать все детали, нужно все время эти детали изучать, собирать, систематизировать, типологизировать, квалифицировать...*; *Если в вопросе уже содержался подвох, либо не точность, либо провокационный смысл, президент говорил: «Вы знаете, мне кажется, вы искажаете смысл того, что там происходит», или «в вашем вопросе есть неточности или диффамация»;*

— использование разговорного слова в составе прецедентного феномена в целях большей точности передаваемого содержания и усиления: *Он понимает, что вопрос может подаваться не с целью узнать что-то, этот вопрос направлен, как говорил Шукшин, чтобы срезать кого-то...*;

— антитеза и градация: *И то, что сегодня у Азербайджана союзнические отношения и с членом НАТО, и с лидером ОДКБ — это само по себе уникально. Я думаю, что это самый главный критерий того, что Азербайджан нацелен на сотрудничество, а не на блокировку, изоляцию и конфронтацию. Мне показалось, что это очень важная философия сосуществования с разными странами, в этом сложном, раздираемом противоречиями мире;*

— эпитеты, которые доминируют в оценке К. Ремчукова: *Общение с президентом Азербайджана оставило у всех сильное впечатление, он очень крупный человек. Это всегда приятно. Иметь недалеко от себя в соседях страну, которой руководит умный и мудрый человек, всегда спокойнее...*

В целом свое очень позитивное впечатление от встречи К. Ремчуков передает открыто, подчеркивая особенности деятельности руководителя Азербайджана, которые сам очень ценит (аналитичность, логику), проявляя свойственный ему рациональный стиль мышления: *У президента Азербайджана принятые решения — это производные больших дискуссий, аргументы за и против.*

Совсем иным является речевое поведение Ремчукова в роли интервьюера, судя по его вопросам в интервью с Б. Титовым [Ремчуков 2022а]. Общение на «ты», краткость и точность вопросов по существу, разговорный стиль — все это является показателем особых доверительных отношений между журналистом и омбудсменом Титовым. Сравним вопросы и пожелания, адресованные Б. Титову: *Ну что, Борис, ты все-таки уходишь? Кто вместо тебя? Почему процесс так затягивается? Ты участвуешь в этом? А как ты оцениваешь работу института за прошедшие 10 лет? Чем ты собираешься заниматься в дальнейшем? Ну, что ж, счастливо тебе. Надеюсь, новый омбудсмен будет достойным.*

В заметке колонки редактора стиль информационно-медийной языковой личности характеризуется сжатостью, точностью формулировок, конкретностью, фактографичностью в соответствии с требованиями жанра: *Понятно, что при таком уровне инфляции на турецкие товары и услуги, россияне должны иметь эффективный механизм хеджирования от валютных рисков, особенно при переходе оплаты на национальные валюты — рубли и лиры. Помимо этого, несомненно и то, что поставки из Турции будут фактором того явления, которые принято называть импортируемой инфляцией. С учетом замедления роста в китайской экономике можно также ожидать и проблемы с реализацией российских товаров в Китае...* [Ремчуков 2022б]. Вместе с тем в медиатексте используются и эвфемизмы: *...Такого рода проблемы в экономике ближайших партнеров сулят **непростые времена** для россиян в условиях санкций. И подчеркивают в очередной раз необходимость более энергичных действий **российских финансово-экономических властей** по стимулированию собственного производства и созданию новых рабочих мест...* [Ремчуков 2022б].

Совершенно другой стиль, не столько рациональный, сколько метафорический как разновидность когнитивного стиля рассматриваемой языковой личности наблюдаем в жанре аналитической статьи оценочного характера, посвященного М. С. Горбачеву [Ремчуков 2022в]. Всесторонне и глубоко анализируя деятельность первого президента Советского Союза, К. Ремчуков выступает как философ, политик, интеллектуал, аналитик, склонный к обобщениям, обладающий несомненной эрудицией и знанием истории вопроса. В аспекте культурно-речевого стиля отметим обилие сентенций афористического характера, использование метафоризации как ключевого приема, отражающего владение высокой речевой культурой. Приведем в качестве примера яркий фрагмент, в котором концентрированно используются метафоры, сравнение Сталина и Горбачева, противопоставление Сталина и Хрущева, экспрессивные эпитеты: *Горбачев безусловно осуждал преступления Сталина, поэтому ценил Хрущева, но вряд ли понимал, что несущие конструкции СССР созданы из концептуально цельных стройматериалов под названием «страх», «насилие», «закрытость». Именно поэтому идея перестройки как усовершенствования была вскоре дополнена гласностью в качестве формы всестороннего обсуждения недостатков, критики и смещения с постов старых номенклатурных кадров. При Сталине кадровая чистка осуществлялась методами репрессий, а Горбачев гуманно предложил право на правду. Самые лютые сталинские репрессии ослабляли Советский Союз в различных областях жизни, откуда **выкашивались гении и рядовые профессионалы**, но не подрывали само существование государства.* [Ремчуков 2022в].

Подводя итоги, отметим несомненное речевое мастерство К. Ремчукова как глубокой информационно-медийной языковой личности, виртуозно владеющей всеми ресурсами русского языка, умеющего варьировать речевое поведение с учетом различных факторов: медиажанра, тематики медиатекстов, ситуации, различных целей и задач. Все это позволяет отнести данную языковую личность к носителям элитарной речевой культуры. Перспективным будет дальнейшее изучение личностей с элитарным типом речевой культуры как возможности представить лучшие образцы владения русским языком и его ресурсами.

ЛИТЕРАТУРА

Болотнов А. В. Текстовая деятельность как отражение коммуникативного и когнитивного стилей информационно-медийной языковой личности: монография. Томск: ЦНТИ, 2015. 274 с.

Ильина Е. Константин Ремчуков: «Главная проблема — отсутствие доверия». ИНТЕРВЬЮ. 30.09.2008. URL: <https://www.banki.ru/news/interview/?id=658991> (дата обращения: 23.11.2022).

Новикова Т. Главный редактор «Независимой газеты» Константин Ремчуков: Национальные интересы Азербайджана состоят в том, чтобы иметь сегодня союзнические отношения с Россией. 10.03.2022. URL: https://moscow-baku.ru/news/politics/glavnyy_redaktor_nezavisimoy_gazety_konstantin_remchukov_natsionalnye_interesy_azerbaydzhana_sostoya/ (дата обращения: 23.11.2022).

Ремчуков Константин. А что Титов? К вопросу о новом Омбудсмене по защите прав предпринимателей. 16.09.2022[a]. URL: https://www.ng.ru/economics/2022-09-16/100_econ16092022.html (дата обращения: 23.11.2022).

Ремчуков Константин. В июле инфляция в Турции достигла уровня в 79,6%. Последствия для России. 03.08.2022[б]. URL: https://www.ng.ru/economics/2022-08-03/100_econ03082022.html (дата обращения: 23.11.2022).

Ремчуков Константин. Между государством, идеологией и человеком Горбачев бескомпромиссно выбрал человека. 31.08.2022[в]. URL: https://www.ng.ru/politics/2022-08-31/100_2208210950.html

Сиротинина О. Б. Речевая культура // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 343–347.

УДК 80; 398.9

С. Г. Виноградова

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ОСНОВА ИЗМЕНЕННЫХ ПОСЛОВИЦ*

Аннотация. В статье рассматриваются измененные русские пословицы в аспекте соотношения первичных и вторичных структур языковой картины мира. Отмечается, что, с одной стороны, в традиционном плане появление измененных пословиц как вторичных структур объясняется стремлением индивида к речетворчеству в условиях экономии языковых средств. С другой стороны, в когнитивном ракурсе их появление связано с реализацией вторичной интерпретации как интерпретации имеющихся и закрепленных в языке знаний о мире, обеспечиваемой концептуальной деривацией. Под концептуальной деривацией при этом понимается схематизация изменения и преобразования смыслов с учетом взаимодействия интерпретируемого и интерпретирующего концептов. В контексте представлений о вторичной интерпретации и концептуальной деривации описан ряд базовых процессов, отражающих специфику формирования концептуальной основы изучаемых единиц.

Ключевые слова: измененные пословицы, вторичные структуры, концептуальная основа, вторичная интерпретация, концептуальная деривация.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 20-18-00372).

CONCEPTUAL BASIS OF MODIFIED PROVERBS

Annotation. The article deals with modified Russian proverbs viewed in terms of the ratio of primary and secondary structures of the linguistic worldview. It is noted that, on the one hand, modified proverbs as secondary structures occur because of the individual's desire for speech creation in the conditions of saving language resources. On the other hand, from a cognitive perspective, modified proverbs are constructed due to secondary interpretation provided by conceptual derivation. Secondary interpretation is interpretation of the knowledge about the world that is available and fixed in the language. Conceptual derivation, in its turn, is schematization of the conceptual change and transformation based on the interaction of the interpreted and interpreting concepts. In the context of ideas about these phenomena, several processes are described that reflect the specifics of the formation of the modified proverbs conceptual basis.

Key words: modified proverbs, secondary structures, conceptual basis, secondary interpretation, conceptual derivation.

В своей работе «Исследование проблем экологии языка и речи (научный отчет)» В. Г. Руделёв обращается к описанию эсперантизации, междометизации, депозитизации, которые наносят ощутимый урон экологическому равновесию русского языка и русской речи и по сей день. Вместе с тем Владимир Георгиевич указывает на необходимость речетворчества, о чем он пишет следующее: «Мы исходим из такого понимания речи, которое, конечно, предполагает различные уровни коммуникации, однако начало подлинной речи — там, где начинается творчество и кончается повторение уже когда-то сказанного» [Руделёв 2001: 11].

К тому, что часто повторяется в речи представителей данного языкового сообщества, что является неотъемлемой частью данной языковой картины мира, относятся пословицы. «Пословица — краткое, устойчивое в речевом обиходе, как правило ритмически организованное изречение назидательного характера, в котором зафиксирован многовековой опыт народа; имеет форму законченного предложения (простого или сложного)» [ЛЭС: <http://tapemark.narod.ru/les/389b.html>]. Тем не менее, пословицы также могут быть объектом творческой деятельности, результатом нового видения со стороны говорящего. В частности, ответом на появление новых реалий и активные процессы в разных сферах нашей жизни является преобразование пословиц.

Измененные (в том числе, сокращенные) пословицы используются в разговорной речи и литературе, интернет-пространстве и медиа дискурсе. В силу того, что познавательные процессы безграничны, а возможности языка ограничены, преобразование пословиц традиционно связывают с реализацией принципа языковой экономии.

Измененные пословицы иллюстрируют динамику языковой картины мира, указывают на взаимодействие ее первичных и вторичных структур. Как вторичные структуры языковой картины мира они получают закрепление в словарях. Например, в «Словаре русского языка коронавирусной эпохи», составленном исследователями Института лингвистических исследований РАН, г. Санкт-Петербург (2021), среди

измененных пословиц находим следующие: *В магазин поспешишь — людей заразишь; С кем ковиднешься, от того и наберешься* [СКЭ 2021: 483, 485].

На современном этапе развития лингвистической мысли эффективные способы исследования речетворчества предлагаются в рамках когнитивной лингвистики, в центре внимания которой находятся вопросы познания и коммуникации, концептуализации и категоризации мира в языке. Какие же знания стоят за измененными пословицами, какова их концептуальная основа?

С когнитивной точки зрения, творческая деятельность субъекта познания теснейшим образом связана с процессом интерпретации как языковой познавательной активности человека. Первичная интерпретация объясняет существование языковых единиц, которые передают разнообразие мира, вторичная интерпретация есть интерпретация имеющихся и закрепленных в языке знаний о мире (см.: [Болдырев 2017]). Источником вторичных структур в языковой картине мира, в том числе измененных пословиц, как представляется, выступает именно интерпретация второго типа.

В основе вторичной интерпретации лежит определенная общая схема, включающая интерпретируемый (исходный) и интерпретирующий (выводной) концепты [Болдырев 2021]. Она отражает новое осмысление полученных знаний и вариантов их языкового закрепления, формирование производного знания на базе существующего или известного, перераспределение смыслов, т. е. результаты концептуальной деривации (см.: [Вторичные структуры в языковой картине мира 2022]).

С учетом вторичной интерпретации и концептуальной деривации в отношении измененных пословиц были выделены следующие базовые процессы, отражающие специфику формирования концептуальной основы изучаемых единиц. Для иллюстрации ниже приводятся и пословицы-прототипы, и примеры их преобразования.

1. Изменение исходного концептуального содержания происходит за счет дефокусирования отдельных элементов интерпретируемого концепта в целях реализации умолчания или недосказанности, повышения степени абстрактности передаваемого смысла. На языковом уровне это становится возможным за счет опущения компонентов пословицы-прототипа — часто второй части целиком, первая при этом остается неизменной. Например:

Ученье — свет, а неученье — тьма [Даль 1984, Т. 1: 330]. — *Книг в доме не было, но все твердо знали, что ученье — свет* [НКРЯ].

2. Изменение исходного концептуального содержания связано с преобразованием положительных смыслов в отрицательные, и наоборот. На языковом уровне это, прежде всего, фиксируется с помощью добавления или опущения различных средств передачи отрицания, с другой стороны — при использовании эвфемизмов в целях частичной или полной нейтрализации отрицательного компонента в содержании интерпретируемого концепта. Например:

Семь раз примерь, один раз отрежь! [Даль 1984, Т. 2: 145]. — *Не семь, а двадцать семь раз отмерь — и ни разу не режь* [НКРЯ].

Что на зеркало пенять, коли рожа крива [Даль 1984, Т. 1: 142] — *А о том, что нечего на зеркало пенять, коли с лицом непорядок, наш Минкульт, а следом за ним невский кинофорум, похоже, забыли* [НКРЯ].

3. Изменение исходного концептуального содержания обусловлено конкретизацией отдельных элементов интерпретируемого концепта для уточнения содержания пословицы-прототипа. На языковом уровне это обеспечивается введением слов и фраз, которые часто передают знания вне исходной концептуально-тематической области. Например:

Один в поле не воин [Даль 1984, Т. 2: 229]. — *В правовом поле один не воин; Один в поле не воин, а в авиационной отрасли особенно* [НКРЯ].

4. Изменение исходного концептуального содержания происходит в ходе пересмотра точки отсчета, что сопровождается преобразованием концептуальных связей между элементами интерпретируемого концепта. На языковом уровне это достигается за счет изменения синтаксических функций отдельных компонентов пословицы-прототипа. Например:

Гусь свинье не товарищ [Даль 1984, Т. 2: 226]. — *Гусь товарищу не свинья* [АРН 2005: 427].

Без труда не вынешь и рыбку из пруда [Даль 1984, Т. 2: 15]. — *...а без пруда не вытащишь ее и с трудом* [АРН 2005: 496].

5. Изменение исходного концептуального содержания обусловлено пересмотром привычной событийной перспективы, что сопровождается преобразованием структуры интерпретируемого концепта согласно моделям «пропозиция → пропозициональный комплекс», «пропозициональный комплекс 1 (осмысление двух событий во взаимосвязи)» → «пропозициональный комплекс 2 (осмысление более двух событий во взаимосвязи)». На языковом уровне это проявляется в усложнении синтаксической структуры пословицы-прототипа, опущения отдельных данных об описываемых событиях и добавления информации о новых событиях и их связях с событием / событиями, фиксируемыми с помощью пословицы-прототипа, в том числе при использовании приема экспликации. Например:

Дело (работа) не медведь (не волк), в лес не уйдет (не убежит) [Даль 1984, Т. 2: 11; СРПП 2000: 99]. — *Работа не волк, но с нее не убежишь* [Собеседник]; *Работа не волк, что ей в лес убежать, лес — он наш, как и вся эта, братцы, земля, — вон гляди, — ну куда ее столько — чай, хватит на всех* [НКРЯ].

Глаза страшат (боятся), а руки делают [Даль 1984, Т. 1: 211; СРПП 2000: 84]. — *Глаза боятся — руки без перчаток, лицо без маски, впереди патруль* [СКЭ 2021: 485].

6. Изменение исходного концептуального содержания обеспечивается в результате переосмысления интерпретируемого концепта с учетом привлечения знаний новой концептуально-тематической области. При этом компонент/ты пословицы-прототипа заменяются словами, репрезентирующими знания этой новой области, в условиях максимального сохранения грамматических форм, параллелизма частей пословицы-прототипа. Например:

Не так страшен черт, как его малюют [СРПП 2000: 224]. — *Не так страшен ковид, как его малюют* [СКЭ 2021: 484].

Баба с возу — кобыле легче [Даль 1984, Т. 1: 188]. — *Польша с возу — Германии легче* [<https://proza.ru/2022/09/17/67>].

Люби (любишь) кататься, люби и салазки (саночки) возить [Даль 1984, Т. 1: 149; СРПП 2000: 165]. — *Любишь греться — люби и газ за рубли покупать* [<https://proza.ru/2022/09/17/67>].

7. Изменение исходного концептуального содержания связано с объединением интерпретируемого концепта с другим или другими концептами, которое приводит к появлению нового, интегрированного смысла, не равного простой сумме этих концептов. На уровне языка используется прием контаминации, объединяются элементы двух (и даже более) выражений, в единую новую форму.

Не плюй в колодезь: случится напиться [Даль 1984, Т. 2: 3]; *Слово не воробей: вылетит — не поймаешь* [Даль 1984, Т. 1: 325]. — *Не плюй в колодец — вылетит, не поймаешь...* [АРН 2005: 220].

Утро вечера мудренее [Даль 1984, Т. 1: 87]; *Гром не грянет — мужик не перекрестится* [Даль 1984, Т. 1: 164]; *Не плюй в колодезь: случится напиться* [Даль 1984, Т. 2: 3]. — *Не будем убивать друг друга, подождем, утро вечера мудреней, куда гром не грянет... не плюй в колодец... Вы сейчас ложитесь, спите, а утром вам и думать об этом не захочется, ей-богу, вот вы увидите...* [НКРЯ].

Итак, концептуальная основа измененных пословиц обусловлена вторичной интерпретацией и концептуальной деривацией, в аспекте которых данные единицы отражают преобразование знаний о событии или связанных событиях, особенностях организации пословиц-прототипов в плане их структуры и содержания, языковых и когнитивных механизмах их формирования.

ЛИТЕРАТУРА

АРН — Вальтер Х., Мокиенко В. М. Антипословицы русского народа. СПб.: Издательский дом «Нева», 2005. 576 с.

Болдырев Н. Н. Язык как интерпретирующий фактор познания // Интерпретация мира в языке: коллективная монография. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2017. С. 19–81.

Болдырев Н. Н. Интерпретационная семантика как способ вторичного осмысления мира // Когнитивные исследования языка. 2021. № 2 (45). С. 34–44.

Вторичные структуры в языковой картине мира: коллективная монография. Тамбов: Изд-во Чеснокова А. В., 2022. 515 с.

Даль В. И. Пословицы русского народа: Т. 1 / Вступ. слово М. Шолохова; Худож. Г. Клодт. М.: Худож. Лит., 1984. 383 с., ил.

Даль В. И. Пословицы русского народа: Т. 2 / Послел. В. Аникина; Худож. Г. Клодт. М.: Худож. Лит., 1984. 399 с., ил.

ЛЭС — Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: «Советская энциклопедия, 1990. URL: <http://tapemark.narod.ru/les/>

НКРЯ — Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/>

СКЭ — Словарь русского языка коронавирусной эпохи / Сост. Х. Вальтер, Е. С. Громенко, А. Ю. Кожевников, Н. В. Козловская, Н. А. Козулина, С. Д. Левина, В. М. Мокиенко, А. С. Павлова, М. Н. Приемышева, Ю. С. Ридецкая / Ред. коллегия Е. С. Громенко, А. С. Павлова, М. Н. Приемышева. СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2021. 550 с.

Собеседник — Собеседник, 2010. № 3.

СРПП — Жуков В. П. Словарь русских пословиц и поговорок. 7-е из., стереотип. М.: Рус. яз., 2000. 544 с.

<https://proza.ru/2022/09/17/67>

Ю. И. Бавула
С. С. Ваулина

РЕАЛИЗАЦИЯ МОДАЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА ДРЕВНЕРУССКИХ ГЛАГОЛОВ МЫШЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. В статье на примере древнерусских глаголов мышления *мыслити*, *думати* и их префиксальных дериватов рассматривается вопрос о сохранении преемственности в реализации модального потенциала аналогичных глаголов современного русского языка (*мыслить*, *думать* и их префиксальных дериватов). Выявляется этимологическая основа наличия модальной семантики в соответствующих глаголах, устанавливаются условия и сфера ее реализации при модальном функционировании данных глаголов в современном русском языке.

Ключевые слова: модальность, модальный потенциал глаголов, глаголы мышления, диахронический аспект анализа, функциональная соотнесенность глаголов древнерусского и современного русского языков.

Yu. I. Bavula
S. S. Vaulina

OF THE MODAL REALIZATION POTENTIAL OF OLD RUSSIAN VERBS OF THINKING IN MODERN RUSSIAN

Annotation. The article examines the issue of maintaining continuity in the realization of the modal potential verbs of thinking of the modern Russian language (to think, to think and their prefixal derivatives) using the example of the Old Russian verbs of thinking, thinking and their prefixal derivatives. The etymological basis of the presence of modal semantics in the corresponding verbs is revealed, the conditions and scope of its implementation in the modal functioning of these verbs in modern Russian are established.

Key words: modality, modal potential of verbs, verbs of thinking, diachronic aspect of analysis, functional correlation of verbs of Old Russian and modern Russian languages.

С точки зрения лингвоэкологического подхода, язык, как известно, представляет собой естественную среду, на которую воздействует пользователь языка. Такая среда идеальна для человека, но, по справедливому замечанию исследователей, «она не может оставаться неизменной» [Шаховский, Штеба 2013: 8] и только «динамический аспект изучения объекта и предмета, как указывает В. В. Колесов, способен всесторонне и доказательно представить его онтологическую сущность — в становлении, в движении, в развитии, т. е. целиком и во всех системных отношениях» [Колесов 1999: 340].

В контексте вышесказанного безусловный интерес представляют средства выражения категории модальности, историческую изменчивость содержания и форм обнаружения которой отмечал В. В. Виноградов [Виноградов 1975: 57].

Значительную часть данных средств составляют модальные глаголы *мочь, следует, хотеть* и под., выражающие значения ситуативной модальности (возможность, необходимость, желательность), которые достаточно подробно описаны как в диахроническом, так и в синхронном аспекте русского языка (см., например: [Ваулина 1988; Магдалинская 2015]). Вместе с тем соответствующую модальную функцию может выполнять и достаточно обширная группа несобственно модальных глаголов, например, глаголы мышления, к числу которых относятся рассматриваемые нами глаголы *мыслити, думати, мыслить, думать* и их префиксальные производные *помыслить, замыслить, умыслить, подумать, задумать, удумати* и т. п., извлеченные из памятников древнерусской письменности и Национального корпуса русского языка (НКРЯ).

Так, достаточно частотный в древнерусском языке глагол *мыслити* зафиксирован в Словаре русского языка XI–XVII вв. со следующими значениями: «1. *Думать, мыслить, размышлять*. 2. *Иметь намерение, предполагать*. 3. *Замышлять недоброе*» [Сл.РЯ XI–XVII вв., вып. 9: 332–333]. При этом в первом значении он реализуется как самостоятельный, лексически полноценный глагол, а во втором и третьем значениях выступает в сочетании с зависимым инфинитивом в качестве модификатора модального значения желательности «иметь намерение выполнить действие», в том числе и негативное. Следует заметить, что способность глагола *мыслити* выступать в вышеуказанной модальной функции соотносится с его этимологией, где отчетливо прослеживается сема желательности. Так, согласно данным этимологических словарей, он образован от прасл. *myslъ, восходящего к и.-е. корню *men-, родственного литовскому *maudziù*, «тосковать, страстно желать» [Фасмер, т. 3: 25].

Ср.: Антоний же приде Киеву и *мышляше*, кдѣ жити; и походи по манастыремь и не возлюби, Богу не хотящу (Пов. врем. лет.); Не *смыслиша* бо, ни разумѣша въ тмѣ ходящии», и не видѣша славы Господня (Пов. врем. лет.); глагола имъ: «Что, чада, *помыслисте* ли въ себѣ, еже достойну быти въ вас игумену?» (Житие Феод. Печ.); И послуша ихъ Игорьь, иде в Деревя в дань, и *примысляше* къ пѣрвой дани (Пов. врем. лет.).

ПреподобныйИгнатий епископъ мышлише создати церковь камену (Житие Авр. Смол.); Посемъ же Володимеръ живяше въ законѣ хрестыянствѣ, помысли создати церковь пресвятыя богородица (Пов. врем. лет.); Не *помышляли* сейчас *мучиться*; И се же пакы по дѣньхъ немнозѣхъ *оумысли* тѣ же бол"ринъ *дати* евангелие въ монастырь блажен(аа)го (Житие Феод. Печ.); Боярин *замыслил* (от)дать Евангелие в монастырь блаженного (Житие Феод. Печ.); Видѣвъ же епифанъ пакы многоу пакость бывающоу емоу въ монастыри и пакы възмысли отити (Житие Епифания); И аще который брат *умышляше* *ити* из монастыря, он... обличаше его мысль и утѣшаше брата (Киево-Печерский патерик).

Аналогичной спецификой функционирования характеризуется представленный незначительным количеством употреблений в памятниках древнерусской

письменности глагол *думати* (см. об этом: [Ваулина 1988: 78]). Так, в Словаре русского языка XI–XVII вв. указано несколько его значений, в том числе немодальные значения «*совещаться, советоваться, совместно обсуждать что-либо*», *думать, обдумывать, размышлять*», «считать, полагать», а также модальное значение «*замышлять что-л., иметь намерение что-л. сделать*» [Сл.РЯ XI–XVII вв., вып. 4: 373–374], реализуемой данным глаголом в сочетаниях с зависимым инфинитивом. Такая специфика функционирования глагола *думати* объясняется его этимологией. Хотя данный глагол не имеет общепринятой этимологии, но во всех этимологических словарях, например, в Этимологическом словаре русского языка под ред. Н. М. Шанского, указывается его общеславянское происхождение и вероятность образования от общеслав. сущ. **duma* «мысль, раздумье, размышление» [ЭСРЯ, т. I, вып. 5: 209]. При этом в Историко-этимологическом словаре П. Я. Черных одним из значений данного существительного указывается значение «намерение» [Словарь Черных, т. I: 273], содержащее модальную сему желательности.

Ср.: И я вѣру Давыдови, и перельсти Давыдъ Святополка, и **начаста думати** о Василцѣ, а Василко сего не вѣдаше и Володимеръ (Пов. врем. лет); И посла Святополкъ к Володимерю, глаголя: Да быхови ся сняла, и о томъ **подумали быхомъ** съ дружиною (Пов. врем. лет); Нечто Девгений уведалъ и удумалъ над нами, либо хоцеть со многими вои быти (Девгениево деяние)

..... царь Василий и *думаше* чрезъ реку *ехати*, хотяще, яко зайца в тянате, яти Девгения (Девгениево. деяние); И *сдума* Валаомъ с людьми земьскими *отврщися* цьсаря Киканоса... (Житие пророка Моисея); Князь же великий Дмитрий Иванович з братом своимъ.... *здумаши*, яко сторожу твердо *уготовити* в полѣ (Сказ. о Мам. поб.); *Задумал ехати* он на ту страну; а инѣхъ *замыслиши* *свѣншивати* бѣчькы чересь град... (Пов. о взятии Царьграда в 1204 г).

Важно отметить, что в последнем из приведенных примеров роль модальных экспликаторов значения желательности «иметь намерение выполнить действие» одновременно выполняют два рассматриваемые нами глагола — *думати* и *мыслити*, что может служить свидетельством их функциональной соотносительности.

Анализ морфологических аналогов древнерусских глаголов *мыслити*, *думати* — глаголов современного русского языка *мыслить*, *думать* и их префиксальных дериватов позволяет говорить о сохранении в целом характера их функционирования, что подтверждается и данными толковых словарей русского языка. Так, например, в Малом академическом словаре указываются следующие дефиниции данных глаголов: «Мыслить 1. Рассуждать, сопоставлять явления объективной действительности и делая выводы. 2. Представлять в мыслях, мысленно воображать. 3. Рассчитывать, предполагать» [МАС, т. II: 317]. Из приведенных словарных значений глагола *мыслить* очевидно, что в первых двух значениях он выступает в своей самостоятельной, немодальной, функции, а в третьем значении выполняет роль модального модификатора в сочетании с зависимым инфинитивом.

Ср. соответствующие примеры из НКРЯ:

«...Но Прохоров с сотоварищами, все время *мыслят* своими бизнес-категориями...» (Форум: 12 часов в день? Не могу согласиться с М. Прохоровым);

«Мы с тобой и *мыслим* одинаково! — с грустной улыбкой вздохнул Петр» (Г. М. Артемьева. Фата на дереве 2012); «Конечно, те, кто разрабатывает и осуществляет внешнюю политику США, *не мыслят* столь прямолинейно» (Е. М. Примаков. Мир без России? К чему ведет политическая близорукость); «Я тут *помыслила* и поняла, что если я кому тебя и отдам, то только ей, Валентине!» (Юрий Кашкин. Валуха-горюха // Ковчег, 2013);

«Впрочем, и продолжать-то уже абсолютно нечего, словно все, что еще трепетно *мыслил сказать*, тоже вдруг переметнулось...» (Валерий Володин. Напрасные похороны, напрасный покойник (промашка смерти) // Волга, 2010); «Ельцин... получил от разведки информацию, что «республиканцы *замыслили внедрить* в Белый дом красивую молодую женщину, чтобы она соблазнила Клинтона...» (Книги // Русский репортер, 2014); «...единовластие Шульги на ближайшие сроки ничто не угрожало, Ковров и Воронцов были надежны и никогда бы *не помыслили занять* его место» (Михаил Елизаров. Библиотекарь, 2007).

Глагол *думать* зафиксирован в Толковых словарях русского языка с тремя основными значениями, семантически соотносящимися с вышеприведенными словарными значениями глагола *мыслить*: «1. Размышлять, предаваться раздумью». 2. «Полагать, считать, предполагать. 3. Намереваться, собираться делать что-л.» [МАС, т. I: 452]. Ср.:

«...в данной ситуации, почему-то рабами являемся мы (руководство), мы *думаем* не только о себе, но и о своих сотрудниках, а также о развитии своего бизнеса» (Форум: 12 часов в день? Не могу согласиться с М. Прохоровым); «Я *не думаю*, что те дебаты, о которых вы сейчас сказали, те возможные изменения в мексиканском законодательстве, которые сейчас обсуждаются, могли бы как-то повлиять на наше сотрудничество» (В. В. Путин. Заявление для прессы по окончании российско-мексиканских переговоров // «Дипломатический вестник», 2004); «В команде была потрясающая взаимозаменяемость — никто *не подумал* о себе, все старались для общей победы (Наум Рашковский, Олег Стецко. Один за всех, все за одного // «64 — Шахматное обозрение», 2003.10.15);

«Через две недели у меня день рождения. *Думаю позвать* пацанов из двора. Интересно, что скажет папа? (Андрей Геласимов. Нежный возраст, 2001); « — Вячеслав Петрович, *не думали ли вы привлечь* большее количество людей науки... (Иваново. Детство // Экран и сцена, 2004.05.06); Зачем прожирать деньги на исходящий звонок с МТС..., а потом отец родной *задумает позвонить*, а денег на мобилке нет» (Наши дети: Подростки, 2004); «Однако Раман и *не подумал выдвигат* Кришнана на премию совместно с собой, как это обычно принято (В. Л. Гинзбург, И. Л. Фабелинский. К истории открытия комбинационного рассеяния света // Вестник РАН, 2003); «На самом деле она испугалась, ведь следствие же идет, убийца не найден, а эти *сбегают удумали*» (Марина Зосимкина. Ты проснешься. Книга первая, 2015).

Важно отметить, что в современном русском языке, несмотря на заметно возросшую частотность употребления глаголов мышления в модальной функции, наблюдается преобладание их функционирования как семантически

полноценных лексем, обладающих самостоятельным значением. Что же касается реализации ими модального значения желательности, столь частотного для древнерусского языка, то она, как показывает исследованный нами фактический материал, в большей степени характерна для глагола *думать* и его дериватов *подумать*, *задумать* и, реже, *удумать*. Глагол же *мыслить* в этой функции употребляется значительно реже, чем в древнерусском языке, что в значительной степени «компенсируется» активным функционированием соответствующих отглагольных существительных *замысел*, *умысел*. При этом существительное *умысел*, имеющее словарное значение «заранее обдуманное тайное намерение (преимущественно предосудительное)» [МАС, т. IV: 496], весьма широко используется в юридической сфере. Например: «Однако наличие корыстного *умысла* в действиях руководства кооператива не установлено» (Василий Дубовский. Без взаимности // Новгородские ведомости, 2012); «Преступление совершили с тем *умыслом*, чтобы все поняли серьезность намерений, — уверил «РР» один из оперативников» (Максим Гладкий. Авторитетный разбой // Русский репортер, № 3 (181), 27 января 2011).

Таким образом, на основании проведенного анализа можно сделать вывод об экологически прогрессивной преемственности в процессе реализации модального потенциала древнерусских глаголов мышления в современном русском языке, поскольку глаголы мышления современного русского языка сохраняют, аккумулируют исторически сформировавшийся модальный потенциал и реализовывают его в процессе современной коммуникации (устной и письменной) в разных сферах жизни и творчества человека: художественной, публицистической, церковно-богословной, бытовой, электронной коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

Ваулина С. С. Эволюция средств выражения модальности в русском языке (XI–XVII вв.): монография: Л.: Изд-во Ленинградского ун-та. Л, 1988. 143 с.

Виноградов В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М.: Наука, 1975. С. 53–87.

Колесов В. В. Жизнь происходит от слова... СПб.: Златоуст, 1999. 368 с.

Магдалинская Е. Н. Ситуативная модальность как функционально-семантическая полевая структура (на материале современных русского и польского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 24 с.

Национальный корпус русского языка. 2003–2022. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.ruscorgora.ru>.

Словарь русского языка (МАС) В 4 т. / под. ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1981–1984.

Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука. Вып. 4. 1977, вып. 9, 1982.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М.: Прогресс, 1986–1987.

Черных А. Я. Историко-этимологический словарь. В 2 т. М.: Русский язык, 1999.

Шаховский В. И., Штеба А. А. Экология, валеология, лингвистика — три источника лингвоэкологии // Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве: коллективная монография. Волгоград: Перемена, 2013. С. 8–23.

Этимологический словарь русского языка / под ред. Н. М. Шанского. Т. 1. Вып. 5. М.: Изд-во МГУ, 1973.

Ю. В. Дворянкова

ИМЕНА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ СО ЗНАЧЕНИЕМ ЛИЦА, ОБРАЗОВАННЫЕ ОТ ИМЁН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Аннотация. В статье рассматривается словообразовательная синонимия. Анализируются синонимичные суффиксы. Проводится сравнительный анализ синонимичных суффиксов имён существительных со значением лица, образованных от имён прилагательных, в древнерусском языке и современном русском языке. Цель статьи заключается в выявлении особенностей синонимичных словообразовательных суффиксов в русском языке. Используются описательный и сопоставительный методы. В результате исследования было установлено, что большинство суффиксов со значением лица имеет древнерусское происхождение. Новые синонимичные суффиксы появлялись в результате перехода слов из других языков в русский язык.

Ключевые слова: синонимичные суффиксы, древнерусский язык, значение лица, словообразовательная синонимия.

Yu. V. Dvoryankova

NOUNS WITH THE MEANING OF PERSONS FORMED FROM ADJECTIVES

Annotation. The article deals with word-formation synonymy. Synonymous suffixes are analyzed. A comparative analysis of synonymous suffixes of nouns with the meaning of a person, formed from adjectives, in the Old Russian language and modern Russian is carried out. The purpose of the article is to identify the features of synonymous derivational suffixes in Russian. Descriptive and comparative methods are used. As a result of the study, it was found that most of the suffixes with the meaning of a person are of Old Russian origin. New synonymous suffixes appeared as a result of the transition of words from other languages into Russian.

Key words: synonymous suffixes, Old Russian language, meaning of a person, word-formation synonymy.

Как отмечает Елена Андреевна Земская, исследование языка может проводиться в двух различных аспектах: синхронном и диахроническом. Синхрония и диахрония на словообразовательном уровне представляют собой два различных процесса. Но в то же время они тесно связаны между собой [Земская 2013: 5, 6].

Словообразовательная синонимия бывает двух видов: 1) словообразовательная синонимия, которая определяется близостью словообразовательных значений однокоренных слов с разными аффиксами (*старик* и *старец*; *свердловец* и *свердловчанин*; *директорша* и *директриса*; *апельсинный* и *апельсиновый*); 2) словообразовательная синонимия, представляющая собой тождество или близость словообразовательных значений аффиксов, которые присоединяются к разным основам: суффиксы со значением лица *-ун-* и *-ец-* (*бегун* и *пловец*); суффиксы

со значением принадлежности *-ов-* и *-ин-* (*мамин, бабушкин, отцов*); приставки *сверх-*, *ультра-* со значением превосходной степени чего-нибудь (*ультрасовременный, сверхмощный*). Здесь важно отметить, что производные слова должны иметь одно и то же словообразовательное значение. А кроме того, они должны быть образованы от слов, которые принадлежат к одной и той же части речи.

В данной статье мы провели диахроническое исследование синонимичных словообразовательных суффиксов имён существительных со значением лица, образованных от имён прилагательных.

К именам существительным со значением лица, определяющим его профессию, ремесло или занятие, относятся слова: *садовник, фигурист, ученик, сдельщик*. Они образованы от имён прилагательных *садовый, фигурный, учёный, сдельный* с помощью синонимичных суффиксов *-ник-*, *-ист-*, *-ик-*, *-щик-*.

К именам существительным со значением лица, определяющим его по какому-нибудь качеству или свойству, относятся слова: *старец, умник, юноша, аккуратист*. Они образованы от имён прилагательных *старый, умный, юный, аккуратный* с помощью синонимичных суффиксов *-ец-*, *-ник-*, *-ош-*, *-ист-*.

К именам существительным со значением лица с чётко выраженным уничижительным оттенком относятся слова: *грешник, беглец*. Они образованы от имён прилагательных *грешный* и *беглый* с помощью синонимичных суффиксов *-ник-*, *-ец-*.

Рассмотрим древние синонимичные суффиксы со значением лица. Изучая словарь Измаила Ивановича Срезневского, мы можем убедиться в том, что в древнерусском языке существовали слова *садовъникъ, ученикъ, дельщикъ, старьць, умьникъ, юноша, грешьникъ* и *бегльць*. Однако, в древнерусском языке ещё не было слов *фигурист* и *аккуратист*.

Имена существительные с суффиксом *-ист-* встречаются только в современном русском языке. В данной статье среди слов со значением лица, определяющим его профессию, ремесло или занятие, мы рассмотрели слово *фигурист* с суффиксом *-ист-*. Это существительное было образовано от прилагательного *фигурный*, которое является производным от существительного *фигура*. Латинское по происхождению слово *фигура* имеет значение *внешний вид, образ* [Зенович 2000: 661].

В качестве примера имени существительного со значением лица, определяющим его по какому-нибудь качеству или свойству, мы рассмотрели слово *аккуратист* с суффиксом *-ист-*. *Аккуратный* (от польского слова *akuratny* и латинского *accuratus* — *точный*) имеет следующие значения: 1) *исполнительный, соблюдающий во всём порядок*; 2) *тщательный, выполненный старательно и точно* [Зенович 2000: 33].

Примечательно то, что при сравнении слов *сдельщик* и *дельщикъ* можно обнаружить некоторые расхождения в оттенках значений этих слов. В современном русском языке *сдельщик* имеет значение *тот, кто выполняет работу, основанную на оплате по количеству выработанной продукции* [Ефремова 2001, т. 2: 573]. В древнерусском языке слово *дельщикъ* использовалось в значении *мастер, работник* [Срезневский 1989, т. 1: 791].

Важно отметить и то, что расходятся в значении слова *умник* и *умьникъ*. В современном русском языке *умник* употребляется только в разговорном стиле речи. Это слово обозначает: 1) человек, который умничает; 2) рассудительный

и послушный ребёнок (иногда используется как фамильярно-ласковое обращение ко взрослому человеку) [Ефремова 2001, т. 2: 855, 856]. В древнерусском языке слово *умник* имело значение *умный человек*. Оно было образовано от прилагательного *умный*, которое употреблялось в значении *духовный*. В древнерусском языке слово *умъ* обозначало: 1) *душа, совокупность духовных сил*; 2) *разум, мысль*; 3) *понимание*; 4) *знание, умение*; 5) *рассудок, образ мыслей*; 6) *промысл*; 7) *причина, основание* [Срезневский 1989, т. 3: 1211, 1212, 1213, 1219, 1220].

Слова *грешник* и *грешникъ* также имеют некоторые расхождения в оттенках значений. В древнерусском языке слово *грешникъ* использовалось в значении *человек, который ошибся, допустил ошибку* [Срезневский 1989, т. 1: 603, 604, 605]. В настоящее время *грешник* имеет значение *грешный человек*. Прилагательное *грешный* употребляется в значении *совершивший грех, согрешивший*. И только в разговорном стиле речи данное слово используется в значении *имеющий недостатки, слабости*. Слово *грех* обозначает: 1) *нарушение действием, словом или мыслью воли Бога*; 2) *ошибка; недостаток* [Ефремова 2001, т. 2: 340].

Таким образом, проведя сравнительный анализ имён существительных со значением лица, образованных от имён прилагательных, в древнерусском языке и современном русском языке, было установлено, что почти все рассмотренные суффиксы со значением лица имеют древнерусское происхождение. Это суффиксы *-ник-* (*-ик-*), *-щик-*, *-ец-*, *-ош-*. Исключением является только суффикс *-ист-*. Данный суффикс является заимствованным. Он характерен только для современного русского языка. Суффикс *-ист-* встречается в тех именах существительных, которые являются иностранными по происхождению.

ЛИТЕРАТУРА

Виноградов В. В. История слов / Отв. Ред. академик РАН Н. Ю. Шведова. М.: Московская типография № 2 Министерства по делам печати, информации и телерадиовещания, 1999. 1138 с.

Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / под ред. Г. А. Золотовой. М.: Русский язык, 2001. 720 с.

Грамматика современного русского литературного языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Наука, 1970. 767 с.

Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2001. Т. 1: А–О. 1232 с.

Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2001. Т. 2: П–Я. 1088 с.

Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование. М.: Флинта: Наука, 2013. 328 с.

Иванов В. В. Историческая грамматика русского языка. М.: Просвещение, 1990. 400 с.

Лаврентьев В. А. Грамматический анализ языковых единиц с комментариями. Именные части речи: учебное пособие. Рязань: Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, 2016. 96 с.

Мейе А. Общеславянский язык. М.: Издательство иностранной литературы, 1951. 491 с.

Розенталь Д. Э. Современный русский язык. Москва: АЙРИС-пресс, 2018. 448 с.

Словарь иностранных слов и выражений / Авт.-сост. Е. С. Зенович. М.: Олимп: «Фирма «Издательство АСТ», 2000. 784 с.

Современный русский язык: В 3 т. Т. 1 / под ред. С. М. Колесниковой. М.: Юрайт, 2015. 306 с.

Современный русский язык: Учеб. для студ. вузов, обучающихся по спец. «Филология» / под ред. П. А. Леканта. М.: Дрофа, 2001. 560 с.

Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка: в 3 т. Т. 1 (А–К). М.: Книга, 1989. 1420 с.

Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка: в 3 т. Т. 2 (Л–П). М.: Книга, 1989. 1802 с.

Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка: в 3 т. Т. 3 (Р–Я). М.: Книга, 1989. 1684 с.

Хабургаев Г. А. Старославянский язык. М.: Просвещение, 1974. 432 с.

УДК 81

Н. П. Душина

**КОНТЕКСТНАЯ НЕЙТРАЛИЗАЦИЯ
И СТРУКТУРНАЯ НЕЙТРАЛИЗАЦИЯ:
ИХ СВЯЗИ И РАЗЛИЧИЯ
(на материале поэзии Серебряного века)**

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о связях и различиях нейтрализации и похожих на неё явлений. В статье сравниваются каузативный глагол и пример нейтрализации глаголов из произведения В. Брюсова. В результате этого сравнения не только объясняется явление нейтрализации, но и доказывается, что явление охватывает глагол полностью, а не его отдельные признаки.

Ключевые слова: Контекстная нейтрализация, структурная нейтрализация, дистрибутивная ограниченность, каузативный глагол, статальный глагол, гиперлексема.

N. P. Dushina

**CONTEXTUAL NEUTRALIZATION
AND STRUCTURAL NEUTRALIZATION:
THEIR CONNECTIONS AND DIFFERENCES
(based on the material of the poetry of the Silver age)**

Annotation. The article discusses the connections and differences between neutralization and similar phenomena. The article compares the causative verb and the neutralized verb from the works of V. Bryusov. As a result of this comparison, not only the phenomenon of neutralization is explained, but it is also proved that the phenomenon covers the verb completely, and not its individual features.

Key words: Contextual neutralization, structural neutralization, distributive limitation, causative verb, static verb, hyperlexeme.

В лингвистике различают два типа нейтрализаций: «1) контекстные, т. е. обусловленные контекстом... 2) структурные, т. е. обусловленные структурой слова». В связи с выделением типа «структурной нейтрализации» В. Г. Руделёв отмечает: «Следует помнить также о признаках нейтрализации, то есть о тех существенных

и хорошо наблюдаемых моментах, которые позволяют отличить нейтрализацию от похожих на нее явлений дистрибутивной ограниченности и т. П. ...Если нейтрализация в плане выражения подтверждается увеличением омонимии, то нейтрализация в плане содержания сопровождается уменьшением синонимии» [Руделев, 1976: 16; 1980: 5]. Только в контексте работают признаки, которые отличают нейтрализацию от явления дистрибутивной ограниченности. Процесс «структурной нейтрализации» или дистрибутивной ограниченности похож на нейтрализацию, но не является таковой. В нейтрализацию вступают «не варианты единиц и не их признаки, а только сами единицы языка независимо от уровня их вхождения в языковую систему» [Руделёв 1980: 5]. В этом заключается основное отличие явления нейтрализации от дистрибутивной ограниченности.

Оппозиция единиц языка является основным условием нейтрализации, так как нейтрализация упрощение языковой оппозиции. В. Г. Руделёв характеризует нейтрализацию таким образом: «Нейтрализация — хороший показатель не только оппозиции (можно считать, что нейтрализация — единственный показатель оппозиции), но и ее строения» [Руделёв, 1975: 35; Душина 2004, 2022]. Проанализировав глагольную структуру гиперлексемы, мы сделали заключение о том, что каузативный глагол является маркированным оппозитом, а статальный глагол немаркированным оппозитом. Оппозиция каузативного и статального глаголов является главной в глагольной структуре гиперлексемы, противопоставление наиболее весомой, информационно значимой глагольной единицы и глагольной единицы с семантикой статичного состояния, лишённого динамичных признаков. В связи с этим А. Л. Шарандин делает вывод: «Нейтрализация, смешение языковых знаков в слабых позициях функционально оправданна, делает систему и динамичной, способной сжиматься за счет избыточности тех или иных признаков и вновь возвращается к исходному состоянию, восстанавливая подвергшееся нейтрализации» [Шарандин 1995: 70].

В словарном значении, например, глагол сажать имеет каузативное значение. Я сажаю ребёнка на стул для того, чтобы ребёнок сидел на стуле, т. е. находился в определённом состоянии. Представим схему глагола сажаю с семантикой каузативного глагола. Четыре видо-залоговые формы каузативного глагола сажаю. Я сажаю ребёнка на стул. Я посадил ребёнка на стул. Ребёнок сажается мною на стул. Ребёнок был посажен мною на стул.

Каузативный глагол

действительный залог		↑	страдательный залог
НСВ	сажать		сажаться
СВ	посадить		быть посаженным [посажен]
НСВ	сидеться	↑	вставать
СВ	сесть	сидеть статальный (состояние)	встать
	интродуктивный (вход в состояние)		ликвидаторный (выход из состояния)

Статальный глагол, лишенный признаков деривативности, имманентных категорий вида и залога имеет значение состояния. Интродуктивный глагол садиться (НСВ) — сесть (СВ) имеет семантику входа в состояние и, соответственно, грамматические формы несовершенного и совершенного вида глагола. Ликвидаторный глагол имеет значение выхода из состояния и видовые формы несовершенного и совершенного вида вставать (НСВ) — встать (СВ).

Рассмотрим глаголы вонзал, замыкал и раздроблял из стихотворения В. Брюсова «Париж». Приведем контекст стихотворения: «Плотины баррикад вонзал ты смело в стены, / И замыкал поток мятущихся времён, / И раздроблял его в красивых брызгах пены, / И дальше убежал, разбит, преображён» [Брюсов В. Я.: 44]. Глаголы «вонзал, замыкал и раздроблял» имеют ненаблюдаемые действия. Производитель действия образ Парижа постоянно осуществляет эти действия, живёт этим на протяжении столетий, это сущность жизни города, его состояние. В данном контексте глаголы вонзал, замыкал и раздроблял имеют статальную семантику, снова и снова воспроизводимый процесс, переходящий в качественное состояние, которое выражено глаголом.

Глаголы вонзал, замыкал и раздроблял имеют грамматическое выражение, которое также соответствует статальному глаголу. Глаголы вонзал, замыкал и раздроблял не изменяются по грамматическим категориям вида и залога, не образуют видовую пару по образцу вонзал — вонзил. Париж не мог вонзаться, замыкать и раздроблять, а потом вонзиться, замкнуть и раздробить. Глагол в данном контексте не имеет формы совершенного вида вонзили, замкнули и раздробили так как это не контекстное, а абстрактное действие, ненаблюдаемое, осуществляемое на протяжении веков, а форма несовершенного вида имеет нулевое значение, так как видовая парадигма не возможна в данном контексте. Если же все-таки использовать форму совершенного вида, то это изменит контекстную семантику, где глаголы вонзили, замкнули и раздробили будут иметь каузативное значение. Форма страдательного залога с постфиксом — ся невозможна с данными субъектами и объектами действия в предложении, например: Плотины баррикад вонзались тобою смело в стены, / И замыкался поток мятущихся времён, / И раздроблялся он в красивых брызгах пены, / И дальше убежал, разбит, преображён. Обратимая конструкция в данном контексте лишена смысла. Маркированная и по виду, и по залогу форма страдательного залога совершенного вида в принципе невозможна, так как нет начальной по залогу, но маркированной по виду формы действительного залога совершенного вида. Таким образом, глагольные лексемы вонзали, замыкали, раздробляли из стихотворения В. Брюсова «Париж», имеющие семантику и грамматическое выражение статального глагола, по форме омонимичны существующим в языке каузативным глаголам вонзаться, замыкать, раздроблять. Например, Я вонзаю (НСВ ДЗ) меч в тело врага. Я вонзил (СВ ДЗ) меч в тело врага. Меч вонзается (НСВ СЗ) мною в тело врага. Меч был вонжён (СВ СЗ) мною в тело врага.

Признаки нейтрализации: в плане содержания нейтрализация подтверждается уменьшением синонимии, то есть глагол находится в определённом состоянии, некаузативные оппозиции каузативных глаголов вонзал, замыкал и раздроблял из стихотворения В. Брюсова «Париж», имеют один статус статального глагола,

хотя каузативные словарные омонимы и не имеют чётко выраженных стательных глаголов в соответствующих гиперлексемах, как, например, каузативный глагол сажать, имеющий стательный глагол сидеть. Необходимо отметить, что некаузативные стательные оппозиции, этимологически связанные с каузативным глаголом, сравнительно редко присутствуют в гиперлексемах русских глаголов.

В. Г. Руделёв и А. Л. Шарандин указывают: «Позицией нейтрализации лексических противопоставлений по признаку времени оказывается логическое суждение, в котором «утверждается или отрицается что-либо относительно предметов и явлений, их свойств, связей и отношений» и, которое обладает свойством выражать истину, либо ложь» [Руделёв, Шарандин 1984: 20–21]. Примерами нейтрализации выступают в языке глаголы в определённых контекстах с ненаблюдаемым действием, эти действия происходят обычно, регулярно, постоянно, периодически, превращаясь из беспрестанно повторяющегося действия в состояние, например: Млекопитающие кормят детёнышей молоком, Самка богомола съедает самца, Вахтёр пропускает сотрудников организации, Уборщицы моют пол и другие подобные глаголы-состояния. Перечисленные глаголы имеют значения инстинкта, сущности профессии, свойства организма. Подобный пример нейтрализации глагола был проанализирован в примере «Лошади едят овёс» В. Г. Руделёвым и А. Л. Шарандиным. В данном примере происходит нейтрализация каузативного глагола и стательного, даже если стательный оппозиит отсутствует в языке в качестве глагольного слова. Каузативный глагол теряет релевантный признак, семантический различительный признак «каузативность» и, шифрующие его, два грамматических признака вида и залога. Глагол едят нейтрализуется и по времени. Пример нейтрализации каузативных глаголов вонзал, замыкал и раздроблял из стихотворения В. Брюсова «Париж» и пример нейтрализации «Лошади едят овёс» из статьи В. Г. Руделёва и А. Л. Шарандина аналогичны. Эти глаголы являются примерами нейтрализации каузативного глагола и стательного, а также представляют нейтрализацию по признаку времени. Проанализированные каузативные глаголы теряют лексическую семантику каузативности и приобретают лексическую семантику стательности, состояния, а вместе с тем теряют грамматические категории, признаки вида, залога, времени.

Контекстная настоящая нейтрализация происходит не с отдельными грамматическими признаками, а с глаголом целиком, от лексической семантики к грамматическому выражению. Нейтрализация охватывает словарную единицу полностью, поэтому она многоаспектна, представлена на разных уровнях языка.

ЛИТЕРАТУРА

Брюсов В. Я. Лирика. Мн.: Харвест, 1999. 480с.

Душина Н. П. Контекстная нейтрализация, ее условия и признаки (на материале поэзии Серебряного века) // Материалы всероссийской интернет-конференции Страницы пров. филологии: учёные, школы, направления. Посвящается 10-летию ТГУ им. Г. Р. Державина. Тамбов, 2004. С. 101–108.

Душина Н. П. Роль В. Г. Руделёва в создании Тамбовской лингвистической школы, сохранении и популяризации народного и поэтического творчества / Культура и искусство. Профессия и время: Сборник статей по материалам I Всероссийской научно-практической

конференции студентов и преподавателей профессиональных образовательных организаций. Самара: ГБПОУ «СОУКИ», 2022. С. 104–107.

Руделёв В. Г. Теория нейтрализации. Некоторые результаты. Перспективы развития // Теория нейтрализации. Тамбов, 1980. С. 3–10.

Руделёв В. Г. Фонология слова. Спецкурс по русскому языку/ В. Г. Руделёв. Тамбов: Изд-во МП РСФСР, ТГПИ, 1975. 127 с.

Руделёв В. Г., Шарандин А. Л. Шифрующая роль глагольных грамматических категорий: (Нейтрализация в пределах глагольной лексемы. Категория императивности и времени) // Деривация и полисемия. Тамбов, 1984. С. 7–23.

Шарандин А. Л. Нейтрализация как показатель динамичности лексической системы (на материале полисемии русского глагола). Слово. Мат. Междунар. лингв. конф. Тамбов: Изд-во ТГУ, 1995. С. 69–71.

УДК 81'276.5(045)

Е. Е. Котцова

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЖАРГОНА ГЕЙМЕРОВ

Аннотация. Статья посвящена анализу языковых особенностей активно развивающейся субкультуры — жаргона геймеров как особого социолекта в рамках молодежного субстандарта, как достаточно закрытой части интернет-коммуникации. Выявляются такие источники пополнения жаргонной лексики, как аббревиация, в том числе аббревиатуры-англицизмы, усечение, заимствования из английского языка. Пополнение лексики жаргона геймеров возможно из общеупотребительной лексики в результате развития у слова переносного, жаргонного, значения (хилиться, от англ. to heal — лечить). Рассматриваются отдельные случаи перехода лексики геймеров в общесетевую коммуникацию и в молодежный жаргон, поскольку основная возрастная группа участников компьютерных игр — это молодые люди 25–34 лет. Отмечается расширение значения или развитие переносного значения у отдельных жаргонизмов при переходе в общесетевую коммуникацию (гг, лут).

Ключевые слова: интернет-коммуникация, субкультура, жаргон геймеров, аббревиация, англицизмы.

E. E. Kottsova

LINGUISTIC FEATURES OF GAMERS' JARGON

Annotation. The article deals with the analysis of linguistic features of an actively developing subculture — the jargon of gamers as a special sociolect within the framework of youth substandard, as a rather closed part of internet communication. The author identifies such sources of replenishment of slang vocabulary as abbreviation, including abbreviated English loan words, truncation, full English loan words. Replenishment of gamers' jargon becomes possible from common vocabulary as a result of development of figurative, slang, word meanings (e. g.: 'khilit'sya', from the English 'to heal' — to cure). Individual cases of transition of gamers' vocabulary into network-wide communication

and youth jargon are considered, since the main age group of computer game participants are young people, aged from 25 to 34 years old. Expansion of meaning, as well as the development of figurative meanings in individual jargonisms during transition to common network communication are noticed.

Key words: internet communication, subculture, gamers' jargon, abbreviation, English loan words.

Возрастающий интерес лингвистов к изучению интернет-коммуникации как коммуникативно-лингвистического феномена на рубеже XX–XXI веков определяет актуальность темы исследования. Субкультура геймеров (людей, объединенных общим интересом к компьютерным играм), тесно связанная с глобальной сетью, также активно развивается с начала XXI века. Игровой рынок постоянно растет, предлагая новые жанры и темы, что постоянно привлекает к игровому процессу новую аудиторию. Возрастная группа геймеров — это молодые люди 25–34 лет. Все это обусловило внимание лингвистов к их жаргону. Жаргон геймеров как особый вид субстандартной лексики и как часть сетевого общения еще не стал предметом комплексного исследования, за исключением диссертации П. А. Горшкова [Горшков 2006]. Между тем в этом динамичном социолекте за последние 16 лет произошли большие изменения.

Основной целью современного языка общения в Интернете является донесение информации до собеседника как можно быстрее и короче, так как зачастую интерфейс чатов и форумов или же чат в игре не позволяют пользователю писать длинные сообщения. Иногда на это просто нет времени, например, во время игры в команде в режиме реального времени.

Технические особенности интернет-коммуникации способствовали формированию следующих ярких языковых особенностей компьютерного жаргона: 1) стремление к свертыванию речи; 2) замена вербальных фигур зрительными; 3) уменьшение текста, в том числе с помощью аббревиации [Котцова, Оловянная 2022]; 4) большое количество англицизмов [Литвинова 2008: 54]; 5) приближение текста к звучащей речи на фонетическом уровне, парцелляция на синтаксическом уровне, акронимы, эмодиконы.

Эти общие тенденции отмечаются и во внутриигровом общении геймеров, что подтверждает и наш анализ языковых источников наиболее частотных жаргонизмов (всего 153 единицы, отобранные в результате сплошной выборки из словаря «Молодежный жаргон Архангельска» [Словарь народно-разговорной речи... 2019] (29 слов)), а также лексика, отобранная по результатам анкетирования геймеров (124 слова). В качестве дополнительных источников использовались материалы 35 электронных ресурсов Википедии, содержащих лексику геймеров.

Стремление коммуникантов к увеличению количества информации, передаваемой за единицу времени, обусловленное динамикой сюжета, скоростью реакции, необходимостью быстро написать или сказать что-то во время игры, отражается в насыщении речи геймеров различными сокращениями, аббревиатурами [Петрова 2020: 93], в том числе аббревиатурами английского происхождения, в обилии грамматических и лексических ошибок, в редукации грамматических конструкций [Вдовиченко 2016: 13]. Ср., например, усечения от заимствованных

жаргонизмов: ресурсы — ресы, чар (от англ. character — персонаж), экспа (от англ. ExperiencePoints — очки опыта); аббревиатуры русского и английского происхождения как результат свертывания словосочетаний-составных жаргонизмов: ЗБТ — закрытый бета-тест, ОЗУ — оперативное запоминающее устройство; DPS (от англ. damagepersecond — урон в секунду). Особенно много аббревиатур отмечается в номинациях игроков и персонажей в компьютерных играх: PvP (от англ. PlayerversusPlayer) — игрок против игрока, ДД (от англ. damagedealer) — игрок, наносящий в бою максимальный урон противникам за минимальное время, АДК (attackdamagecarry) — игровой персонаж, специализирующийся на нанесении урона, NPC (от англ. non-playercharacter) — неиграбельный персонаж. Продуктивность усечения и аббревиации в жаргоне геймеров связана с тем, что часто успех миссии или матча в игре зависит от скорости действий и реакции игроков.

Особую изолированность, иногда просто арготическую «зашифрованность» геймерского жаргона в игровых ситуациях для постороннего слушателя можно проиллюстрировать следующей фразой на одном из форумов сайта игровой интернет-платформы Steam: «В кишке два кóнтра, у одного батон у второго петух, бросай слепу и давай рáшить их». Пояснение, данное самими игроками: «В вентиляции двое контртеррористов, у одного пистолет-пулемёт FN P90, у второго автомат Galil, бросай осветительную гранату, врываемся, уничтожаем их» [Кондрашова 2013: 57].

Кроме того, отмечается высокая степень деления на отдельные группы, фандомы (от «дом» и «фан», то есть дом фаната), внутри самого общества геймеров. «Каждый конкретный фандом располагает собственной символикой, ритуалами, фольклором, специфическими видами фан-арта» [Золотова, Васильева, Ефимов 2009: 206]. В результате некоторые жаргонизмы одного фандома могут быть непонятны представителям другого фандома.

Специфическая игровая лексика геймеров почти не просачивается в общесетевую коммуникацию и даже в молодежный жаргон, так как большинство игровых понятий или процессов не встречаются вне игры. Поэтому большая часть геймерской лексики воспринимается инородно в общем употреблении. Обычно она аллюзивно отсылает к каким-то событиям или объектам игровой реальности либо употребляется в юмористическом или ироничном смысле, часто в переносном значении.

Между тем следует отметить ряд случаев перехода геймерской лексики в общесетевую коммуникацию и в молодежный жаргон. Так, жаргонная аббревиатура ГГВП, или gg, (от англ. goodgame, wellplayed), используемая геймерами в значении похвалы своей команды за успешный матч, в общесетевом общении приобретает оценочную коннотацию, обозначая в зависимости от контекста как одобрение, так и порицание или иронию со стороны пишущего.

Игровой жаргонизм лут (от англ. loot), обозначающий внутриигровой ценный предмет, который выпадает после выполнения какого-то задания или победы над противником, в обыденном общении может употребляться в значении предмета, доставшегося человеку случайно или за очень небольшие усилия.

Глагол хилиться (от англ. heal — лечение) в жаргоне геймеров обозначает процесс лечения игрового персонажа. Во внеигровом общении, чаще в молодежном жаргоне, этот глагол употребляется в исходном значении (лечиться). Или у этого глагола на основе ассоциации с восстановлением шкалы здоровья

игрового персонажа развиваются переносные значения, связанные с отдыхом: «Пойду *похилюсь*» (вздремну, отдохну).

Под лексемой «F», которую можно часто увидеть в комментариях пользователей различных соцсетей, скрывается целая фраза «Press F to pay respect» («нажмите клавишу F, чтобы отдать честь»). В игре 2014 года «Call of Duty: Advanced Warfare» в одной из начальных сцен сюжета герой находится на похоронах своего друга, и игроку, чтобы оказать посмертные почести (коснуться гроба), необходимо нажать клавишу F. Всплывающая подсказка игры «Press F to pay respect» и стала ключевой фразой. Игроки были настолько обескуражены странной постановкой сцены и неуместным взаимодействием, что фраза приобрела ироническую окраску и вышла за пределы игрового сообщества в речь молодежи. Сейчас, если в обсуждении какого-то инфоповода или просто в ответ на сообщение пользователь отправляет «F», то с его стороны это будет выражением уважения или сопереживания, но слегка с ироническим подтекстом.

Таким образом, жаргон геймеров, с одной стороны, сохраняет общие тенденции интернет-коммуникации. Но с другой стороны, в рамках данной субкультуры развиваются и доминирующие языковые характеристики профжаргона геймеров, прежде всего, такие как аббревиация и усечение, позволяющие емко, кратко, однословно передать информацию. К экспрессивным средствам можно отнести эвфемизацию речи, освобождающую игрока от использования некорректных слов [Горшков 2006: 17], а также фонетическую мимикрию, или каламбур — игру слов (например, слово *баня* в значении английского слова *bun*, пластанция, плойка — консоль «PlayStation»).

ЛИТЕРАТУРА

Вдовиченко С. С. Речевой портрет языковой личности игрока в DotA2 // Научный диалог. Екатеринбург, 2016. № 2(50). С. 9–20.

Горшков П. А. Сленг хакеров и геймеров в Интернете: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 19 с.

Золотова Т. А., Васильева Н. И., Ефимов П. И. «Человек играющий»: картина мира в субкультуре геймеров // Интернет и фольклор: сборник статей [сост. А. В. Захаров]. М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2009. С. 202–208.

Кондрашова Е. Е. Лексика геймеров // Русская речь, 2013. № 6. С. 55–58.

Котцова Е. Е., Оловянная А. С. Жаргон геймеров как часть интернет-коммуникации // Topical areas of fundamental and applied research XXVIII: Proceedings of the Conference. North Charleston, 7–8.02.2022. Morrisville, NC, USA: Lulu Press, 2022. Pp. 145–149.

Литвинова Е. С. Особенности жаргона пользователей интернет в сравнении с общемолодежным жаргоном [Электронный ресурс] // Вестник педагогического опыта; Глазовский государственный педагогический институт им. В. Г. Короленко, 2008. № 28. С. 54–57. Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17436112> (дата обращения: 02.09. 2022).

Петрова А. А. Особенности субкультуры российских геймеров в процессе онлайн-игры // Вопросы студенческой науки. Самара, 2020. № 4(44). С. 690–694.

Словарь народно-разговорной речи города Архангельска: в 3 т. / сост. Е. Е. Котцова, О. Е. Морозова, Э. Н. Осипова, Н. А. Петрова; под общ. ред. О. Е. Морозовой; Сев. (Арктич.) федер. ун-т им. М. В. Ломоносова. Архангельск: САФУ, 2019. Т. 2: Городские социолекты. Ч. 2: Молодежный жаргон Архангельска (1996–2018). 196 с.

З. И. Минеева

АНОМАЛИЯ И НОРМА В СОВРЕМЕННОЙ АКЦЕНТОЛОГИИ

Аннотация. В статье рассматривается соотношение нормы и аномалии в современном литературном языке. Привлекается материал орфоэпических и толковых словарей, акцентологического корпуса Национального корпуса русского языка, теле- и радиопередач. Цель исследования состоит в определении тенденций, обуславливающих динамические явления в современном ударении. Выявляется тенденция к стабильности единственного и множественного ударения, что находит отражение в неизменности нормы в течение длительного времени. Обнаруживается воздействие аналогии и усиление роли профессиональных жаргонов, что ведет к распространению аномального ударения и в ряде случаев присвоению статуса младшей нормы или стилистически маркированного варианта.

Ключевые слова: ударение, норма, вариант, динамика.

Z. I. Mineeva

ANOMALY AND NORM IN MODERN ACCENTOLOGY

Annotation. The article examines the correlation of norm and anomaly in the modern literary language. The material of orthoepic and explanatory dictionaries, the accentological corpus of the National Corpus of the Russian Language, television and radio broadcasts is involved. The purpose of the study is to determine the trends that cause dynamic phenomena in modern stress. The tendency to stability of singular and plural stress is revealed, which is reflected in the immutability of the norm for a long time. The influence of analogy and the strengthening of the role of professional jargon is revealed, which leads to the spread of abnormal stress and in some cases the assignment of the status of a junior norm or a stylistically marked variant.

Key words: stress, norm, variant, dynamics.

Соотношение нормы и аномалии, изучаемое в аспекте языкового развития [Апресян 1990], роли в художественном произведении [Радбиль 2017], изменения динамики нормы [Минеева 2020], проявляется на всех уровнях языковой системы [Зеленин 2022]. Актуальность проблемы нормы и аномалии в современной акцентологии обусловлена тем, что ударение в русском языке не фиксировано на первом, как в финском и эстонском языках, на последнем, как во французском, или на предпоследнем, как в польском языке, хотя может падать и на первый (*утренний*), и на предпоследний (*последний*), и на последний слоги (*университет*); более того, акцент может перемещаться либо во всей парадигме, либо в полупарадигме с флексии на основу (*странА — стрАны, плечО — плЕчи, труБА — труБы, кольцО — кОльца, окнО — Окна*) или с основы на флексию (*Облако — облаКА*).

То, что ударение в русском языке не закреплено за определенным слогом, является причиной динамических явлений, при которых граница между нормой и аномалией может смещаться, в результате то ударение, которое совсем недавно в орфоэпических словарях маркировалось специальными пометами *неправ.*, *не рек.*, получает статус нормы, а прежде единственно правильное снабжается пометами, свидетельствующими о его устарелости, неактуальности. Норма, в свою очередь, может включать как единственное ударение, так и множественное, или вариантное. Граница между нормой и аномалией в русском ударении подвижна. Аномалия в акцентологии, таким образом, охватывает те случаи, когда 1) в речи не соблюдается единственная акцентологическая норма; 2) прежде нормативное ударение становится устарелым; 3) а также те случаи, когда в силу разных причин, прежде всего под влиянием профессионального жаргона и грамматической аналогии появляется ранее отсутствовавшее ударение.

1. В случае единственного нормативного ударения (*гЕнезис*, *диспансЕр*, *ката-лОг*, *квартАл*, *партЕр*, *свЁкла*, *хвОя*, *ходАтайство*, *экспЕрт*) перенос акцента представляет собой аномалию, грубое нарушение литературной нормы, сколь бы частотным ни были ошибки.

Соотношение нормы и аномалии интересно рассмотреть применительно к словам типа *гуру*. В словарях [БТС 2014, Зарва 2002 и др.] в качестве ударного отмечается последний слог. *ГурУ*, нескл, м. 1. В буддизме — духовный наставник (первоначально — глава религиозной общины сикхов). 2. *Перен*. Об учителе, наставнике [БАС-3, т. 42006: 471]. В медиапространстве зафиксировано употребление существительного только с ударением на первом слоге: *Числятся гУру информационного пространства* (Радио FM, 6.12.2022). В акцентологической корпусе Национального корпуса русского языка [НКРЯ] слово зафиксировано в 272 документах, имеет 325 вхождений 1975–2013 годов. Примеры с конечным ударением единичны.

*о, связанный неподправимой клятвой,
Я в мир вернусь — теперь уж за тобой —
И нарекусь архатом, боддhisатвой,
Твоим гуру, учителем, судьбой,
Венцом даров безжалостных венчанный,
Игралищам противник неустанный*

(В. Ф. Перелешин. «Кликун, и там я к Богу воззову...»
[Звено, 12] (18.09.1972–29.10.1975)).

*Как хитрый блёск развратных глаз дурманит,
И словно факел поджигает тёплую смолу...
Какие строчки, что...? Ах!.. Из тумана
Есть для чего проснуться, мой гуру!*

(5076405. Так часто вижу в снах своих я строчки (2013)).

Гораздо больше примеров с ударением на первом слоге.

*Молодого гуру встретив в саду,
я не скрдою, что я не трус*

(Н. Байтов. «Отодвинув квазар за телескоп...» (1995)).

— Скажи́ мне, гу́ру, зоркий ты́,
Найду́ незрѣмые мосты́
Между собой и прошлой жизнью?

(t5ognbhtm.

Пришёл несчастный к мудрецу (2013)).

Примеры использования в радиопередачах включают словоупотребление лексемы *гуру* с ударением на первый слог (Радио FM, 6.12.2022 и другие).

2. В случае множественного нормативного ударения перенос акцента с одного слога на другой представляет собой пример толерантности современной нормы, допускающей в течение длительного времени равноправные ударения у ряда слов разных частей речи, у имен существительных: *твОрог* и *творОг*, прилагательных: *одноврЕменный* и *одновремЕнный*, наречий: *одноврЕменно* и *одновремЕнно*. Вариантность нередко возникает у иноязычных заимствований и производных от них русских словах. Варьирование *Оксфордский* и *оксфОрдский* [Резниченко 2007] в современной речи можно проиллюстрировать примерами из Национального корпуса русского языка: в акцентологическом корпусе НКРЯ, 8 документов, 11 словоупотреблений (2010–2012 гг.) прилагательного *оксфордский*, из которых 3 документа содержат 3 словоупотребления с ударением на первом слоге, 5 документов, 8 словоупотреблений с ударением на втором слоге: *оксфóрдское произноше́ние* [НКРЯ: М. В. Мина, Г. А. Клевезаль, Н. А. Формозов. Беседа Н. А. Формозова с М. В. Миной и Г. А. Клевезаль (2012)]; [Шеф-повар (Владимир Долинский, муж, 56, 1944)] [пробует соус] *Хорошо́! Ка́к же мы́ назовѐм тво́й со́ус?* [Людвиг (Даниил Белых, муж, 21, 1979)] *Назовѐм егó со́ус «О́ксфордский»* [НКРЯ: Тигран Кеосаян, Ганна Слуцки. Ландыш серебристый, к/ф (2000)].

Вариантное ударение может сопровождать вхождение в употребление нового слова: *ковИд* и (реже) *кОвид* [СлКЭ 2021: 82], *коронавИрусеть* и *коронавирусЕть* [СлКЭ 2021:143], *ковИднуть* и *ковиднУть*, *ковИднуться* и *ковиднУться* [СлКЭ 2021: 109].

3. Акцентологические варианты различаются временем возникновения. Младшая норма развивается нередко под влиянием аналогии. В мотивирующем слове и мотивированном ударение на корне, в одноструктурных словах — на словообразовательном форманте, в результате чего возникает вариант с ударением на суффиксе (*олЕнь* — *олЕнина* и *олениНа*). Вторые варианты имеют большие шансы стать единственной нормой, из вышеприведенных примеров единственное ударение на суффиксе в [Зарва 2002]. Суффикс с семантикой феминности *-их(а)* часто ударный, как в словах *моржиха*, *воробьиха*, *лосиха*, *врачиха* и др. Большая часть текстов, приведенных НКРЯ (25 документов, 33 вхождения), содержат примеры с ударением на суффиксе.

В разных источниках квалификация того или иного ударения не единообразна. Более раннее ударение *ржАветь* сменяется более поздним *ржавЕть* по аналогии со словами данной структуры (*белеть*, *стареть*, *чернеть*), в результате одни словари приводят оба варианта ударения глаголов (*ржАветь* и *ржавЕть*, однокоренные *заржАветь* и *заржавЕть*, *поржАветь* и *поржавЕть*, *проржАветь* и *проржавЕть* [БТС 2014]; в других, как у М. В. Зарвы только один более поздний на *-Еть* [Зарва 2002]).

Движение от аномалии к норме наблюдается у ударения в слове *маркетинг*: первоначально заимствованное слово имело ударение на первом слове, как в языке-источнике (*мАркетинг*), затем переместилось в центр слова, что характерно для многосложных слов в русском языке (*маркЕтинг*), последнее как единственная норма фиксируется в [Зарва 2002]), в то время как в речи наблюдается варьирование ударения, санкционированное авторитетным словарем: *маркЕтинг*, *мАркетинг* [БТС 2014].

В последнем случае мы наблюдаем смену аномального ударения на нормативное с этапом сниженной стилистической маркированности у нового варианта.

Аномальным является устаревшее ударение. В настоящее время наблюдается конкуренция устарелого и нормативного ударения в прилагательном *украинский*. Высокочастотное слово в речи военных чаще произносится с ударением в центре слова (*укрАинский*), так произносит слово в сводках СВО С. Шойгу; нормативное *украИнский* в речи журналистов. Орфоэпический словарь сопровождает слово запретительной пометой: *украИнский* [*не укрАинский*] [Зарва 2002].

4. Стилистическая маркированность одного из вариантов ударения. Вариантность может касаться как в целом парадигмы слова, так и отдельных форм. Так, многим глаголам присуща вариантность внепрезентных форм: пережить — *пЕрежил* и *пережИл*. Второе ударение, унифицирующее акцентологическую норму, в БТС отмечается как стилистически сниженное, разговорное [БТС 2014], в словаре М. В. Зарвы отсутствует, здесь фиксируется единственная норма: *пережить* — *пЕрежил* [Зарва 2002]), а *пережИл* оценивается как аномальное.

Роль ударения велика в различении лексем и их семантики, в особенности это касается неологизмов: *ковИдец* (разг.) ‘больной коронавирусной инфекцией’ и *ковидЕц* (разг.-сниж) ‘крайне тяжелые последствия пандемии’ [СлКЭ 2021: 93]. Здесь наблюдается взаимодействие акцентологии и морфемики, суффикс *-ец* обладает разной семантикой, выражающейся в наличии/отсутствии ударения на морфеме.

Динамические явления в ударении, как и проблема акцентологической нормы и аномалии, связаны с действием закона аналогии. Рассмотрим более подробно ударение у глаголов мужского и женского рода прошедшего времени. В одних случаях акцент падает на одни и те же слоги у слов разной родовой принадлежности: *стоять* — *стоял* и *стояла*, в других случаях акцент у лексемы женского рода противопоставляет ее формам мужского рода или всем остальным формам: *взять* — *взял*, *взяли*, но *взяла*; *отдать* — *Отдал* и *отдал* (м. р.), но *отдала* (ж. р.), -О [БТС 2014]; *отдать* — *Отдал* (м. р.), *Отдало* (ср. р.), но *отдала* (ж. р.) [Зарва 2002]. Тенденция к выравниванию ударения в глагольной парадигме наблюдается в том случае, когда в формах мужского и женского рода ударение единообразно.

Группа глаголов на *-ить* имеет тенденцию переноса ударения с окончания на основу: *варить* — *вАришь*, *вАрят*, *солИть* — *сОлишь*, *сОлят*. Норма употребления некоторых лексем сопротивляется кодификации такого переноса, ярким примером является глагол *звонить*, сохраняющий в литературном языке ударение на флексии, в то время как в просторечии утвердился перенос на основу. Аналогия такого рода характерна для глагола *включить* и производных, нормативное

включИшь (БТС 2014) в разговорной речи уступает место ударению на основе: *вклЮчишь, отклЮчишь, переклЮчишь* и т. д., что в ортологических источниках маркируется как неправильное: *неправ.! вклЮчишь* [Резниченко 2007].

Аномалия как воздействие жаргона. Важным трендом, обуславливающим динамические процессы в ударении, выступает мощное воздействие профессионального жаргона, благодаря которому широкое распространение получает ударная флексия *-а/-я* в формах множественного числа имен существительных: *вызов — вызовы* и (проф. мед) *вызова*. *КОрпус — кОрпусы* в значении 'туловище человека или животного' первоначально не противопоставлялось формам слова в значении 'база данных', по мере развития лингвистических корпусов, в том числе Национального корпуса русского языка, в речи лингвистов нередко можно услышать употребление конечного ударения: *лингвистические корпуАа, в основном и газетном корпусАх* и т. д. Лингвистический корпус — *кОрпусы* и *корпусА: Извлеченных из корпуОв английского языка; обращение к национальным корпуАм; Цифровизация коммуникативного пространства и исследование политического дискурса позволяет обрабатывать кОрпусы* (выступления на конференции в ГИРЯП 12.10.2022).

Аномальное для литературного языка ударение становится визитной карточкой представителя определенной профессии, профессиональное ударение нередко становится широко известным, так произошло с ударением в слове *осуждЁнный*, даже словарь [Резниченко 2007] отмечает, что в речи сотрудников правоохранительных органов слово произносится с ударением на второй слог: *осУжденный*, в то время как общелитературной нормой является ударение на третьем слоге. В данном и других подобных случаях понятие аномалии условно: в профессиональной сфере употребление слова с нормативным *осуждЁнный* воспринимается скорее как аномалия. Об этом писали в свое время В. В. Виноградов и К. С. Горбачевич.

Из свежих примеров переноса ударения в профессиональной речи (в данном случае — метеоролога Е. Тишковца) при образовании формы множественного числа существительного на *-а*: *На следующей неделе... будут слабые минуСА* (Радио FM, 1.02.2023).

Материалы словарей и примеры употребления ряда существительных дают основания говорить о том, что воздействие профессиональных жаргонов является значительным.

В медийном пространстве увеличилась доля спикерв-военных, носителей профессионального военного жаргона, которые произносят имена существительные в соответствии с устоявшимися в своей среде предпочтениями: *строят крейсера* (Радио FM, 6.12.2022); *что должно быть на складАх; противник бьет по складАм* (Радио FM, 12.10.2022); *подходить к безопасности складОв* (Радио FM, 6.12.2022); *Рулоны отправили из морского портаА; из аэропортаА* (Радио FM, 12.10.2022).

Итак, современное ударение характеризуется, с одной стороны, тенденцией к устойчивости, присущей в целом литературной норме; с другой стороны, воздействием субстандартных подсистем русского национального языка и разного рода динамических явлений.

Граница нормативности не всегда осознается носителями языка, разнонаправленные тенденции в развитии различных языковых процессов приводят к тому, что слово в один отрезок времени существует в двух ипостасях, с двумя различными ударениями: современным и устаревающим (старшая и младшая норма), нормативным (стандартным) и профессиональным, нейтральным (стандартным) и разговорным и т. п.

ЛИТЕРАТУРА

Апресян Ю. Д. Языковые аномалии: типы и функции // Филологические исследования. Памяти академика Георгия Владимировича Степанова (1919–1986) / под ред. Д. С. Лихачева. М.: Наука, 1990. С. 50–71.

БАС-3 — Большой академический словарь / гл. ред. К. С. Горбачевич. Т. 1–27. М.; СПб.: Наука, 2004–2021.

БТС 2014 — Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. 1536 с. [Электронная версия: 2014 <http://www.gramota.ru>].

Зарва М. В. Русское словесное ударение. Словарь нарицательных имен. М.: ЗНАС, 2001. [Электронная версия: 20021–2002 <http://www.gramota.ru>].

Зеленин А. В. Синтаксическая аномалия: «от слова совсем» // Русский язык в школе. 2022. Т. 83. № 1. С. 67–77.

Минеева З. И. Норма vs аномалия? // Актуальные вопросы современной лингвистики: сборник статей. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2020. С. 98–105.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс: ruscorpora.ru — дата обращения январь 2023].

Радбиль Т. Б. Языковые аномалии в художественном тексте: Андрей Платонов и другие. М.: Флинта, 2017. 322 с.

Резниченко И. Л. Орфоэпический словарь. Произношение. Ударение. М.: Астрель АСТ, 2007. 1182 с.

СлКЭ — Словарь русского языка коронавирусной эпохи / отв. ред. М. Н. Приемышева. СПб.: ИЛИ РАН, 2021. 550 с.

УДК 81

С. В. Пискунова

В. М. Швецова

АВТОРСКОЕ СЛОВОТВОРЧЕСТВО КАК ФЕНОМЕН ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Аннотация. В статье анализируются особенности словотворчества, которое не только отражает стереотипную модель языковой картины мира, но и выступает формой авторской индивидуальности языковой личности. Дается оценка особенностям процесса формирования новообразований в условиях речевой коммуникации. Определяются принципы организации лексических новаций с учетом индивидуальных возможностей языковой личности.

Ключевые слова: языковая личность, авторское словотворчество, лингвокреативный потенциал, лексическая новация, коммуникация.

S. V. Piskunova
V. M. Shvetsova

AUTHOR'S WORD-MAKING AS A PHENOMENON OF LINGUISTIC PERSONALITY

Annotation. The article analyzes the features of word-making, which not only reflects the stereotypical model of the linguistic picture of the world, but also acts as a form of the author's individuality of the linguistic personality. The assessment of the peculiarities of the formation of neoplasms in the conditions of speech communication is given. The principles and mechanisms of lexical innovations formation are determined taking into account the individual capabilities of the linguistic personality and the state of the modern Russian language.

Key words: linguistic personality, author's word-making, linguo-creative potential, lexical innovation, communication.

Перспективным направлением в современной лингвистике является изучение и оценка языковых средств отражения картины мира языковой личностью с учётом условий коммуникации. Индивидуальный опыт и знания человека, сформированные в русле традиционной и современной культуры, определяют область развития содержания слова и текста, а организация их содержательно-смыслового объёма во многом зависит от ситуации общения. Актуальность современных исследований текстовой коммуникации связана с изучением структуры значения, средств и способов её языкового выражения, процессов порождения и восприятия речи, соотношения единиц системы языка в различных ситуациях.

Творческие способности языковой личности наиболее эффективно реализуются в словотворчестве. Актуализация креативных способностей человека осуществляется в результате создания новообразований, которые могут быть мотивированы конкретными установками коммуникативного акта и возможностями познавательной деятельности индивида. Источником авторского словотворчества, как правило, выступает нереализованный потенциал языковой системы. У индивида появляется возможность подобрать нестандартные, оригинальные языковые модели. Следует отметить, что данные структуры состоят в парадигматических отношениях с существующим мотивирующим словом.

В свою очередь, условия речевой ситуации, а также гендерные, национальные, полоролевые, культурные и пр. факторы влияют на необходимость в номинации ранее известного факта, условия. У участников коммуникации появляется желание продемонстрировать личное, порой достаточно экспрессивное отношение к предмету и обстоятельствам разговора или показать комичность сложившейся речевой ситуации. Подобные экстралингвистические причины являются мощным фактором развития процесса словотворчества.

В современной лингвистической науке актуальность проблемы авторского словотворчества обусловлена несколькими факторами. Во-первых, антропологической направленностью процессов формирования языковой личности и развития языковой картины мира. Это позволяет «анализировать проблемы словотворчества с позиции коммуникативно-когнитивных процессов, а именно:

в аспекте создания и условий реализации, закрепления новообразований в речи» [Гончарова 2021: 34]. Во-вторых, объективной потребностью разработки критериев интегративной модели словопроизводства с учетом социальных, функциональных и креативных факторов речевой деятельности языковой личности.

Авторское словотворчество — полифункциональный, двунаправленный процесс. С одной стороны, его характеризует универсальность и интегрированность. Данный процесс отражает общую картину действия языковых механизмов, а также процессов, реализующихся в русском словообразовании. Кроме того, индивид в опоре на собственный языковой опыт и возможности осуществляет поиск невостребованных в настоящее время ресурсов языка для создания такой единицы, которая бы в полной мере отражала бы условия сложившейся коммуникации.

В процессе авторского словотворчества доминирующая роль отводится адресанту. Ему принадлежит языковая инициатива новой интерпретации коммуникативного действия. По мнению Т. А. Гридиной, задача адресанта в данной ситуации — организовать так называемый «прецедент новизны» [Гридина 2013: 6].

Уровни языковой личности взаимосвязаны с уровнями реализации ее лингвистической креативности. На первом уровне — вербально-семантическом — «лингвистическая креативность в процессе словотворчества проявляется в стремлении реализовать языковые средства для общения. На втором уровне — тезаурусном — лингвистическая креативность выражается в готовности языковой личности в опоре на систему ее мировоззренческих представлений отбирать стилистические приемы, паремии и пр.» [Щербакова, Левичева 2012: 98]. Развитие третьего уровня связано с реализацией прагматической функции лингвистической креативности. Это, по мнению Е. Е. Щербаковой, «выражается в способности говорящего осознанно варьировать языковое высказывание в соответствии с поставленной коммуникативной задачей» [Щербакова, Левичева 2012: 99].

Следует отметить тот факт, что в процессе словотворчества для говорящего или пишущего важно не только создавать новые единицы, но и наполнять «их адекватным содержанием в соответствии с их функциональной нагрузкой, уместно реализовать новообразования в речевой коммуникативной среде. Организация нового слова требует от языковой личности значительных мыслительных затрат. Носитель языка на начальном этапе словотворчества должен обратиться к индивидуальному лексикону за “готовым” языковым средством» [Плотникова 2000: 12]. В случае отсутствия таковой единицы необходимо ее смоделировать. При этом следует учитывать, чтобы опознавание и интерпретация подобного слова не вызывала трудностей у адресата в процессе коммуникации. В то же время необходимо учитывать, чтобы новообразование строго соответствовало ресурсам конкретного языка. Данные обстоятельства позволяют говорить, что авторское словотворчество «разрешает» языковой личности быть свободной в отношении выбора языковых средств. Однако подобная свобода все же является относительной. Она ограничивается, как правило, не только общими компонентами коммуникативной ситуации, но и коммуникативными намерениями при выборе способа, а также средств для создания нового слова; мотивированностью и осознанностью данного отбора. Кроме того, в качестве ограничителя могут выступать индивидуальные возможности и ресурсы, которые применяются конкретной язы-

ковой личностью в процессе создания лексической новации. Следует учитывать коммуникативные принципы, актуализированные индивидом при организации новообразования.

В современной лингвистике прослеживается тенденция изучения авторских слов с позиции их семантической, словообразовательной и морфологической нестандартности. Данное направление находит свое развитие в трудах многих отечественных языковедов (Л. П. Гроссмана, Г. О. Винокура, В. В. Виноградова и др.). Однако представители Тамбовской лингвистической школы изменяют вектор данных исследований: значительное место отводят изучению проблем лексических новаций в тексте. Особое внимание уделяется разработке теоретических основ моделирования языковых процессов. По нашему мнению, «лингвистическое моделирование содержательной стороны авторских слов, которое реализуется в коммуникативных моделях, способно передать специфику динамических преобразований в семантической структуре слова и текста» [Швецова 2000: 45].

В современных условиях развития языка процесс авторского словотворчества может быть реализован в двух направлениях. С одной стороны, на базе создания нового плана выражения слов с развитием их значений. В истории русского литературного языка данный путь наиболее продуктивный и востребованный. Примеры подобных авторских новообразований встречаем в текстах А. И. Солженицына: *базарно-добродушный* голос («Раковый корпус»), говорить *благодарно-виновно* («Архипелаг ГУЛАГ»), повседневная *уютность-полунебрежность* («Окунаясь в Чехова: Из литературной коллекции»), *ортодоксы-благодомыслы* («Архипелаг ГУЛАГ») и др., произведениях Т. Н. Толстой: *послеосеннее* настроение, *получастный* характер («Изюм») и др., в мемуарах М. Веллера: *дрябло-упитанные* унтера («Мое дело»), в прозе А. Рыбакова: *не ханжески-богомольное* выражение («Тяжелый песок»).

С другой стороны, авторское словотворчество может быть реализовано на основе уже существующих единиц с актуализацией или трансформацией их содержания. Подобный процесс реализуется, когда план выражения слова остается актуальным для языковой личности, а объем плана содержания требует расширения или, наоборот, детализации и уточнения в условиях конкретной коммуникации. В условиях текущей речевой деятельности в сознании языковой личности формируется новое значение известного слова, которое адаптируются и интерпретируются участниками коммуникации.

Таким образом, авторское словотворчество выступает наиболее эффективной возможностью материализации лингвокреативного потенциала языковой личности. Данный процесс характеризуется функциональной дуальностью: с одной стороны, обусловлен потенциалом современного языка; с другой стороны, проявляет зависимость от индивидуальных особенностей конкретной языковой личности.

ЛИТЕРАТУРА

Гончарова Н. А., Швецова В. М. Языковая личность в аспекте диалога культур: проблема восприятия иноязычного знака // Экология языка и речи: Материалы IX Международной научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения заслуженного работника высшей школы РФ, доктора филологических наук, профессора Нины Георгиевны Блохиной. Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2021. С. 34–37.

Гридина Т. А. К истокам вербальной креативности: творческие эвристики детской речи // Лингвистика креатива-1: коллективная моногр. / Под общей ред. проф. Т. А. Гридиной. Екатеринбург: ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», 2013. С. 5–58.

Плотникова Л. И. Новое слово: порождение, функционирование, узуализация. Белгород: Изд-во БелГУ, 2000. 208 с.

Швецова В. М. Индивидуально-авторские конструкции в системе расширения современного русского языка (на материале произведений А. И. Солженицына): дисс. ... канд. филол. наук. Тамбов: ТГУ им. Г. Р. Державина, 2000. 193 с.

Щербакова Е. Е., Левичева Е. В. Феномен «лингвистическая креативность» в современной психологопедагогической науке // Вестник НГТУ. Серия «Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии», 2012. № 4. С. 93–101.

УДК 882 (092)

С. С. Худяков

ЭКОЛОГИЯ ПАМЯТИ: ИСТОРИЯ В ЛИЦАХ. РАЗМЫШЛЕНИЯ О РЕЧИ В. В. ПУТИНА О ПЕТРЕ ПЕРВОМ

Аннотация. В статье идет речь о пересечении и о схожести судьбоносных эпох в истории Российского государства, о таком аспекте, как «экология памяти», государственной и историко-культурной традиции, о традиционной данности России личностей, по выражению В. Г. Белинского, во все времена «являющихся вовремя».

Ключевые слова: история России, российская государственность, великий государь, национальный лидер, экология памяти.

S. S. Khudyakov

ECOLOGY OF MEMORY: THE STORY IS IN THE FACES. REFLECTIONS ON VLADIMIR PUTIN'S SPEECH ABOUT PETER THE GREAT

Annotation. The article deals with the intersection and similarity of fateful epochs in the history of the Russian state, with such an aspect as the “ecology of memory”, state and historical and cultural traditions, with the traditional reality of Russian personalities, in the words of V. G. Belinsky, at all times “being on time”.

Key words: history of Russia, Russian statehood, great sovereign, national leader, ecology of memory.

В текущем 2022 году наша страна отметила значимый юбилей — 350-летие со дня рождения выдающегося государственного деятеля России Петра Первого. В честь данного торжественного события в Москве на площадке ВДНХ состоялся Международный форум «История для будущего. Образ Петра», на котором присутствовали известные общественные и религиозные деятели, политики, представители СМИ из разных стран.

В приветственной речи Президента Российской Федерации В. В. Путина отмечалось, что Петр I являлся «великим сыном Отечества», подчеркивалось непреходящее значение его личности не только для истории нашей страны, но его значение в мировом масштабе: «Выдающийся государственный и военный деятель, патриот, он всецело посвятил себя служению Отечеству. Его масштабные преобразования в государственном управлении и экономике, науке и культуре, образовании и просвещении способствовали укреплению международного авторитета России, во многом определили её развитие на столетия вперед как могущественной, суверенной державы» [Международный форум «История для будущего. Образ Петра»].

Как видим, Президент особо подчеркнул историческую значимость деятельности Петра в тех ипостасях, которые являются актуальнейшими и в наши дни: сохранение суверенитета, целостности страны, значимость русского языка как важнейшего объединяющего, стратегического начала для сохранения единства всех народов Российской Федерации. Последнее в наше непростое время особенно важно: далеко не каждая страна имеет такое уникальное богатство, как язык межнационального общения, объединяющий все братские народы Российской Федерации в единый, крепкий организм с сохранением при этом языковой, культурной, исторической памяти и самобытности всех народов России. В статье 69 Конституции РФ сказано, что «государство защищает культурную самобытность всех народов и этнических общностей Российской Федерации, гарантирует сохранение этнокультурного и языкового многообразия» [Конституция РФ].

Надо с сожалением признать, что к личности Петра Первого было далеко не всегда однозначное отношение, если проследить этот печальный факт в истории страны. Так, в частности, в преддверии распада Советского Союза, во второй половине 1980-х годов, по наблюдению ученых, стало устойчивой тенденцией снижение историко-патриотического ракурса в оценке его деятельности и откровенное замалчивание значения великих преобразований, им осуществленных.

В. В. Путин, размышляя о достижениях Петра, логично вписался в общий и в отчасти непрерывный исторический контекст размышлений о нем выдающихся словесников России, таких, как М. В. Ломоносов, Г. Р. Державин, А. С. Пушкин, Ф. И. Тютчев и многих других, которые высказывались об этом настойчиво, последовательно, обстоятельно.

Назвав однажды А. С. Пушкина «человеком предания» гораздо в большем масштабе, чем это порою представляется, В. Г. Белинский обозначил современникам и потомкам ценнейший художественно-исследовательский историзм великого писателя.

Общеизвестно, что Пушкин высказывался о Петре неоднозначно, не забывая многие сложности в его деяниях, доходящих порою до жестокости и деспотизма. Но это не мешало ему во главу угла ставить ценнейшие качества, и действия, благодаря которым Россия при его правлении стала великим, обновленным государством. И он в этом плане не нарушал традиции названных словесников XVIII столетия, подчеркивая величие державности государя.

Повторимся, что об этом крайне актуально вспомнить и в наше непростое время. Пушкин восхищается величием, статностью, державностью детища Петра — «военной столицей» Российской империи — Петербургом.

Подобно национальному поэту, Президент России сумел обнаружить в облике великого города, возможно, самое главное: сосредоточие, синтез личности неординарного государственного деятеля и богатейших, поистине неисчерпаемых возможностей нации, умение побудить миллионы людей к решению порою, кажется, неразрешимых проблем.

Не отступая от ключевых мыслей классиков, современный российский лидер старался осмыслить и личную причастность, а главное — чрезвычайную ответственность за судьбу вверенного ему государства. Именно повышенная ответственность сближает его в рамках текущей современной Российской ситуации с его дальним предшественником.

Честь, слава, достоинство России видятся Президенту сквозь призму личности Петра Первого. Следует подчеркнуть, что Путин ставит вопрос не только о настоящем России, но синтетическом единстве прошлого, настоящего и будущего. В этом смысл и глубина исторического контекста осознания им масштаба личности Петра. Совершенно очевидно, что в определенной мере Петр воспринимается В. В. Путиным как наставник, в позитивном смысле примером для подражания.

Соблюдая корректность, не выходя за рамки жанра юбилейной речи, — хвалебной разновидности риторического высказывания, Путин, разумеется, опускает те исторические детали, которые рассматривал А. С. Пушкин в «Истории Петра»: «Достойна удивления разность между государственными учреждениями Петра Великого и временными его указами. Первые суть плоды ума обширного, исполненного доброжелательства и мудрости, вторые нередко жестоки, своенравны и, кажется, писаны кнутом. Первые были для вечности, или, по крайней мере, для будущего, — вторые вырывались у нетерпеливого самовластного помещика» [Пушкин А. С., 1949: Т. IX, 413]. Пушкин, разумеется, не восхищается этой стороной деятельности государя, явлениями той эпохи и не может оправдать все подобные указанные средства.

Потрясающая корректность и деликатность в сочетании с глубокой мудростью была найдена великим национальным поэтом-историком для характеристики одной из самых значительных фигур отечественной государственной традиции.

Разумеется, Пушкин, погружаясь с годами в глубокое осмысление истории своей родной страны, не принимает и не соперечивает очень многому в петровских деяниях. Восхищаясь содеянным Петром, он, разумеется, не может оправдать средства его достижения. Тщательно разбираясь в деталях истории, Пушкин отмечает в деятельности государя исключительно то, что что сопряжено с вечностью.

Величественно-прекрасна характеристика Петра перед Полтавской битвой: «Тогда-то свыше вдохновенный / Раздался звучный глас Петра: / «За дело, с богом!» / Из шатра, толпой любимцев окруженный, / Выходит Петр. Его глаза / Сияют. Лик его ужасен. / Движенья быстры. Он прекрасен, / Он весь, как божия гроза» [Пушкин А. С., 1949, Т. IV, 293–294]. Отметим поэт и героев — сподвижников государя — Кочубея и Искру. Но главное, что «Враги России и Петра

народом прокляты: «И тщетно там пришлец унылый / Искал бы гетманской могилы: / забыт Мазепа с давних пор; / Лишь в торжествующей святыне / Раз в год анафемой до ныне / Грозя гремит о нем собор» [Пушкин А. С., 1949, Т. IV, 302].

Повторимся и подчеркнем: Петр в осмыслении Пушкина изображен в аспекте исторической необходимости и неизбежности, скалой стоит за преобразования России. Реформаторство страны было необходимо в контексте осмысления в сочетании с ее великим прошлым и с сохранением ее неповторимой самобытности.

В. Г. Белинский писал: «Петру некогда было медлить, ибо дело шло уже не о будущем величии России, а о спасении ее в настоящем. Петр явился вовремя» [Белинский В. Г., 1955, Т. V: 141].

Есть все основания полагать, что В. В. Путин, успевший проявить за годы своего правления весьма достойные качества национального лидера, как и Петр Первый, для России «явился вовремя».

Степень соизмеримости облика и деяний нынешнего российского лидера с достижениями и личностью государя в целом покажет взыскательное историческое время, совсем недалекое тревожное и одновременно героическое будущее нашей страны.

ЛИТЕРАТУРА

Белинский В. Г. Полн. Собр. соч.: М: Изд-во АН СССР, 1955.

Конституция Российской Федерации. (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Указ Президента Российской Федерации от 5 октября 2022 года № 710 «Об опубликовании текста Конституции Российской Федерации с изменениями».

Международный форум «История для будущего. Образ Петра» // <https://rcfoundation.ru/mezhdunarodnyj-forum-istoriya-dlya-buduschego-obraz-petra.html>

Пушкин А. С. Полн. Собр. соч.: М-Л: Изд-во АН СССР, 1949.

УДК 800

В. Б. Царькова

ТЕКСТ НАУЧНОЙ СТАТЬИ И ПРОБЛЕМЫ ЕГО СОЗДАНИЯ (ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Аннотация. Полностью разделяя мнение В. Г. Руделёва о том, что наука, прежде всего, сильна теорией, и что глубокое изучение отечественного наследия в сочетании с нетривиальными решениями молодых учёных — залог движения вперёд, автор сосредотачивает своё внимание на лингвистическом аспекте создания студентами текста научной статьи. Называются основные трудности этого процесса и предлагаются пути их преодоления.

Ключевые слова: язык как средство мышления, взаимосвязь содержания и средств его выражения, прозаическая строфа, терминосистема, чтение и обсуждение статей, самоанализ.

V. B. Tsarkova

THE TEXT OF THE SCIENTIFIC ARTICLE
AND THE PROBLEMS OF ITS CREATION
(LINGUISTIC ASPECT)

Annotation. Fully supporting V. G. Rudelev's theses that science, first of all, is strong in theory, and that in-depth study of the national heritage in combination with non-trivial solutions of young scientists is the key to moving forward, the author focuses his attention on the linguistic aspect of students' creation of the text of a scientific article. The main difficulties of this process are called and ways to overcome them are proposed.

Key words: language as a means of thinking, the relationship of content and means of its expression, prose stanza, term system, reading and discussion of articles, introspection.

...надо поддерживать молодую науку (а без неё — не будет и науки вообще!)

V. Г. Руделёв
10.05.1990

Следует признаться, что ракурс рассмотрения проблемы подсказан одной из работ Владимира Георгиевича Руделёва — его «Отзывом о дипломной работе “К вопросу о составе гласных фонем современного русского языка” студента 5-го курса Тульского педагогического института А. В. Белоусова. — Тула, 1990».

В кратко (на полутора страницах) изложенном отзыве не только дана характеристика начинающего талантливый исследователь, но и названы проблемы создания научных текстов, выходящих «из-под пера нынешних авторов» и попадающих «в академические издания». К таким проблемам Владимир Георгиевич относит незнание и неумение пишущих ценить наследие отечественных фонологических школ, а также отсутствие должного внимания к разработке вопросов теории. В отзыве слышится и его призыв к работникам министерства образования, к вузовским преподавателям считать самым ценным результатом своей деятельности развитие у студентов *умения рассуждать и способности мыслить*. С этих позиций В. Г. Руделёв чрезвычайно высоко оценивает способности и умения студента А. В. Белоусова «не быть эпигоном», рассуждать «здро и светло», полемизировать, «разбивая доводы» теоретиков, приходить «к нетривиальным выводам».

Главный тезис, который очевиден для читателей отзыва, может быть сформулирован следующим образом: нельзя делить науку на «студенческую» и «взрослую», есть единая НАУКА, ведущая роль в которой принадлежит ТЕОРИИ, и потому следует чрезвычайно серьёзно организовывать процесс развития у студентов и *умения размышлять, и способности мыслить*. Без них ни у автора-студента, ни у автора-учёного не может появиться текст научной статьи, отвечающий необходимым требованиям.

Лингвистический аспект создания текста научной статьи касается языковых проблем, связанных с такими его главными качествами как *научность*, понимаемая нами как соответствие научному стилю и тематике/проблематике, и *связность*. Данные качества научного текста обретают своё выражение в словах, объединяемых в предложения, из которых возникают абзацы (=прозаические

строфы), составляющие, в конечном итоге, связный (цельный) текст научной статьи. Из сказанного очевидно, что все сложности создания текста научной статьи в конкретных ситуациях научного творчества становятся (или не становятся!) трудностями конкретного автора. При этом лингвистический аспект (аспект выражения) обусловлен аспектом содержательным.

Одной из причин возникновения проблем у начинающих авторов-студентов является отсутствие у них чёткого понимания того, *что* за статью они пишут. Часто студенты об этом вообще не задумываются, полагая, что допустимо написать *что-нибудь по поводу чего-либо*, ограничиваются при этом компиляцией, надеясь, что таким образом обеспечат новизну и актуальность проблемы. Им не известно, что цели написания научной статьи могут быть разными: постановка проблемы; предложение решения кем-то ранее обозначенного вопроса; краткое или подробное описание эксперимента; обзор исследований по определённой проблеме, предполагающий «расставление» персоналий не в алфавитном порядке (вспомним студенческие ВКР!), а в точном хронологическом, фиксирующем не только вклад конкретного учёного и научное значение этого вклада, но и дату, когда это решение состоялось/было предложено. Кроме того, статьи могут быть дискуссионными и научно-популярными (последние стоят несколько отдельно).

Каждая цель (каждый вид статьи) обуславливает способ выражения мыслей и употребление соответствующих языковых средств. Автор должен проявлять самостоятельность и критичность в оценке взглядов и концепций, видеть в них не только положительное и ценное, но и, если они есть, заблуждения и ошибки. В каждом конкретном случае выбор лексических единиц и грамматических структур должен стать не только осознаваемым, но и контролируемым процессом. При этом в поле зрения автора, работающего над статьёй, должно постоянно находиться функциональное предназначение употребляемых лингвистических средств. Например, в одних случаях для оценки результатов проведённой экспериментальной работы требуются понятия, описывающие *значимый результат*, в других — востребована положительная или отрицательная *оценка*. Для каждой ситуации — чтобы выстроить цепочку рассуждений и/или доказательств, чтобы установить причинно-следственные связи — важны не только семантические, но и грамматические параметры употребления лингвистических единиц.

Особую роль в тексте научной статьи выполняют термины, являющиеся частью специальной лексики, соотносимой с конкретным языком для конкретной специальной цели. Именно благодаря им, точнее — благодаря их однозначности, достигается ясность выражения и точность понимания научного текста. При этом необходимо учитывать, что *точность и однозначность термина могут быть обеспечены лишь точностью словоупотребления* [Лантюхова 2013: 43]. Термин, функционирующий в рамках конкретного языка, в нашем случае — русского, подчиняется его правилам.

Употребление терминов должно быть мотивированным, то есть ни в коем случае не быть случайным. Студент, работающий над текстом статьи, должен отдавать себе отчёт в том, представителем какой научной концепции или научной школы он является, в рамках какой терминосистемы находится. Это должно оградить его от употребления терминов из других концепций в качестве «синонимов»,

которых, как известно, у термина нет. Именно по употреблению терминов можно судить о том, насколько автор грамотен методологически и каково качество статьи. Пестрота употреблённых автором терминов свидетельствует о хаотичности его научных представлений, об отсутствии системности научных знаний и даже, в ряде случаев, о факте грубого заимствования.

Стремление к научной точности требует корректного цитирования: уместного, *органично дополняющего и/или обосновывающего размышления автора*. Прямое цитирование обычно не вызывает трудностей, а вот косвенная цитация, когда пишущий статью пытается передать мысли цитируемого автора по-своему, превращается в убогий и не всегда корректный пересказ. И объясняется это тем, что студентам не достаёт широты взгляда для передачи смысла и, главное, не хватает слов, уместных, точных, которые могут появиться лишь при условии достаточного погружения в научный контекст (подчас отсутствует даже навык использования соответствующих вводных слов).

Для многих начинающих авторов большую сложность представляет собой деление собственного текста на абзацы (прозаические строфы): они разбивают текст или на слишком маленькие по объёму строфы, или на слишком большие. В первом случае им, очевидно, трудно выйти за пределы отдельного предложения, поскольку они не чувствуют общий замысел абзаца и, следовательно, его общий стиль. Во втором случае авторы не ощущают границ, существующих между группами предложений, объединённых в логические единства. Для каждого логического единства, каким является прозаическая строфа (абзац), характерна своя организация, диктуемая конкретной целью строфы. Необходимо особо подчеркнуть, что оба описанных выше случая иллюстрируют неразрывную связь языка и мышления. Это даёт основание полагать, что осмыслив (на основе анализа) примеры деления научных текстов на абзацы, овладев умением рассуждать логично, можно постичь и искусство деления текста научной статьи на прозаические строфы.

Выше перечислены *основные* трудности, с которыми сталкиваются студенты в процессе создания текста научной статьи, но и их достаточно для вывода о том, что студентов необходимо целенаправленно готовить к преодолению трудностей, развивая их умения рассуждать и способности мыслить. Главное, что надо сделать, — создать соответствующие условия.

Очевидно, что начинать следует с чтения интересных и значимых для конкретной предметной области статей. В процессе чтения студентам предлагается составить для себя полное представление об авторе и его научной позиции, о времени, в котором он жил и работал. Текст статьи должен быть понят на уровне содержания и на уровне смысла. Следует обратить внимание на характер статьи (научный жанр), проанализировать её структуру и деление на прозаические строфы, изучить использование терминов, а также лексических и грамматических средств, оценить цитацию. Такое чтение с последующим обсуждением прежде всего должно иметь место в рамках спецкурсов и курсов по выбору, статьи (в том числе и совершенно свежие) могут обсуждаться и на семинарах по теоретическим дисциплинам.

Чтение и обсуждение не должны быть занудными и растянутыми. Все должно происходить динамично, в отдельных случаях фрагментарно, когда внимание студентов фиксируется на самом интересном и значимом. Но в каждом случае,

даже если обсуждение происходит в сокращённом варианте, такие моменты, как теоретическая позиция автора, лингвистика текста, значимость работы, следует рассмотреть обязательно. В итоге, студенты смогут прочесть и проанализировать достаточное количество разных статей, и преподаватели сообщая убедят их в том, что *язык является в первую очередь средством мышления*, а затем и средством общения.

Рекомендации научных руководителей, звучащие в процессе создания студентами текстов научных статей, должны соотноситься с требованиями, о которых речь шла выше. Кроме того, задача преподавателей состоит в том, чтобы убедить студентов в необходимости изучать различные точки зрения на исследуемые ими проблемы, критически оценить качества своего ума, анализировать свой стиль (лингвистический аспект создания статьи), в том числе и употребление терминов и т. д.

В результате студенты осознают и примут тезис о том, что писать научные статьи нужно, во-первых, для того чтобы стать умнее, и, во-вторых, чтобы убедительно, интересно, точным и красивым языком рассказать о том, что знаешь и понимаешь только ты. Так можно приблизиться к выполнению задач, к решению которых взволнованно и убедительно призывает нас ЛИНГВИСТ и ПЕДАГОГ Владимир Георгиевич Руделёв.

ЛИТЕРАТУРА

Лантюхова Н. Н., Загоровская О. В., Литвинова Т. А. Термин: определение понятия и его сущностные признаки // Вестник Воронежского института ГПС МЧС России. Современные проблемы гражданской защиты, 2019. Выпуск 1(06). С. 42–45.

Руделёв В. Г. Отзыв о дипломной работе «К вопросу о составе гласных фонем современного русского языка» студента 5-го курса Тульского педагогического института А. В. Белоусова. Тула, 1990. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://bav005.ru/index54.htm>

Солганик Г. Я. Синтаксическая стилистика (Сложное синтаксическое целое). Учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по спец. «Рус. яз. и лит.» и «Журналистика». М., «Высш. школа», 1973. 214 с.

УДК 811.161.1

О. С. Шурупова

АНГЛИЦИЗМЫ НА ВЫВЕСКАХ РОССИЙСКИХ КАФЕ И МАГАЗИНОВ: ЗА И ПРОТИВ

Аннотация. Цель данной статьи — исследование особенностей использования заимствований из английского языка в названиях российских кафе. Автор подвергает анализу случаи использования в названиях липецких кафе слова “beer” («пиво») и выявляет основные группы подобных наименований. Сделаны выводы о возможности негативного влияния подобных названий на языковое сознание современных носителей русского языка.

Ключевые слова: современный русский язык, языковое сознание, заимствование, англицизм, «бир».

O. S. Shurupova

ANGLICISMS ON THE SIGNS OF RUSSIAN CAFES AND SHOPS: PROS AND CONS

Annotation. The purpose of this article is to study the peculiarities of using borrowings from the English language in the names of Russian cafes. The author analyzes cases of using the word “beer” in the names of Lipetsk cafes and identifies the main groups of such names. Conclusions are drawn about the possibility of a negative impact of such names on the linguistic consciousness of the modern Russian speakers.

Key words: modern Russian language, linguistic consciousness, borrowing, anglicism, “beer”.

Дискуссии о состоянии современного русского языка, в частности об обилии в нем заимствований из английского, активно ведутся на протяжении последних десятилетий. Если одни специалисты уверены, что язык успешно развивается за счет заимствований, поток которых связан с активным появлением в нашей жизни новых реалий, то другие утверждают, что подобное количество заимствований не совместимо с понятием «экология языка». Например, в Исландии осуществляется языковая политика, направленная на сбережение родного языка. Так, новые слова создает специально уполномоченная комиссия, пользуясь при этом только незаимствованными словами. Как утверждает Н. В. Будур, «современные исландцы гордятся своим языком и всячески противятся тлетворному влиянию, как им кажется, на исландский других языков... Когда в стране входит в обиход какое-нибудь иностранное понятие..., то комиссия специально придумывает или находит ему исландский эквивалент» [Будур 2007: 407]. Тем не менее, затруднительно прекратить контакты между странами, которые приводят к активизации процесса заимствования. Заимствования из английского языка объясняются его статусом языка международного общения, причем его мощное влияние на другие языки, несомненно, усилилось с появлением и распространением Интернета.

Однако представляется, что к важнейшим факторам, способствующим появлению заимствований из английского в последнее время, можно с уверенностью отнести то мироощущение современного человека, которое исследователь А. Э. Григорян достаточно жестко назвал «американобесием» [Григорян 2005: 62]. Это желание — не всегда до конца осознанное — носителей русского языка казаться прогрессивными, их претензии на превосходство над теми, кто не понимает значение англицизмов. Надо отметить, интерес ко всему иностранному у русских людей возник уже очень давно. Достаточно вспомнить персонажа пушкинской повести «Барышня-крестьянка» англомана Муромского, который называл свою дочь Бетси и всячески старался произвести на ошеломленных соседей впечатление человека, связавшего с Англией все свои надежды (при этом он вовсе не собирался уехать за границу и счастливо жил в русской глубинке). Сегодня, используя слова «винтажный» вместо «старинный», «фитнес» вместо «зарядка», «лоукост» вместо «дешевый» и т. д., носитель русского языка нередко актуализирует

положительную коннотацию. И. Б. Левонтина поясняет, что в советское время слово «импортный» постепенно приобрело для русского языкового сознания исключительно положительную коннотацию [Левонтина 2012: 551]. Заграничный товар воспринимался как высококачественный. Красочные этикетки и упаковки импортных товаров привлекали внимание и помогли создать заманчивый образ. Интересные данные приведены в интернет-блоге, автор которого анализирует советские кинофильмы. Сопоставляя представляющие в целом ряд фильмов квартиры отрицательных персонажей, автор отмечает обилие «фотографий из каталогов и западных журналов мод» [«Самые нелепые квартиры в советском кино...»], украшающих стены этих жилищ. Вырезки из заграничных журналов казались многим вполне достойным дополнением к интерьеру своего дома. Сегодня вряд ли можно встретить человека, который пожелал бы украсить стены своего жилища подобными картинками, но такое стремление неслучайно демонстрирует целый ряд персонажей советского кино.

Таким образом, для многих русских людей иностранное, особенно английское название долгое время автоматически связывалось с чем-то положительным. Англия еще с XVIII века пользуется популярностью у наших соотечественников и как «страна для богатых», где можно с пользой истратить деньги, и как страна, куда можно отправить учиться детей, поскольку благодаря знаменитым письмам лорд Честерфилда сыну, английским пансионам и вековым традициям Оксфорда и Кембриджа с этой страной стала связываться понятие хорошего воспитания и образования. В наши дни даже иностранное слово с негативной коннотацией («гламур», например) привлекает к себе повышенное внимание. Поэтому англицизмы очень часто попадают на вывески российских кафе, ресторанов, магазинов. В данном случае авторы названий справедливо полагают, что интересное иностранное слово не останется незамеченным и привлечет благосклонное внимание потенциальных клиентов. Английское слово высоко аттестует употребившего его человека, позволяет ему ощутить превосходство над теми, кто не знает иностранного языка. А владельцу магазина или ресторана позволяет показать, насколько его заведение лучше соседних. Так, на вывесках липецких магазинов и заведений общественного питания часто можно наблюдать полуанглийские-полурусские названия, которые объединяет одна черта — в каждом из них есть иноязычный элемент «бир». Эта форма медленно, но верно внедряется в сознание современного носителя русского языка. Написаны такие гибридные слова могут быть либо кириллицей, либо наполовину по-русски, наполовину по-английски. Приведем обнаруженные нами варианты названий кафе, баров и магазинов:

«*БирБург*». Видимо, это название переводится как «Пивной город». Слово «бург» означает «город» и входит в названия многих русских городов «Санкт-Петербург», «Екатеринбург» и т. д. Таким образом, название должно вызвать в сознании носителей русского языка образ большого, благополучного европейского города, где можно купить лучшие сорта пива.

«*Бирбургер*». Данный неологизм, построенный по образцу англицизмов «гамбургер», «чизбургер» и т. д., должен, казалось бы, иметь значение «булка с пивом», «булка, внутри которой пиво». Возможно, по мысли создателя названия, это слово

должно было понравиться любителям фастфуда. Однако вряд ли посетители заведения хотели бы приобрести булку с пивным наполнением.

«*Beerëza*». В названии обыгрывается русское слово «берёза», связанное с ключевым для русской культуры образом дерева, получившим отражение в русском фольклоре и в поэзии С. Есенина. Кроме того, в советское время именно «Березками» назывались валютные магазины. Видимо, авторы идеи хотели напомнить потенциальным клиентам о тех временах и подчеркнуть элитарность своего заведения, а может быть, и тронуть сердца посетителей ключевым для русской культуры и знакомым с детства образом березы. Однако в сознании носителей русского языка из-за подобных вывесок может закрепиться неправильный вариант написания, поскольку слово «береза» пишется через букву «е», тогда как элемент “beer” в русской транслитерации должен иметь иное написание («бир»).

«*Beer kult*». Название состоит из элемента “beer” («пиво») и “kult”. Вторая часть слова должна, по-видимому, соотноситься либо с культурой, либо с культом. Однако английский эквивалент слова «культура» пишется иначе: “culture”, то есть вторая часть неологизма представляет собой слово русского языка, записанное латинскими буквами. Название, очевидно, можно истолковать как «Культ пива». Однако подобное отношение к этому напитку представляется излишним.

«*Бир Ленд*». Название включает два английских слова, написанных русскими буквами: “beer” («пиво») и “land” («земля, страна»). В заведении с названием «Пивная страна», конечно, должен быть большой выбор разных сортов пива.

«*Beer legends*». Это название вновь состоит из двух элементов, каждый из которых представляет собой английское слово, написанное английскими же буквами. Оно должно означать «Легенды о пиве» или «Пивные легенды», а быть может, содержит намек на некое «легендарное пиво».

«*Бирложка*». Данное название содержит элементы языковой игры, поскольку соотносится одновременно с пивом («бир») и с русским словом «берлога». Думается, это придает кафе налет брутальности, поскольку в берлоге живут медведи. Оно позволяет посетителям кафе почувствовать себя сильными мужчинами, охотниками. Немаловажно, что медведь является символом России, то есть название апеллирует к архетипу отечественной культуры. Однако, к сожалению, автор неологизма нарушил правило русского языка, согласно которому слово «берлога» пишется через букву «е». Подобный вариант написания оказывает на носителей русского языка негативное влияние, заставляя их запомнить эту ошибку. Кроме того, написание через «и», соответствующее произношению английского слова “beer”, может привести к неверному толкованию «Пивная ложка».

«*Beer Market*». Это название строится по уже проиллюстрированному примерами принципу: оно включает два английских слова, переданных кириллицей: “beer” («пиво») и “market” («рынок»). Название, по-видимому, намекает, посетителям, что в кафе или баре большой, словно на рынке, выбор, и имеет положительную коннотацию, связанную с восприятием рыночной экономики как неременной составляющей современной жизни.

«*Бир мир*», то есть «Мир пива». В названии обыгрывается положительное восприятие русским человеком слова «мир», а кроме того, оно намекает на большое количество зарубежных марок пива, которое можно попробовать в данном кафе.

«*Beerсетка*». Данное название, очевидно, должно означать «Сеть пивных заведений», или «Пивосеть». Русский вариант «Пивная сеть» явно имеет негативную коннотацию, связанную с тем, что заведение, где употребляют алкогольные напитки, подобно сети, коварно затягивает людей. А на полурусском-полуанглийском название запоминается и кажется удачным, поскольку содержит элементы языковой игры. Оно ассоциируется уже не с сетью, а со словом «барсетка», обозначающим непрременную принадлежность всякого состоятельного мужчины. Тем самым слово-гибрид воздействует на подсознание клиентов и заставляет их ощутить: это престижное место для настоящих мужчин, у которых есть деньги. В то же время носители русского языка могут запомнить ошибочный вариант написания слова «барсетка», ведь когда английское ‘beer’ записывается русскими буквами, то обычно, в соответствии со звучанием пишется через «и» — «бир»).

«*Beer city*». Перед нами еще один «Пивной город». Английское слово “city” означает «большой город» и должно дать посетителям возможность почувствовать себя уважаемыми жителями крупного европейского города.

«*Бир-хаус*». Это название включает два элемента: “beer” («пиво» и “house” («дом»)) и, очевидно, означает «Дом пива» или «Пивной дом». Слово «хаус» призвано внести в название заведения нотку уважительности. Название призвано подчеркнуть, что в данном заведении можно приобрести иностранного, то есть высококачественного пива.

«*Бир Холл*». Название, как и другие, состоит из двух частей. По всей видимости, элемент «холл» должен соотноситься с элементом “hall”, который обнаруживается в названиях английских усадеб и придает названию бара уважительность. Посетители, по-видимому, должны ощущать себя не просто пришедшими в бар и желающими выпить пива, но посетителями древнего английского поместья.

«*Vochka Beer*». Название состоит из русского слова «бочка», переданного английскими буквами, и английского “beer”. На наш взгляд, передача русского существительного английскими буквами — сомнительный ход. Однако в данном случае автор идеи подчеркивает: заведение предназначено для продвинутых, знающих толк в английском языке и импортном пиве посетителей.

«*Mr Beer’s*». Здесь -’s- указывает на принадлежность кому-либо того или иного предмета. Название, по-видимому, должно означать, что данный бар или магазин принадлежит некоему мистериу Бире, или господину Пиво. Оно явно адресовано лишь тем, кто знаком с английским языком.

В целом, если проанализировать большинство вывесок, авторы которых использовали те или иные средства английского языка, очевидными становятся несколько способов привлечь взгляд покупателя:

1) Использование в названии нескольких заимствованных слов, которые нередко передаются русскими буквами: например, «Бирхантер» (от англ. ‘beer’ — «пиво» и ‘hunter’ — «охотник»). Однако название может быть записано и по-английски: «Beer Market», «Beer legends», «Beer city».

2) Использование английского и русского слова, переданных кириллицей: «Бир мир», «Бирложка».

3) Передача одного или нескольких слогов в записанном средствами русской графики слове английскими буквами; при этом обыгрывается как схожее звучание слов английского и русского языка, так и разница в их значениях: «Beerсетка», «Beerёза».

4) Использование русских слов, написанных латинскими буквами, причем обыгрывается то, что их элементы звучат похоже на иноязычные слова: «Labeerint» (слово представляет собой записанное латиницей слово русского языка, в которое вклинилось английское существительное 'beer' — «пиво»).

Названия магазинов и пивных, разумеется, должны запоминаться, быть короткими и емкими. Жаль только, что создатели названий чрезмерно увлеклись английским и либо пренебрегают возможностями русского языка, либо используют их так (например, в названиях «Бирсетка», «Бирложка»), что в русские люди постепенно привыкают к нарушениям языковых норм. Неоправданной представляется передача русских слов английскими буквами: «Bochka Beer», «Beerkult».

Разумеется, вышеупомянутые случаи языковой игры показывают, что создатели неологизмов стремятся апеллировать к архетипическим образам русской культуры, вызвать у носителей русского языка положительные ассоциации, однако подобное словотворчество может иметь и негативные последствия, ведь благодаря таким названиям в сознании русского человека закрепляются искаженные образы. Использование средств английского языка, к сожалению, способно привести к постепенному усвоению русскими людьми чужого и чуждого мировоззрения. А между тем, забвение собственной культуры может привести к интеллектуальной катастрофе.

Современные носители русского языка не должны слепо следовать за английскими образцами и связывать успешность исключительно с материальным благополучием или с проживанием в Европе. Пожалуй, с этой точки зрения английские названия кафе, отражающие определенные изменения в массовом восприятии успеха, далеко не безобидны. Однако нельзя не согласиться с Л. П. Крысиным, который утверждает: «...Запретами здесь ничего сделать нельзя. Нужна планомерная и кропотливая научно-просветительная работа, конечная цель которой — воспитание хорошего языкового вкуса» [Крысин].

Как писал К. И. Чуковский, «чтобы повысить качество своего языка, нужно повысить качество своего сердца, своего интеллекта» [Чуковский 1990: 651]. Важно, чтобы сегодня каждый из нас осознавал, что патриотизм предполагает любовь и уважение к родному языку. Возможно, нет необходимости жестко искоренять заимствованные слова, однако следует крайне осторожно подходить к выбору названий кафе и магазинов, поскольку они легко запоминаются, привлекают к себе повышенное внимание и не могут не оказывать ощутимого влияния на людей, которые наблюдают вывески с иноязычными названиями изо дня в день.

ЛИТЕРАТУРА

- Будур Н. Повседневная жизнь викингов. IX–XI века. М.: Молодая гвардия, 2007. 463 с.
Григорян А. Э. Американобесие уходит? [О вытеснении американских заимствований из русского языка] // Русская речь, 2005. № 1. С. 62–68.

Крысин Л. П. О русском языке наших дней // Международная научная конференция «Изменяющийся языковой мир». Пермь, 2002 Режим доступа: <http://philology.ru/linguistics2/krysin-02.htm> (дата обращения 16.09.2022).

Левонтина И. Б. Заимствования в современном русском языке и динамика русской языковой картины мира / А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев // Константы и переменные русской языковой картины мира. М.: Языки славянских культур, 2012. С. 550–564.

Самые нелепые квартиры в советском кино. Режим доступа: https://dzen.ru/media/zina_korzina/samye-nelapye-kvartiry-v-sovetskom-kino-6124ae1360dcb5585521c6fb?feed_exp=ordinary_feed&from=channel&rid=1975848029.97.1663352415367.42358&clid=1400&intigration=site_desktop&place=layout&secdata=CPKw17y3LyABMAJQD2oBAQ%3D%3D& (дата обращения: 16.09.2022).

Чуковский К. И. Живой как жизнь / К. И. Чуковский // Сочинения в двух томах. Т. 1. М.: Правда, 1990. С. 467–651.

УДК 81–139

*Ю. А. Южакова
М. В. Сомова*

«ГРАММАТИЧЕСКИЕ ВОЛЬНОСТИ» В ЛИРИКЕ С. А. ЕСЕНИНА

Аннотация. Статья рассматривает некоторые особенности идиостиля С. А. Есенина, которые ранее не подвергались подробному исследованию. Авторы статьи отнесли эти особенностями к «грамматическим вольностям». Это нарушение норм употребления предложно-падежных форм существительного, нарушение управления, нарушение связи между подлежащим и сказуемым, неточный способ выражения сказуемого, а также окказиональное словообразование. «Самый русский поэт» позволял себе иногда подобные стилистические и грамматические «вольности» как средство достижения творческой задачи.

Ключевые слова: идиостиль, лирика, грамматические особенности («грамматические вольности»), С. А. Есенин.

*Yu. A. Yuzhakova
M. V. Somova*

“GRAMMATICAL LIBERTIES” IN THE LYRICS OF S. A. YESENIN

Annotation. The article examines some features of S. A. Yesenin’s idiosyncrasy that have not previously been subjected to detailed research. The authors of the article attributed these features to “grammatical liberties”. This is a violation of the norms of the use of prepositional-case forms of the noun, a violation of management, a violation of the connection between the subject and the predicate, an inaccurate way of expressing

the predicate, as well as occasional word formation. “The most Russian poet” sometimes allowed himself similar stylistic and grammatical “liberties” as a means of achieving a creative task.

Key words: idiostyle, lyrics, grammatical features (“grammatical liberties”), S. A. Yesenin.

А. С. Пушкин в романе «Евгений Онегин» писал: «Как уст румяных без улыбки, Без грамматической ошибки Я русской речи не люблю. Быть может, на беду мою...». Он ценил русскую разговорную речь за простоту и непринуждённость, сам, однако, ошибок не допускал. «Самый русский поэт» С. А. Есенин, человек незаурядный, прекрасно образованный и в совершенстве владевший русским литературным языком, в стихах позволял себе стилистические и грамматические «вольности» как средство достижения творческой задачи. Псевдонародное словообразование, ошибки в употреблении слов, грамматических форм и синтаксических конструкций в некоторых случаях может расцениваться как подражание народной речи, передача особенностей говора жителей рязанской деревни, но в итоге становится средством художественной выразительности и отличительной чертой индивидуально-авторской манеры — идиостиля — поэта.

Мы проанализировали лирические произведения поэта, собранные в 1 томе его полного собрания сочинений и отметили ряд особенностей, которые позволили себе определить как «грамматические вольности».

1. Нарушение норм употребления предложно-падежных форм существительного: *По часовням висел в рязанях* [Есенин 1995: 133] — формой множественного числа собственного имени описана территория Рязанской области. Литературной формой может являться сочетание «В Рязани».

Нарушение управления, связанное с употреблением предлогов, отмечаем в следующих примерах:

*Но звон поцелуя
Деньгой не гремит,
И цепь Акатуя —
Тропа перед скит*

[Есенин 1995: 114] —

грамматически верной было бы употребление формы: «тропа перед скитом», «тропа, ведущая в скит».

*Тихо в чаще можжевеля по обрыву.
Осень, рыжая кобыла, чешет гриву*

[Есенин 1995: 23] —

с точки зрения грамматики, верным будет употребление словосочетания с предлогом «на»: «тихо в чаще на обрыве». С. А. Есенин использует предлог «по», чтобы подчеркнуть масштаб пространства, занятого «можжевелем», — в литературном языке «можжевельником».

*Он Медведицей с лазури —
Как из бочки черпаком.
В небо вспрыгнувшая буря
Села месяцу верхом*

[Есенин 1995: 53] —

предлог «с» употреблён вместо предлога «в», грамматически верного в данной конструкции. Конструкция «села месяцу верхом» вызывает много вопросов. Верным построением является сочетание: «Села на месяце верхом».

*Шаганэ ты моя, Шаганэ!
Потому что я с севера, что ли,
Я готов рассказать тебе поле,
Про волнистую рожь при луне.
Шаганэ ты моя, Шаганэ*

[Есенин 1995: 34] —

пропуск предлога «о» в сочетании «рассказать тебе поле» приводит к двусмысленному восприятию значения слова.

*Словно жаль кому-то и кого-то,
Словно кто-то к родине отвык,
И с того, поднявшись над болотом,
В душу плачут чибис и кулик*

[Есенин 1995: 232] —

отмечаем грамматическую ошибку «к родине отвык» (правильная форма «отвык от родины»), а также нарушение границ устойчивого сочетания «проникают в душу» («в душу плачут»).

*Смешная жизнь, смешной разлад.
Так было и так будет после.
Как кладбище, усеян сад
В берез изглоданные кости*

[Есенин 1995: 115] —

грамматическая ошибка «усеян сад в берез кости» создаёт яркую метафору. Верным является употребление «сад в ветках берез» или «в березовых ветках».

Нарушение норм управления отмечаем в следующих стихах:

*Ну как тут в сердце гимн не высечь,
Не впасть как в дрожь?*

[Есенин 1995: 324] —

словосочетание, построенное на управлении, «впасть в дрожь» является необычным художественным приемом, означающим долгое пребывание в каком-либо со-

стоянии. Грамматически верным было бы словосочетание «почувствовать дрожь», «ощутить дрожь».

*А жизнь кипит.
Вокруг меня снуют
И старые и молодые лица.
Но некому мне шляпой поклониться,
Ни в чьих глазах не нахожу приют*

[Есенин 1995: 233–234] —

метонимический перенос «шляпой» замещает существительное «головой». Возможно, С. А. Есенин имел в виду «головой, на которой есть шляпа». Кланяться, снимая шляпу, значит выражать уважение и почтение. Однако автор говорит о том, что некому выразить свои чувства, уточняя, «ни в чьих глазах не нахожу приют». Грамматически правильным в этом смысле было бы сочетание «поклониться, сняв шляпу».

2. Нарушение связи между подлежащим и сказуемым:

*О, я верю — знать, за муки
Над пропащим мужиком
Кто-то ласковые руки
Проливает молоком*

[Есенин 1995: 73] —

грамматически верным является сочетание «руки поливают» или «ласковыми руками проливают», у С. А. Есенина ошибка служит основой для метафоры: опущенные руки как струи молока.

3. Неточный способ выражения сказуемого в отдельных конструкциях:

*Никуда не пойду с людьми,
Лучше вместе издохнуть с вами,
Чем с любимой поднять земли
В сумасшедшего ближнего камень*

[Есенин 1995: 131] —

с лексико-синтаксической стороны было бы правильным употребление словосочетания «бросить в ближнего камень», так как глагол «поднять» не является синонимом к слову «бросить». Следовательно, можем отметить недосказанность как художественный приём.

*Вот и опять у лежанки я греюсь,
Сбросил ботинки, пиджак свой раздел.
Снова я ожил и снова надеюсь
Так же, как в детстве, на лучший удел*

[Есенин 1995: 61] —

литературной нормой является глагол «снял» (снял свой пиджак), но не «раздел». Этот глагол употреблён в разговорном сочетании, что, кроме стилистической функции, выполняет и рифмообразующую.

4. Окказиональное словообразование

*Серым веретьем стоят шалаши,
Глухо баюкают **хлюп** камыши*

[Есенин 1995: 64] —

окказионализм «хлюп» созвучен глаголу «хлюпать» — «шлепать, бродить, грязнить», или «чвакать» — издавать характерный звук при накатывании волны на берег.

*Тянусь к теплу, вдыхаю мягкость хлеба
И с **хрустом** мысленно кусаю огурцы...*

[Есенин 1995: 33] —

авторский неологизм имеет литературный синоним «хруст».

*...Ей все **бластился** в колючем дыме выстрел,
Колыхалась в глазах лесная топь.
Из кустов косматый ветер **взбыстрил**
И рассыпал **звонистую** дробь...*

[Есенин 1995: 213] —

глагол «бластился» (чудился, казался, мерещился), неологизм «взбыстрил» (усилился) описывают тревожные сигналы природы, предупреждающие лису, как человека, об опасности, которая совсем близко. Окказионализм *звонистую* (дробь) создаётся с помощью приёма словообразовательной игры в области одной морфемы путём замены суффикса -к- на суффикс -ист-: обладающий звоном в большом количестве.

Таким образом, грамматические ошибки, или, лучше сказать, «грамматические вольности», которые нередко являются средствами художественной выразительности, употребление окказионализмов в поэтической речи служит способом передачи колорита народной, деревенской жизни, а также способом выражения чувств и настроений самого Есенина.

ЛИТЕРАТУРА

Брагина Н. Г. Роль сочетаемости в словарном описании лингвистических характеристик слова // Учебники и словари в системе средств обучения русскому языку: Сб. статей / Под ред. В. В. Морковкина и Л. Б. Трушиной. М.: Русский язык, 1986. С. 170–175.

Есенин С. А. Полное собрание сочинений: В 7 т. / гл. ред. Ю. Л. Прокушев; Рос. акад. наук. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. Т. 1. М.: Наука: Голос, 1995.

Котелова Н. З. Указание на синтаксические связи слов в толковом словаре как средство разграничения смысловых различий // Лексикографический сборник. М., 1957. Вып. 1. С. 31–36.

РУССКИЕ ДИАЛЕКТЫ И ОНОМАСИКА В АСПЕКТЕ ЛИНГВОЭКОЛОГИИ

УДК 811.161.1

И. П. Черноусова

ДИАЛЕКТЫ КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ И ЛИНГВОЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ

Аннотация. Статья посвящена изучению русских диалектов как лингвокультурологического и лингвоэтнографического явления. Исследование выполнено в рамках современных лингвистических направлений — лингвокультурологии и этнолингвистики. В контексте сохранения культурной самобытности русского народа наибольшую ценность представляют этнографические диалектизмы, или этнографизмы, содержащие информацию о хозяйственной и семейной жизни, обрядах, обычаях и верованиях русского народа. Этнографизмы в разных говорах имеют отличительные семантические особенности. Изучение диалектной лексики способствует решению проблемы реконструкции славянской материальной и духовной культуры в целом, воссозданию картины жизни русского народа и постижению русской ментальности.

Ключевые слова: диалекты, этнографизмы, этнографические диалектизмы, лингвокультурологический и лингвоэтнографический феномен, славянская материальная и духовная культура.

I. P. Chernousova

DIALECTS AS A LINGUOCULTUROLOGICAL AND LINGUOETHNOGRAPHIC PHENOMENON

Annotation. The article is devoted to the study of dialects as a linguocultural and linguoethnographic phenomenon. The study was carried out within the framework of such modern linguistic areas as linguoculturology and ethnolinguistics. In the context of preserving the cultural identity of the Russian people, ethnographic dialectisms, or ethnographisms containing information about economic and family life, rituals, customs, and beliefs of the Russian people, are of the greatest value. Ethnographisms have distinctive semantic features in different dialects. The study of dialect vocabulary contributes to solving the problem of reconstructing the Slavic material and spiritual culture, as well as to recreating the picture of the Russian people's life and comprehending the Russian mentality.

Key words: dialects, ethnographisms, ethnographic dialectisms, linguocultural and linguoethnographic phenomenon, Slavic material and spiritual culture.

«Диалекты — это разновидность языка, употребляемая в качестве орудия общения местных жителей на определенной территории и характеризующаяся единством языковой системы по определенному комплексу признаков» [Щеулина 2004: 11]. Большую ценность для познания истории народной культуры, этнографии, менталитета русского народа представляет изучение диалектной лексики. Прав был академик Н. И. Толстой, считавший славянские народные культурные диалекты «единственным источником для внутренней реконструкции древнейшего состояния славянской духовной культуры» и высказавший мнение о том, что «само понятие и явление «диалект» не следует воспринимать как чисто лингвистическое, основанное исключительно на языковой характеристике. Это явление и понятие даже не этнолингвистическое, а лингвокультурологическое, лингвоэтнографическое, и именно как таковое оно существовало и в народной практике, и в научных представлениях таких ученых, как А. А. Шахматов, Д. К. Зеленин или К. Мошинский и Х. Вакарелский» [Толстой 2013: 37, 38].

Исследование диалектов как лингвокультурологического и лингвоэтнографического феномена, выполненное в рамках современных лингвистических направлений — лингвокультурологии и этнолингвистики, отличается актуальностью, которая обусловлена необходимостью сохранения исторического и культурного наследия всех народов и этнических общностей России, что нашло отражение в подписанном 20 октября 2022 г. Президентом РФ В. В. Путиным Федеральном законе № 402-ФЗ «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации» [Федеральный закон...].

Для изучения в этом аспекте наиболее богатый материал представляют диалектизмы, в которых нашла отражение семейная, хозяйственная и духовная жизнь человека. Диалектные слова, обозначающие бытовые предметы и одежду, сельскохозяйственные орудия труда, крестьянские жилые и хозяйственные постройки, а также обряды, обычаи русского народа, называются этнографизмами, или этнографическими диалектизмами, в которых наиболее полно сохранилась культурная самобытность русского народа.

Славяне искони были земледельческим народом: земледелие являлось их главным занятием, основной производительной деятельностью. Поэтому в традиционном слое диалектной лексики отмечается обилие терминов, относящихся к этой отрасли производства, например, орудий обработки земли: *радло* → *орало* (общее название орудия для оранья; *нврс.* соха, в отличие от плуга [Даль 1956 (т. II): 689]), того же корня общеславянские *оратай* — пахарь, хлебопашец, землепашец, земледел [Там же], *орать (землю)* — пахать или взрывать для посева, сабаном, плугом, косулей, сохой, оралом, ралом [Там же]. Наряду с *радло* → *рало* было известно слово *плуг* — «самое тяжелое пахотное орудие, сабан, употр. на юге и юго-востоке для оранья под пшеницу, волами» [Даль 1956 (т. III): 130]. В древнерусском языке слово *плуг* отмечено, начиная с Русской Правды. Г. Л. Щеулина предположила, что «оно было характерно главным образом для древненовгородского диалекта, хотя само по себе это слово, не имеющее лексических связей, на славянской почве трудно объяснить» [Щеулина 2006: 22].

Первоначальное значение слова *соха* в славянских языках было: «подпорка, развилок, подпирающий ограду» и по своему происхождению связано со словом

сук [Фасмер 1987: 729]. В севернорусских говорах слово *соха* известно в значении «вилобразный кол», «подпорка», «шест», в тульских — «столб», «подставка, подпора», в орловских и смоленских говорах — «рассоха», «бревно или жердь с развилкой» [Даль 1956 (т. IV): 283]. Как название орудия пахоты *соха* появляется в памятниках не раньше XIV–XV вв. «Видимо, к этому времени однозубое примитивное *рало* стало повсеместно вытесняться двузубою сохой как орудием более эффективного и более быстрого взрыхления земли под посев» [Щеулина 2006: 22].

Широко известное не только севернорусскому, но и южнорусскому наречию слово *изба* в русских говорах, особенно на севере, имеет обычно значение «крестьянский жилой дом». В древнерусском языке это слово было известно не только в форме *изба*, но и *истопка*, *истпка*, *истба* — крестьянский дом, хата, жилой деревянный дом, жилая горница, комната, чистая (не стряпная) половина, людская или кухня, жильё для прислуги в барском дворе [Даль 1956 (т. II): 10]. Примеры, которые встречаются в памятниках письменности X–XI вв., свидетельствуют о том, что избой (истьбой, истобкой) называли отапливаемое помещение (с печью). Известно оно было и в значении «баня», отмеченное, например, в «Повести временных лет». При наличии общеславянского *изба* их варианты *истобка* (*истопка*) Г. Л. Щеулина рассматривает как явление народной этимологии (сближение с «топить», «отапливать», «теплый») [Щеулина 2006: 23]. Этот вариант встречается в ойконимах (географических названиях) Липецкой области: деревня *Истобенки*, образованное от диалектного слова *истобка* — «избушка, место под кровлей избы, холодная изба», и село *Истобное* Чаплыгинского р-на, основанное в 1638 г. на Истобной поляне [Щеулина 2003: 104–105].

Общеславянским словом для выражения понятия «комната» является *клеть*. Именно с этим значением оно отмечено в памятниках письменности (в «Русской Правде»). Однако в древнерусском языке оно имело и другое значение — «кладовая». В современных севернорусских говорах слово *клеть* употребляется в значении «холодная половина избы, через сени», «отдельная избушка для поклажи, без печи, чулан, амбар, кладовая», в южнорусских — в значении «кладовая, отдельное от дома небольшое помещение, в котором спят летом, там же устраивают новобрачных» [Даль 1956 (т. II): 121].

К этнографизмам относятся также местные названия одежды, обуви. Например, отсутствующие в литературном языке, но распространенные в диалектах слова *понёва* и *запон*. В южнорусских говорах *понёва* (*понява*) — «плат, полотнище, покрывало, запон, занавес» [Даль 1956 (т. III): 289], по своему корню и значению связана с *опона* — «кусоч материи» [Фасмер 1987: 326]. Из этого первоначального значения развились значения «завеса», «саван». В севернорусских (*вгд.*) говорах слово *понява* известно в значении «фата», как часть свадебного убора невесты; *нвг., ол., вгд., арх.* охабень, широкая, долгая одежда, не по росту, либо чужая, которая обвисла и волочится [Даль 1956 (т. III): 289]. В говорах же южнорусского наречия слово *понёва* получило значение «род юбки»: *кур., ряз., тмб., тул.* говорах — короткая юбка из трех разнополосых полотнищ; в *ряз., вор., тмб.* — в поневе, сшитой юбке, вставляется спереди полосатое или клетчатое полотнище иного цвета [Там же].

Запон в значении «передник, фартук» отмечается во многих говорах (*Костром., Брян., Дон., Куйбыш., Пенз., Нижегород., Ярослав.*) с различными смысловыми ню-

ансами: «фартук такой, ниже пояса, с нагрудником», «его на праздник одевали, каждый день не носили, запон шился без спинки, со всякими украшениями внизу». // Фартук рабочего. *Вят.* // Кожаный фартук рыболова. *Сарат.* // Фартук с рукавами. *Пенз., Ворон.* // «Фартук с блузкой, который образуется из перегнутого пополам пол-аршина материи с вырезом для ворота, фартук делается из двух полотнищ с рукавами». *Ряз.* // «Наряду с характерными туникообразными запонами с рукавами (или запонами на кокетке) распространился запон, подвязываемый на талии или, вернее, под животом так же, как и понева». *Ряз.* // Детский фартук. *Зап. Брян.* В пензенских говорах слово *запон* имеет другое значение: Кофта для пожилой женщины. [СРНГ 1974 (вып. 10): 342–343].

Разновидностями модной обуви являлись *черевички* — юж. *зап.* башмаки женские, *сев.* праздничные башмаки, остроносые, на каблучках, *ярс.* *черевичцы* [Даль 1956 (IV), с. 590] и *чакчуры, чапчуры* — *вост.* женские высокие башмаки, пониже котов, почти как бахилки, но обычно без оторочки [Там же: 582], домашней и обычной обуви — *чуни нвг., твр., ряз., смб., каз.* — пеньковые лапти, шептуны, босовики, носимые дома; зимние, теплые лапти, из пачеси // *твр., влд.* валенки, катанки // суконные портянки [Там же: 615].

Важное значение для понимания диалектов как лингвокультурологического и лингвоэтнографического феномена имеют названия календарных обрядов и предметов, относящихся к этим обрядам.

Так, например, значительное место в жизни русского народа занимало колядование — новогодний славянский обряд, совершаемый во время Святков (с 24 декабря по 6 января по старому стилю) и, по мнению его исполнителей, оказывающий воздействие на протяжении всего нового года. Слово *коляда* (*коледа*) в «Словаре русских народных говоров» имеет 16 значений в зависимости от территории, на которой оно употреблялось, большинство из этих значений имеют отношение к периоду Святков: В народном календаре — святки, Рождество, и все дни до Крещения (*Южн., Зап.*); Канун Рождества и Крещения; сочельник (*Обоян., Курск., Моск., Смол., Пск., Ворон.*); Старинный рождественский и новогодний обряд, сопровождающийся обходом соседей с песнями (на что хозяйева одаривают колядующих деньгами и угощением) (*Царск., Петерб., Перм., Сиб., Ворон.*); Обрядовая песня, которая пелась в канун Рождества, Крещения, Нового года (*Вят., Влад., Олон., Балаш., Сарат., Курск., Пенз., Орл., Осташ., Твер.*); Угощение и деньги, получаемые за пение величальных песен и поздравление хозяев в канун Рождества, Нового года, Крещения (*Смол., Калуж., Новг., Курск., Болхов., Орл.*); Последний день поста перед Рождеством, когда обед и ужин подают одновременно, с восходом первой звезды, и обязательно готовят кутью или кашу из пшеницы (*Смол.*); О старинной обрядовой игре с переодеваниями, сопровождающимися песнями (*Аннен., Ворон.*) и др., но в некоторых севернорусских говорах (*Ладож., Петерб.*) отмечается слово *коледа* с совершенно другим значением: Церковный праздник — Лазарева суббота (канун Вербного воскресенья) [СРНГ 1978 (вып. 14): 221–222].

Широкая распространенность этого обряда свидетельствует о том, что колядование на Руси — один из главных обрядов славянского праздника — Коляды, но в разных населенных пунктах он имеет свои особенности. Следует отметить,

что этот обряд в несколько измененных вариантах сохранился и по сей день: часто во время Святков приходят в наши дома незваные гости (колядовщики), которых необходимо угощать и одаривать, чтобы год был благополучным и успешным.

В селе Никольское Усманского района Липецкой области до конца 50-х годов XX века на Троицу плели киту из 4, 8 или 12 веток хвороста косичкой, на концах завязывали ленточки, с китой кумились на Троицу (девушки становились «кумушками», верными подругами) и гуляли три дня, затем выбрасывали, вероятно, в водоем, с какой целью это делали, диалектоносители не помнят, но можно предположить, что так гадали о женихе и замужней жизни (Запись от 19.06. 2017 г. Информанты: Колягина Агриппина Семеновна (1923–2018 г.г.) и Мешкова Нина Васильевна (1938 г.р.) [ОНКН]).

Если сравнить значение слова *кита* в других говорах, то можно отметить, что *кита* — стебель, трава повойного и долгоствольного растения [Даль 1956 (т. II): 111]; стебли вьющихся растений (обычно гороха) *Новг., Яросл., Костром., Челяб., Волог., Влад., Ряз., Тул., Пенз.* [СРНГ 1977 (вып. 13): 239–240], в большинстве случаев — предмет, который имеет утилитарное значение, практическое применение в быту: «свитый кольцом сеной вьюк, который конница приторачивает к седлу // вица или витушка, плетеница цветочная, травяная, соломенная для вязки одоньев и кровель; *влд.* Травяная веревка, которою утягивают сенные ометы» [Даль 1956 (т. II): 111], «веревка, жгут из травы, соломы, употребляемый для обвязывания снопов, скирд, обивки дверей» (*Великолукск., Пск., Влад., Ворон., Арх.*) [СРНГ 1977 (вып. 13): 239–240], а в селе Никольское Усманского района Липецкой области *кита* предназначалась для обряда кумления на Троицу и гуляния. В этом случае мы наблюдаем диалектное различие плана содержания, или семантическое диалектное различие. Это пример этнографического диалектизма, который обозначает особенности деталей одного из семицких обрядов, совершаемых на седьмой неделе после Пасхи и в последний день недели — праздник Троицы.

Среди приведенных этнографических диалектизмов можно отметить разные системные отношения: в одних случаях — это полисемия, в других — омонимия.

Таким образом, изучение диалектов как лингвокультурологического и лингвоэтнографического феномена с учетом всего семантического многообразия диалектных слов представляет большой научный интерес, поскольку способствует решению проблемы реконструкции славянской материальной и духовной культуры (верований, обрядов, обычаев, символов, мифологических и фольклорных образов и мотивов и т. п.), воссозданию картины жизни русского народа и постижению русской ментальности.

ЛИТЕРАТУРА

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х томах. М.: ГИС, 1956. Т. II — 779 с., т. III — 555 с., т. IV — 683 с.

ОНКН — «Нематериальное культурное наследие Липецкой области». Электронный реестр ОНКН. Режим доступа: <https://onkn48.ru/records/ispolnitelnoe-iskusstvo/>

СРНГ — Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф. П. Филин. Л.: Наука, 1974 — Вып. 10–388 с.; 1977 — Вып. 13–359 с.; 1978 — Вып. 14–376 с.

Толстой Н. И. Проблемы реконструкции древнеславянской духовной культуры // Толстые Н. И. и С. М. Славянская этнолингвистика: вопросы теории. М.: Институт славяноведения РАН, 2013. С. 32–50.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в четырех томах / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева / под ред. и с предисл. Б. А. Ларина. 2-е изд., стер. М.: «Прогресс», 1986–1987. Т. III — 832 с.

Федеральный закон № 402-ФЗ «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации». Режим доступа: publication.pravo.gov.ru → Document/View...

Щеулина Г. Л. Диалектная речь и формы ее репрезентации. Липецк: ЛГПУ, 2004. 187 с.

Щеулина Г. Л. О диалектной речи и топонимике в коммуникативно-прагматическом и историко-этимологическом аспектах изучения. Липецк: ЛГПУ, 2006. 313 с.

Щеулина Г. Л. Словарь ойконимов липецкого края. Липецк: ЛГПУ, 2003. 282 с.

УДК 81

*С. В. Пискунова
Н. А. Кирьянова
О. В. Митрофанова*

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПОЛЕ ДИАЛЕКТНОГО СЛОВА В СОВРЕМЕННОЙ ЯЗЫКОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Аннотация. В статье рассматривается лингвоэкологическая проблема определения семантики, формы и функции диалектного слова в современной системе языковой коммуникации. Используется сопоставительный анализ материала экспедиций в села Тамбовской области, диалектных словарей, картотеки и авторских работ членов лаборатории ТГУ им. Г. Р. Державина «Современные русские говоры в системе языковой культуры».

Ключевые слова: коммуникация, информация, семантика, говор, диалектизм.

*S. V. Piskunova
N. A. Kiryanova
O. V. Mitrofanova*

THE INFORMATION FIELD OF THE DIALECT WORD IN MODERN LANGUAGE COMMUNICATION

Annotation. The article deals with the linguoecological problem of determining the semantics, form and function of a dialect word in the modern system of language communication. The comparative analysis of the material of expeditions to the villages of the Tambov region, dialect dictionaries, card files and author's works of the members of the laboratory of TSU named after G. R. Derzhavin "Modern Russian dialects in the system of linguistic culture" is used.

Key words: communication, information, semantics, dialect, dialecticism.

Понятие информации в языковом коммуникативном пространстве представляет сложное многоаспектное явление, которое зависит от речевой ситуации, исторического развития языка, языкового творчества личности и не может быть определено только как содержание текста или составляющих его компонентов.

Особое значение в формировании информации принадлежит слову. Именно лексическая подсистема способна создать все многообразие типов и видов текстовой информации: исходная, приращенная, диагностическая, субъективно-ошибочная; потенциальная, первичная, вторичная, приобретенная; событийная, философская, психологическая; эстетическая; лингвистическая, культурологическая, историческая, литературная и т. д. [Васильев 1998].

Справедливы утверждения В. В. Виноградова, который отмечал, что текст приобретает множество содержаний в процессе исторического бытования [Виноградов 1971: 7], С. А. Васильева о том, что текст получает свое бытие в качестве социального общения от человека и только для человека [Васильев 1998].

По отношению к литературному языку судьба диалектного слова иная. Историческое время, характерное для лексики, один из способов сохранения в социуме не только семантики, а с нею формы, но и функции. Этому способствует фиксация в специализированных словарях и художественных текстах, хотя именно в произведениях диалектизмы воспринимались как региональная экзотика. Об этом напоминает их написание в кавычках, что привлекало дополнительное внимание, оправдывало употребление, обусловленное именно наличием исторической информации о быте, социальных условиях, событиях, придавало особую стилистическую окрашенность и своеобразие тексту, отражало творческую картину А. С. Пушкина, И. С. Тургенева, А. П. Чехова, М. А. Шолохова, В. М. Шукшина, С. Н. Сергеева-Ценского, В. П. Астафьева, В. Г. Распутина и др.

Примером такого соотношения диалектного слова и литературного текста могут послужить следующие фрагменты из произведений Ю. П. Наумова: *«Сегодня Мурка легла на розовый хрустальный камень. Хрустальными камнями на тамбовской земле называют валуны — они, вместе с галькой, гравием, песком и глиной, представляют собой обломки гор, по которым прошелся древний ледник. Эти валуны крестьяне находили в крупных оврагах и балках, привозили к своему дому и клали у порога»* [Наумов 2016: 14]; *«Дед Артём по приходу в новый дом положил у крыльца хрустальный камень, как называют на Тамбовщине валуны, которые вместе с глиной миллионы лет назад оставил здесь после себя ледник»* [Наумов 2014: 84]. Автор рассказов Наумов Юрий Петрович 41 год жил в селе Моршань Инжавинского района Тамбовской области, где было в речевом ходу названное словосочетание, которое особенно по отношению к говорам может быть определено как фразеологизированное слово. Оно было употреблено в произведениях Ю. П. Наумова примерно в 1970-х. Кроме того, диалектное слово способно приобретать терминологический характер и быть равно по семантике тексту.

Исследователи говоров всегда обращали внимание на творческое наследие писателей, в произведениях которых нашла свое отражение диалектная лексика тамбовского края. Так, диалектизм *прибасник* (частушечник) употребляется в повести А. М. Акулинина «Плач конопатого мальчика» («Горька идет за отцом»: *«Как зовут-то тебя, прибасник?»*) [Акулинин 1984: 164]. Здесь использовано

постпозитивное **-то**, характерное для южнорусских говоров. Активно использует эту характерную для тамбовских говоров черту и В. И. Герасин: «*Мамка-то твоя опять поздно вернется. Ныне уехали всем звеном ямы засыпать. Мороз-то вон как давит. Не ровен час, прихватит, тогда беды не оберешься — чем землю-то обсемять?.. Прямо наказание, эти холода, что те из пропасти открылся мороз-то*» [Герасин 1986: 51]. Ср.: [А щас чЕй-та галава ничавО ни сабражАить, ни магУ фспОмнить ни аднУ прибАску.] (с. Вышенка, Пичаевский район, Моженова К. Т., 1926 г. р., запись 1994 г.).

А. М. Акулинин в своем творчестве затрагивает тему постепенного угасания диалектов, когда слова, активно использовавшиеся в речи старшего поколения сельских жителей, становятся чуждыми для молодого населения деревни: «*Именно у пруда и именно за излишнюю стыдливость обозвал однажды дядька Митрий Леонида непонятым словом — хрюда*» [Акулинин 2006, I: 238]. Мы можем вычлениить семантику диалектизма, только опираясь на текст. Как видно из примера, **хрюда** — очень стеснительный, стыдливый человек. Обратим внимание, что Е. А. Нивина в своем исследовании не зафиксировала в тамбовских говорах специфического диалектного слова, характеризующего именно такое поведение человека. Диалектоносители при описании этого качества пользуются словами литературного языка: **скромный, застенчивый, стеснительный, стыдливый** [Нивина 2006: 20]. Благодаря контекстуальным стилистическим условиям диалектизм **хрюда** воспринимается как негативная оценка, хотя точный смысл его остается неизвестным. Кроме того, опираясь на язык тамбовского писателя А. М. Акулинина, мы можем смело сказать, на территории нашего региона зафиксировано слово **михрютка** в значении «неловкий, неповоротливый, неуклюжий человек»: «— *Во, гляди, эти михрютки пегарька взять не могут*» [Акулинин 1989: 232]. **Михрютка** — домосед, нелюдим; неловкий, неуклюжий человек [Даль 1955, II: 330]: В говорах Тамбовской области **михрюткой** называли необщительно-го, нелюдимого человека. Ср.: [Мой-та михрютка уш ляжЫт в сырОй зимлиЦы, он вить при жЫзни ни с кем ни знАлся, привЫкла я уш с ним адна и адна, тАхта, спакОйна] (с. Рогозна, Мордовский район, Степанова Е. К., 1931 г. р., запись 2003 г.) [Словарь Тамбовских говоров 2006: 100–101]. В Гавриловском районе этот диалектизм отмечен с семантикой «полный человек» [Нивина 1989: 17].

Семантический объем диалектного слова может носить устойчивый характер при активном употреблении в речи жителей села. В связи с этим интересна судьба слова **ведун**, сохранившем мифологическое содержание при упрощенном его комментировании диалектоносителем: **ведун** знахарь. Сохранилось представление о том, что знахарь обладает силой и знаниями, которые могут помочь человеку не умереть. Основным средством при лечении является заговор, основанный на обращении к Богу, святым, силам природы. Знахарь наговаривает над больным, его вещами, продуктами, используя при этом часто лекарственные травы, а также освященные предметы (святая вода, свечи). [Ты и явО к видунУ свадИ, он памОжить, мОжить, какОй заговор здЕлыить] (с. Кулеватово, Сосновский район, Горбачева Н. Ф., 1924 г. р., запись 2004 г.) [Пискунова 2009: 14]. Совет жительницы села подтверждает сохранение знаний об исторической памяти народа, заключенном в этом слове.

Коммуникативное поле данной лексемы носит положительное значение, т. к. речь идет о способе лечебного вспоможения, что подтверждается рассказом.

В тексте-рецепте народной медицины сохранилось другое представление о семантике этого слова, что связано с понятием злого умысла и негативного влияния на человека, приводит к наведению на него порчи, болезни. *ЗнахАрка*, к которой обращается больной, в таком случае советует или сама осуществляет заговорно-заклинательное действие откращения от *врагОф*, *калдунОф*, *калду-ниИц*, *вОлка скрипУчива*, *змЕя литУчива*, *от чужОва глАза*: [*Ни мОжит видУн прОста так ф дом зайтИ, йямУ нАда, штоп в дом йявО пригламИли... я нож нат парОгам втыкАю.*] (с. Подлесное, Сосновский район, Загороднева П. Г., 1919 г. р., запись 2010 г.) [Пискунова 2009: 131].

Произошло наложение информации общероссийской истории, культуры, славянского мировоззрения, что позволило расширить коммуникативное поле диалектного слова *вихор*. От традиционного наименования сильного ветра, в результате которого поднимается на дороге *пыль сталбОм*, произошла связь с демонической силой, способной наказать пьяницу: [*Ну, он напЬОтца пЬЯный-то, а анА и гаварИт: Ой, вихрОм тибя лупи-то, Аль пабирИ*] (с. Голынщина, Кирсановский район, Познякова М. С., 1913 г. р., запись 2001 г.). Семантический объем данной лексемы достаточно широкий. Об этом свидетельствует словарная статья у В. И. Даля: сильный ветер и «чортова свадьба». Производные с корневой частью слова позволяют образовывать *вихорный*, *вихревой* (ветер, веселый человек, разбитной), *вихорничать* (непостоянный, легкомысленный человек по его поведению) и *вихорь-вихоревич* (сказочный богатырь) [Даль 1955, I: 209].

Подобные ассоциации восстанавливаются и в сознании современных студентов, о чем свидетельствует проведенный эксперимент [Русский ассоциативный словарь 2002, I: 94].

Наименование предметов быта, приготовления еды, одежды, ремесел носят более устойчивый характер, менее подвержены изменениям, если они не связаны с обрядовыми действиями, что расширяет их символический смысл как компонентов исторической информации. К числу такой лексики следует отнести диалектизмы тематических групп «Одежда», «Питание», «Предметы быта», «Строительство», «Ткачество» и т. д. Кроме того, возможно приращение эмоционального признака, например, в словах происходит поэтизация семантики: *пургАн*, *сыпУха* (метель); *бУчила* (болото); *пылЮшки* (гуси); *кидУльки* (мелкие груши).

Новое текстообразование с ключевым диалектным словом в современных условиях отличается для коммуникантов речевыми ситуациями. Сельские жители старшего поколения воспринимают исходную семантику, т. к. они знакомы с их значением, правилами использования. Для горожан, если они не связаны с деревней, эти же слова могут затормозить или исказить порождение адекватной информации, создать конфликт. При этом достаточно активно возможно развитие дополнительной семантики. Например, в тамбовских говорах можно встретить слово *вертУнья*. Так называют *сваху*, обычно проворную и опытную, которая способна устроить сватовство в особенно сложных ситуациях: [*СвАха — Эта кагда навязывали. НапримЕр, кагда стАрая нивЕста, засИживаица... Если свАха жЕнскава рОда, иё вяртУньяй назывАют, ну ту, котОрая навязыват жинихА*

Или *нявЕсту*]. И далее информант отмечает: [*Ей в Этай симьЕ, Если всё **вЫгарит**, пЕрвая мЕста. ПатОм всю жИЗню к ним ходит, и иё угащАют*] (с. Алгасово, Моршанский район, Шацкая Л. Т., 1927 г. р., запись 1994 г.) [Пискунова 2009: 14]. Дана не только характеристика «деловых» качеств свахи, но и социальная оценка как дополнительная семантика лексем в семейном обрядовом цикле сватовства, обустройства крестьянского традиционного быта. В рассказ вошли слова из различных тематических групп (*невеста, семья, жизнь, сваха*), оценка поведения как психология человека (*навязывали, выгорит, ходит, угощают*), а также эмоциональный и психологический семантический признак в слове *вертунья* (быстро действовать, изворачиваться, навязывать и навязываться, приспособливаться, использовать выгоду из ситуации и т. д.). Такая традиция сватовства не вызывала осуждения, была обусловлена часто особенностями исторически сложившегося крестьянского труда, семейного уклада, порой и территориальными ограничениями и т. п. Не случайно в тамбовских говорах сохранились и другие наименования свахи, сватовства и вступления в свадебный обряд: *сватать в навал* (со стороны невесты), *сватать за рукавицу* (обряд в отсутствие жениха, которого символизирует его рукавица), *сватать по воже* (сватать по тому, какие у невесты родственники), *сесть на завлон* (на *конник*, под *матицу*) (акциональные знаки сватовства) [Социальная картина мира в диалектном тексте... 2013: 225–227].

Соблюдение традиций было основным правилом сватовства: нарядная одежда свахи, сватовство с приходом от жениха, усаживание на *конник* спиной к печке и под иконы, участие в диалоге. Почетным местом для свахи и ее сопровождающих была позиция в доме под *матицей*. Учитывалось также социальное положение невесты, знания о родственниках. Все это нашло отражение в словосочетаниях. Например: *фсЮ раднЮ праСеютъ* (с. Нижняя Нечаевка, Гавриловский район, Жутова П. А., 1902 г. р., запись 1988 г.).

Внутри одного тематического поля также возможно семантическое приращение информации. Так в с. Перкино Сосновского района Тамбовской области в 1892 г. было зафиксировано слово *ветчина* в наименовании блюда из картофеля и свеклы, запеченных слоями, которое готовилось в годы Великой Отечественной войны и по внешнему виду напоминало мясное изделие. Произошло перемещение лексемы в другую часть информационного поля: мясо овощи война голодование терпение и т. д. Основанием для такого изменения смысла послужило не только внешнее сходство, эмоциональное состояние человека, но и особенности лексических связей диалектизмов.

Аналогично расширение функции слова *кашник* от прямого наименования изделия из пшеницы и молока (каша, оладьи) до ритуального компонента родильно-крестильного и погребально-поминального обрядов.

В говорах Тамбовской области достаточно активно употребляется слово *русалка*, в котором сохранилось древнее представление о сказочных жительницах воды, леса, полей, веселых и шаловливых, злых и способных погубить человека, а также как наименование некрещеных детей [Даль 1955: IV: 114]. Было отмечено, что так называют ряженных, которые участвуют в обрядовых действиях, в т. ч. на второй день свадьбы. Используется внешнее сходство (конская грива, рваная одежда и др.), что послужило развитию информационного поля лексемы от сла-

вянского знания о *русле* и *русалии* (языческий праздник весны) к наименованию огородного чучела (*пУжалка, пУгало, пУгла*) [Пискунова 2009: 29]

От понятия о злых духах, особенно полевых русалках, на основе семантики страха, испуга, наказания, защиты от них происходит перемещение в новое информационное поле, где мирно существует это представление о защите уже человека и служении ему. Появляется новое значение: русалка огородное пугало. Сохранилась семантика места (поле, растения) и появилось новое (огород), оттенок значения «пугать», которое актуализировалось как дополнительная информация «защищать». А это уже восстановление исторической памяти слова от древнеславянского периода к более позднему времени, когда смысловое значение испуга, вреда для человека стало неактуальным. С годами восстановилось мифологическое значение о наименовании явления, но произошло и сокращение информационного поля сказок, былин, влияния обрядов, а также появилось взаимодействие с другой лексикой и способность порождать новые тексты, особенно по дифференциальному признаку «свой чужой». Об этом свидетельствуют экспедиционные данные [Социальная картина мира в диалектном тексте... 2013: 136]: *«В лесу хозяин лесничий. Когда блуд напал молитву читать нужно. Русалки живут в камышах, в болотах. Там ждут. Они могут утопить детей. Это их работа. Когда ребенок купаться идет, перекрестить его надо, тогда русалка не подойдет»* (с. Воронцовка, Знаменский район, Генералова Н. Т., 1923 г. р., запись 1999 г.). Получает развитие тема веры, молитвы, материнской любви и заботы.

Историческая память народа в семантическом объеме диалектного слова со временем развития языковой системы объективно приобретает особое значение. Причина такого преобразования состоит в условиях функционирования говоров новых социальных условиях использования предметов быта, обрядовых действий, специальных атрибутов истории, что позволяет сохранить только часть информационного поля, т. к. активное употребление носит временный характер.

Профессиональная оценка диалектного слова связана с его региональной закрепленностью и ролью в качестве дифференциального признака при диалектном членении русского языка в новых условиях коммуникации. Это определяет во многом актуальность целей и задач современных исследований филологической науки во взаимодействии с другими гуманитарными знаниями, экологической проблемой сохранения коммуникативного пространства национальной культуры.

ЛИТЕРАТУРА

- Акулинин А. М. Избранное в 2-х томах. Тамбов, 2006.
- Акулинин А. М. Праздник прощания с игрушками: Повесть. Рассказы. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1984. 230 с.
- Акулинин А. М. Светла водица... Роман. Повесть. Рассказ. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1989. 272 с.
- Васильев С. А. Синтез смысла при создании и понимании текста. Киев: Наук. думка, 1988.
- Виноградов В. В. О теории художественной речи. М.: Высшая школа, 1971.
- Герасин В. И. Час туда — час обратно: Рассказы. М.: Современник, 1986. 301 с.
- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1955.

Наумов Ю. П. Надя и Мурка // Наумов Ю. П. На просторах земли русской: рассказы, зарисовки, этюды. Тамбов: Принт-Сервис, 2016.

Наумов Ю. П. Раздел // Наумов Ю. П. Россыпь на полотне села: рассказы. Тамбов: Принт-Сервис, 2014. 220 с.

Нивина Е. А. Лексика тематической группы «Человек» в говорах Тамбовской области: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2003. 28 с.

Пискунова С. В. Вклад лаборатории в изучение русских говоров // Вестник Тамбовского университета. Лаборатория «Современные русские говоры в системе языковой культуры. 19942009. Приложение к журналу. Тамбов, 2009. С. 915.

Пискунова С. В. Поэтизация русского слова в тамбовских говорах // Вестник Тамбовского университета. Лаборатория «Современные русские говоры в системе языковой культуры. 19942009. Приложение к журналу. Тамбов, 2009. С. 2932.

Словарь Тамбовских говоров. Человек: анатомические названия, физические особенности, социальные и семейные отношения, духовная культура / Авт.-сост.: С. В. Пискунова, А. С. Щербак, И. В. Поповичева и др. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2006. 268 с.

Русский ассоциативный словарь. В 2 т. Т. I. От стимула к реакции: Ок. 7000 стихов / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкачова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2002. 784 с.

Социальная картина мира в диалектном тексте (на материале тамбовских говоров): коллективная монография / отв. ред. С. В. Пискунова; М-во обр. и науки РФ, ФГБУ ВПО «Тамб. гос. ун-т им. Г. Р. Державина». Тамбов: Издательский дом Г. Р. Державина, 2013. 236 с.

УДК 81.42

Е. А. Попова

ОНОМАСТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ЛИТЕРАТУРЫ О РОДНОМ КРАЕ В АСПЕКТЕ ЛИНГВОЭКОЛОГИИ

Аннотация. Статья посвящена ономастическому пространству Липецкого сверхтекста как одного из локальных ответвлений Провинциального текста русской литературы. В состав Липецкого текста входят произведения многих выдающихся русских писателей, деятелей культуры и науки, которые здесь родились, долгое время жили или бывали. К числу таких авторов относятся А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, М. М. Пришвин, И. А. Бунин, И. С. Тургенев, П. И. Бартенев, П. П. Семенов-Тянь-Шанский, Е. И. Замятин и др. В художественных, публицистических, мемуарных, дневниковых, эпистолярных произведениях вышеназванных авторов используется большое количество региональных топонимов и антропонимов, образующих ономастическое и культурное пространство региона. В статье раскрывается роль региональных топонимов и антропонимов в формировании и сохранении духовной среды обитания человека. Региональное ономастическое пространство содержит символические ресурсы, способствующие самоидентификации языковой личности.

Ключевые слова: лингвоэкология, региональные топонимы и антропонимы, ономастическое пространство, Липецкий сверхтекст.

E. A. Popova

**ONOMASTIC SPACE OF LITERATURE
ABOUT THE NATIVE LAND
IN THE ASPECT OF LINGUOECOLOGY**

Annotation. The article is devoted to the onomastic space of Lipetsk super-text as one of the local branches of the Provincial text of Russian literature. Lipetsk text includes the texts by many famous Russian writers as well as scientists and artists who lived there or visited the area, such as A. S. Pushkin, M. Yu. Lermontov, M. M. Prishvin, I. A. Bunin, I. S. Turgenev, P. I. Bartenev, P. P. Semenov-Tyan-Shansky, Ye. I. Zamyatin, etc. Many regional toponyms and antroponyms are used in their fiction texts, memoirs, diaries, letters, creating the onomastic and cultural space of the region. The article outlines the role of toponyms and antroponyms in creating and protecting the spiritual environment. Regional onomastic space contains the symbolic resources that help to develop people's self-identification.

Key words: linguoecology, regional toponyms and antroponyms, onomastic space, Lipetsk super-text.

«Экология языка и речи» — ведущая научная школа ТГУ им. Г. Р. Державина, основанная профессором В. Г. Руделёвым, — в рамках одного из своих направлений занимается исследованием проблем лингвистической экологии. Лингвоэкология как одна из важнейших частей экологии культуры способствует воспитанию «любви к родному краю, к родной культуре, к родному селу или городу, к родной речи. <...> Постепенно расширяясь, эта любовь к родному переходит в любовь к своей стране — ее истории, ее прошлому и настоящему, а затем ко всему человечеству, к человеческой культуре» [Лихачев 2006: 330].

Образ малой родины запечатлен в региональных текстах русской литературы, образующих Провинциальный сверхтекст. «Открытие мира классической русской литературы для каждого россиянина немислимо без знакомства с литературой родного края, малой родины. Погружение в нее должно происходить постепенно и в тесной связи с изучением русской литературы и русского языка в целом» [Романов, Старцева, Печурова 2020: 5].

Региональную направленность текстам о родном крае придают региональные топонимы и антропонимы, образующие ономастическое и — шире — культурное пространство этих текстов. Предметом рассмотрения в данной статье является ономастическое пространство Липецкого текста русской литературы как одного из локальных ответвлений Провинциального сверхтекста.

На липецкой земле родились, долгое время жили, а также бывали многие выдающиеся русские писатели, деятели культуры и науки. Например, с Ельцом и Елецким уездом тесно связаны своей жизнью и творчеством писатели И. А. Бунин, М. М. Пришвин, писатель и этнограф М. А. Стахович, памяти которого Л. Н. Толстой посвятил рассказ «Холстомер», композитор Т. Н. Хренников. Каждый из них считал эти места своей родиной. См., например, у М. М. Пришвина: «— <...> **моя родина Елец**» («Кашеева цепь») [Пришвин 1982, т. 2: 264]; «И вот однажды я ехал из Москвы **к себе на родину, в Елец**» (Там же) [Пришвин 1982,

т. 2: 470]; «В 1919 году пришел к нам в Елец Мамонтов и предал наш родной город мечам и пожарам» («Мои тетрадки») [Пришвин 1983, т. 5: с. 259]. К. Г. Паустовский в «Золотой розе» назвал Елец «бунинский город» [Паустовский 1967: 466].

Липецкая земля — прародина А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова. Бабушка Пушкина по материнской линии — М. А. Пушкина (Ганнибал) — родилась и жила до замужества в Липецке. Ее предкам принадлежали расположенные недалеко от Липецка села Капитанщино, Корневщино (современный Добровский район Липецкой области). В Липецке Мария Алексеевна познакомилась, а затем обвенчалась с О. А. Ганнибалом — сыном знаменитого арапа Петра Великого. Брак бабушки и дедушки Пушкина оказался несчастливым, но его плодом стала их дочь Надежда — мать великого русского поэта. Пушкин, всегда проявлявший интерес к истории своего рода, в «Начале автобиографии» называет свою бабушку «дочерью тамбовского воеводы» [Пушкин 1958: 81], так как г. Сокольск (это город, находившийся на территории современного липецкого микрорайона Сокол и вошедший в состав Липецка), в котором он был воеводой, как и Липецк, относился раньше к Тамбовской губернии.

С липецкой землей связана и генеалогия М. Ю. Лермонтова. В имении Арсеньевых, находившемся в селе Васильевка (до Октябрьской революции оно входило в состав Елецкого уезда Орловской губернии, ныне относится к Краснинскому району Липецкой области) под Новый год (1813 г.), состоялось знакомство родителей поэта — Ю. П. Лермонтова и М. М. Арсеньевой. Имение Лермонтовых находилось в деревне Кропотово Ефремовского уезда Тульской губернии (ныне деревня Кропотово-Лермонтово Становлянского района Липецкой области). В Кропотово жил и скончался отец великого поэта — Ю. П. Лермонтов (1787–1831). Сам Михаил Юрьевич, несмотря на сложные отношения отца с бабушкой, у которой Михаил жил после смерти матери, бывал в Кропотове несколько раз: в 1827 и 1831 году. Есть предположение, что в последний раз поэт приезжал сюда не на похороны отца в 1831 г., а в 1841 г. по пути на Кавказ, незадолго до своей гибели.

И. С. Тургенев в рассказе «Лебедянь» из цикла «Записки охотника» воспел уездный город Лебедянь, входивший раньше в состав Тамбовской губернии, и знаменитую Лебедянскую конную ярмарку. В Лебедяни родился и провел детские годы писатель Е. И. Замятин.

В сельце Королевщино Липецкого уезда Тамбовской губернии (в настоящее время этот населенный пункт вошел в состав г. Грязи Липецкой области) родился П. И. Бартенев (1829–1912) — историк, литературовед, один из первых пушкинистов, основатель и издатель журнала «Русский архив». Зимой Петр Бартенев вместе с семьей жил в Липецке. О своих детских годах, проведенных в родных краях, Петр Иванович с большой теплотой писал в «Воспоминаниях».

Деревня Рязанка Раненбургского уезда (сейчас это Чаплыгинский район Липецкой области) — малая родина выдающегося путешественника, географа, общественного деятеля П. П. Семенова-Тян-Шанского. В первом томе своих «Мемуаров» он много писал о родных местах, о живших здесь своих предках. Петр Петрович — родственник известной русской поэтессы А. П. Буниной, родившейся и погребенной в селе Урусово Раненбургского уезда. Она была родной

сестрой его бабушки Марии Петровны (урожденной Буниной) и крестной матерью. В родстве с П. П. Семеновым-Тянь-Шанским был И. А. Бунин.

Липецкая земля также является родиной А. И. Левитова, П. Д. Боборыкина, А. И. Эртеля, П. Н. Шубина. О нашем крае писали бывавшие здесь А. А. Шаховской, В. А. Жуковский, Л. Н. Толстой, Н. С. Лесков, Г. И. Успенский, В. И. Немирович-Данченко, К. Г. Паустовский, М. Горький, Б. Л. Пастернак, М. И. Цветаева и др.

В художественных, публицистических, мемуарных, дневниковых, эпистолярных произведениях вышеназванных авторов используется большое количество региональных топонимов и антропонимов, образующих ономастическое и культурное пространство региона. Региональные топонимы или их производные часто выносятся писателями в заглавие произведений, являющееся одной из сильных позиций текста: это комедия А. А. Шаховского «Урок кокеткам, или Липецкие воды», рассказы И. С. Тургенева «Лебедянь» и «Касьян с Красивой Мечи», очерк В. И. Немировича-Данченко «Елец (Из записной книжки скучающего туриста)», роман Г. И. Николаева «Астапово», стихотворения М. А. Стаховича «Пальна», А. Липецкого «Матыра», П. Н. Шубина «Санная дорога до Чернавска» и другие произведения. Некоторые писатели взяли себе псевдонимы, образованные от региональных топонимических названий, указывающих на место их рождения: это Алексей Липецкий (настоящая фамилия Каменский), Николай Задонский (настоящая фамилия Коптев). Святитель Тихон Задонский также именуется по месту своего проживания в последние годы жизни — Задонскому Рождество-Богородицкому мужскому монастырю.

Для многих писателей-земляков региональные топонимы, являющиеся местом их рождения, часто ассоциируются с понятиями родины и счастья. Например, М. М. Пришвин, родившийся в 1873 г. в селе Хрущево Елецкого уезда Орловской губернии (сейчас это Становлянский район Липецкой области), часто в своих произведениях пишет о малой родине. Так, часть автобиографического романа «Кашеева цепь» носит название «Хрущево». В миниатюрах Пришвина 1946–1947 гг., составивших книгу «Глаза земли», с Хрущево писатель постоянно сравнивает то, что его окружает в настоящем: «<...> мне кажется, будто я вернулся в **Хрущево, в лучшее, прекрасное место, какого и не бывало на свете**» («Глубокая почва») [Пришвин 1984, т. 7: 91]; «После обеда вздремнул и проснулся как будто в **Хрущеве**. Сколько в жизни ездил, искал, и в конце концов оказалось — искал того, что у меня было в детстве и что я потерял» («В Дуние») [Пришвин 1984, т. 7: 122]; «Рожь подымается, ударил перепел. Боже мой! Это ведь тот самый, какой мне в детстве в **Хрущеве** кричал <...>» («Перепел») [Пришвин 1984, т. 7: 216].

На склоне лет Пришвин часто обращается в своих дневниках к воспоминаниям о родных местах. Так, 5 мая 1946 г. он записывает в дневник: «Прежде, в молодости, бывало, чтобы заснуть, я пользовался счетом до тысячи <...>

Теперь же я при бессоннице мысленно перемещаюсь в село **Хрущево Елецкого уезда**, Орловской губернии, где я родился и вырос. Слышал я, что никаких следов не осталось от дома, где я родился, от великолепного парка и сада, и что даже пруд, в котором я ловил пескарей и карасей золотых и серебряных, теперь спущен и на илистом дне его колхозники выращивают капусту. Тем удивительней

бывает мое ночное путешествие, восстанавливающее с необычайной точностью, четкостью и яркостью то, чего для всех людей уже больше не существует и о чем, кроме меня единственного, никто на земле не может свидетельствовать» [Пришвин 1986, т. 8: 474].

В настоящее время это село уже прекратило свое существование, но в памяти современных носителей языка оно сохранилось, так как это родина Пришвина, о которой он с большой теплотой писал во многих произведениях. Писатель Анатолий Коновалов так описывает современное Хрущево: «Сегодня на том месте гуляют лишь ветры, и оно все больше напоминает “край непуганых птиц”. Но то село не забыто в памяти народной теми, кому дорого имя мудрого певца земли русской — Михаила Михайловича Пришвина. <...>

Сейчас на окраине бывшего села, напротив заросшего по берегам кустарниками и осокой пруда, прячется пустырь с несколькими старыми яблонями, грушами, одичавшими вишнями сада Пришвиных. Ничего уже тут не напоминает деревянного дома с белым балконом, нет и двух каменных столбов, служивших ранее вместо ворот в усадьбе елецкого купца второй гильдии Д. И. Пришвина — деда будущего писателя, купившего это поместье во второй половине XIX века» («Бежал с родной земли») [Коновалов 2017].

В начале романа Ю. Н. Тынянова «Пушкин» есть фрагмент, в котором изложены мысли бабушки Пушкина, готовящейся к встрече гостей, приглашенных в московский дом Пушкиных по случаю крестин недавно родившегося внука Александра. Большое место в ее воспоминаниях о прошлом занимает город Липецк, «невдалеке от которого была усадьба ее отца и в котором она жила барышнею» [Тынянов 1974: 7]. Липецк она считает «основательным местом и вообще основным местом своей жизни» [Тынянов 1974: 7] и противопоставляет Петербургу и Москве как «местам непостоянным и неосновательным» [Тынянов 1974: 7]. Марья Алексеевна, думая об уездном Липецке — городе своего детства и молодости, использует положительно оценочную лексику, в том числе прилагательные в превосходной степени: «Город был **чистый**, главные улицы обсажены дубками и липами. <...> Приезжали летом **самые лучшие** люди, **самые нарядные**, сановные, из столиц — купаться в липецких грязях. На чугунные заводы посылали **самых лучших** и **тонких** офицеров из столицы с поручениями по артиллерии» [Тынянов 1974: 7–8]. В этом фрагменте автор также употребляет предложения, показывающие покой, стабильность, неизменность, связанные в сознании героини с Липецком: «А Липецк как был, так, говорят, и стоит. <...>»; «А Липецк как стоял, так, говорят, и стоит» [Тынянов 1974: 9].

В «Мемуарах» П. П. Семенова-Тян-Шанского, особенно в 1-м томе, где автор пишет о своих детских и отроческих годах, прошедших в Липецком крае, встречается большое количество региональных топонимов: названия сел и деревень *Рязанка, Урусово, Подосинки, Петровка, Денисовка, Елизаветино, Доброе, Марфино* и др., городов *Липецк, Раненбург, Задонск, Лебедянь*, рек *Ранова, Воронеж, Матыра, Дон* и др., уездов *Раненбургский, Липецкий, Данковский, Лебедянский, Задонский* и др. Многие из топонимов сопровождаются эпитетами, имеющими положительную оценочность: *очаровательная река Матыра, прекрасная река Матыра, очаровательная река Воронеж, Липецк — хоро-*

шенький городок и т. д. Рязанку и Урусово Семенов-Тян-Шанский в «Мемуарах» и письмах называет родиной, родным гнездом. Например, в письме к сыну Андрею от 14 июля 1904 г. П. П. Семенов-Тян-Шанский, описывая золотую свадьбу старшего брата Николая Петровича Семенова (1823–1904), который после смерти матери стал владельцем поместья в Рязанке (Петру Петровичу досталось имение в Петровке Липецкого уезда), пишет: «В своем приветствии я в особенности вменил Николаю Петровичу в заслугу его трогательную любовь к **родине** и к **родному гнезду**, так им взлелеянному и улучшенному <...>» [Семенов-Тян-Шанский 2019: 458].

Усадьба в деревне Рязанка, в которой родился и жил будущий великий исследователь, находилась в Раненбургском уезде Рязанской губернии. Центр этого уезда — г. Раненбург — в 1948 г. был переименован в Чаплыгин в честь уроженца Раненбурга академика С. А. Чаплыгина. В своих «Мемуарах» Семенов-Тян-Шанский дает объяснение, почему этот город получил немецкое название: «Поездки “в степь”, как называли в то время тамбовские поместья наши и наших родных, совершались “на долгих”, т. е. на собственных лошадях с остановками для кормления лошадей через каждые 30–40 верст. Из нашего Урусова до нашей тамбовской Петровки считалось 120 верст.

Первой станцией был всегда наш **уездный город Раненбург**, который в народе, не усвоившем себе немецкого названия, был известен под именем Амбура или Анбура. На мой вопрос, откуда произошло немецкое название города, мать ответила мне, что он был основан знаменитым сподвижником Петра Великого, Меншиковым, который, будучи сослан сюда при Петре II, построил себе замок (Burg) и дал ему название **Ораниенбурга**, в воспоминание о любимом своем дворце Ораниенбауме близ Петербурга» [Семенов-Тян-Шанский 2019: 118]. Автор «Мемуаров» также называет Раненбург «городом Меншикова» [Семенов-Тян-Шанский 2019: 119].

«Тамбовским поместьем» в «Мемуарах» именуется Петровка, находившаяся в Липецком уезде Тамбовской губернии (в настоящее время это Грязинский район Липецкой области), в противоположность Рязанке — «рязанскому поместью», расположенному в Рязанской губернии.

Во многих локальных текстах запечатлены, а следовательно, сохранены для потомства названия населенных пунктов, прекративших свое существование или получивших другие названия.

Ономастическое пространство локальных текстов, кроме региональных топонимов, составляющих региональную топонимическую сферу, формируется региональными антропонимами, которые образуют региональную персониферию, являющуюся частью национальной персониферии.

Персониферия — это совокупность имен собственных (антропонимов), обозначающих исторические, религиозные, литературные, фольклорные персонажи (персоналии). Персониферия бывает национальной, региональной, индивидуальной, социальной. Национальная персониферия, как указывал Г. Г. Хазагеров [Хазагеров 2002], складывается из четырех основных источников: православия, истории, литературы, фольклора. Это означает, что персонажи русской персониферии будут восходить к этим четырем главным источникам. В рамках

региональной персониферы, связанной с Липецким краем и реконструированной на материале региональных текстов, можно обнаружить персоналии, восходящие к основным из указанных источников: 1) исторические деятели (*Петр Первый, наследник Александр Николаевич (будущий император Александр Второй), А. Д. Меншиков, Н. Н. Муравьев-Карский* и др.); 2) религиозные деятели (*Тихон Задонский, Амвросий Оптинский, Феофан Затворник, Силуан Афонский, Иоанн Сезёновский, затворница Мелания* и др.); 3) литературные деятели (*А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, В. А. Жуковский, А. А. Шаховской, И. С. Тургенев, Л. Н. Толстой, А. П. Бунина, И. А. Бунин, М. М. Пришвин, А. И. Эртель* и др.). *П. П. Семенова-Тян-Шанского, П. И. Бартенева* как авторов мемуарных текстов можно отнести к числу литературных деятелей, или для этих персоналий может быть выделена отдельная группа — деятелей науки. Нами составлен проект «Словаря персониферы Провинциального (Липецкого) текста», который относится к лингвокультурологическим учебным словарям. Подробнее об этом см.: [Попова 2022].

Таким образом, в сферу лингвоэкологии, представляющей собой науку, занимающуюся проблемами сохранения языка как духовной среды обитания человека, органично вписывается изучение региональных топонимов и антропонимов, играющих важную роль в формировании и сохранении этой среды. Региональное ономастическое пространство содержит символические ресурсы, способствующие самоидентификации языковой личности, сохранению ею национальной, культурной, гражданской идентичности, благодаря осознанию связи между малой и большой родиной.

ЛИТЕРАТУРА

Коновалов А. Бежал с родной земли // Аврора, 2017. № 1. URL: <http://litavrora.ru/index.php/izbrannoe/item/223-bezhal-s-rodnoj-zemli/223-bezhal-s-rodnoj-zemli> (дата обращения 30.09.2022).

Лихачев Д. С. Экология культуры // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. СПб.: Изд-во СПбГУП, 2006. С. 330–347.

Паустовский К. Г. Собрание сочинений в 8 т. Т. 3. М.: Худож. лит., 1967. 528 с.

Попова Е. А. Региональная персонифера как объект современной лексикографии (проект «Словаря персониферы провинциального (Липецкого) текста») // Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве: материалы III Международной научной конференции. Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2022. С. 19–25.

Пришвин М. М. Собрание сочинений: В 8-ми т. Т. 2, 5, 7, 8. М.: Худож. лит., 1982–1986. Т. 2 — 679 с. Т. 5 — 486 с. Т. 7 — 479 с. Т. 8 — 759 с.

Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в 10 т. Т. 8. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 596 с.

Романов Д. А., Старцева Н. М., Печурова Е. А. Тульский край и русская литература: Очерки о литературном контексте Тульского края: Метод. пособие для учителей. Тула: ТГПО, 2020. 243 с.

Семенов-Тян-Шанский П. П. Мемуары: в 5 тт. Т. 1. Детство и юность. 1827–1855. М.: Издательство «Кучково поле», 2019. 560 с.

Тынянов Ю. Н. Пушкин. Л.: Худож. лит., 1974. 584 с.

Хаззагеров Г. Персонифера русской культуры // Новый мир. 2002. № 1. С. 133–145.

*И. В. Ружицкий
Ю. Б. Мартыненко*

**ЭКОЛОГИЯ ЯЗЫКА В АСПЕКТЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
АНТРОПОНИМИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ
ПРИ ФОРМИРОВАНИИ ПУНКТУАЦИОННЫХ
КОМПЕТЕНЦИЙ У ИНОСТРАННЫХ УЧАЩИХСЯ**

Аннотация. Изучение русских антропонимов вызывает у инофонов определённые сложности, поэтому обращаться к личным именам на занятиях по русскому языку как иностранному следует при овладении всеми разделами языка, в том числе и при ознакомлении с правописными нормами, орфографическими и пунктуационными. Грамотно оформленная письменная речь, правильное употребление в ней антропонимов помогает сохранению самобытности богатства русского языка, его чистоты. В процессе письма анализируется структура предложения, способствующая формированию не только культуры письменной речи, но и культуры мышления, развиваются аналитические навыки учащегося. При обучении инофонов русскому языку антропонимы выступают и как объект исследования, и как материал для обучения. В статье предлагается система заданий, направленных на формирование у иностранных студентов пунктуационных умений с привлечением русских антропонимов. Выполнение пунктуационных заданий с антропонимами позволит повысить и уровень знания языка, и общекультурный уровень студентов.

Ключевые слова: пунктуационная компетенция; антропоним; русский язык как иностранный; пунктуационные упражнения.

*I. V. Ruzhitsky
Yu. B. Martynenko*

**ECOLOGY OF LANGUAGE IN THE ASPECT OF THE USE
OF ANTHROPONYMIC VOCABULARY IN THE FORMATION
OF PUNCTUATION COMPETENCIES IN FOREIGN STUDENTS**

Annotation. Learning Russian anthroponyms cause certain difficulties for inophones, therefore, it is necessary to refer to personal names in classes on Russian as a foreign language when mastering all language sections, including spelling and punctuation. Literate written text, the correct use of anthroponyms in it serves for the preservation of Russian language originality of the richness, its purity. In the process of writing, the structure of the sentence is analyzed, which contributes to the formation of not only the culture of writing, but also the culture of thinking, develops the students' analytical abilities. While Learning Russian language anthroponyms act both as an object of research and as a material for teaching Russian. The article proposes the system of tasks aimed at the formation of punctuation skills among foreign students with the involvement of Russian anthroponyms. Doing punctuation exercises with anthroponyms both the level of knowledge of the language and the general students cultural level of increase.

Key words: punctuation competence; anthroponym; Russian as a foreign language; punctuation exercises.

Письменная коммуникация необходима в различных сферах деятельности иностранных студентов, изучающих русский язык, в связи с этим владение письменной речью является одной из важнейших языковых компетенций, требующих формирования. Как известно, экология языка — это общечеловеческая ценность, и одна из проблем, которыми занимается эколлингвистика, — это вымирание письменной культуры.

Согласно Государственному образовательному стандарту по русскому языку как иностранному «письменные тексты должны быть оформлены в соответствии с нормами современного русского языка» [Государственный стандарт... 1999: 12]. Важность овладения умениями письменной речи подчёркивается в учебных программах по русскому языку как иностранному (далее — РКИ) для филологических и нефилологических специальностей вузов. Соответственно, в процессе преподавания РКИ требуется освоение правописных норм — орфографических и пунктуационных: «Письменная речь является необходимым условием овладения иностранным языком, а также показателем обученности, языковой успешности студента-инофона, ибо, только *умя писать* [выделено нами. — И. Р., Ю. М.] на иностранном языке, человек осознает себя достаточно компетентным в иноязычной коммуникации» [Позднякова, Кабак, Чепкова 2020: 177].

Болезнь общества влечёт за собой и болезнь языка, что проявляется, в частности, в отказе соблюдать языковые нормы, в том числе и пунктуационные. Нарушение нормы может явиться следствием деградации мышления или, наоборот, послужить его причиной. Особенно это касается русской пунктуации, в основе которой лежат семантический (смысловой, логический), грамматический (синтаксический) и интонационный принципы, в первую очередь — грамматический. Конечно, довольно сложно убедить в необходимости обучать иностранцев русской пунктуации, когда мы можем наблюдать серьёзную деградацию в этом отношении нас самих. Практически любая печатная продукция, любое новостное интернет-издание, даже короткая лента новостей насыщена пунктуационными ошибками. Тем не менее такая необходимость не должна вызывать никаких сомнений, а аргумент, который иногда можно услышать от преподавателей РКИ, что «нам не до пунктуации, тут бы падежам научить», представляется весьма слабым.

Соблюдать орфографические и пунктуационные нормы так же важно, как и следовать производственным, лексическим, грамматическим и другим нормам. В Общеευропейских компетенциях владения иностранным языком пунктуация фигурирует как неотъемлемая часть орфографической и орфоэпической компетенций (см., например, [Общеевропейские компетенции... 2003: URL]). Учащийся прибегает к системе пунктуации и в момент производства, и в момент восприятия письменного текста. «Пунктуация как система имеет архиважную роль», так как она является «составной частью письма» и «служит целям общения между пишущим и читающим, обеспечивая двухсторонний процесс коммуникации» [Валгина 2004: 37].

Методика преподавания РКИ, признавая важную роль письменной коммуникации для разных сфер жизни, выработала определённые приёмы формирования и закрепления навыков письменной речи у студентов-иностранцев. Традиционно считается, что иностранные учащиеся должны сначала овладеть устной речью, а затем уже письменной, вследствие чего обучению русской пунктуации уделяется недостаточное

внимание, более того, на занятиях по русскому языку со студентами-иностранцами «пунктуация как самостоятельный аспект обучения не выделяется» [Азимов, Шукин 2018: 271]. Техническая сторона письма явно не в полной мере освещена в учебных пособиях и грамматических справочниках по РКИ. Сложившаяся практика объясняется несколькими причинами: для проведения пунктуационной работы на занятиях остаётся крайне мало времени; не разработана методика обучения студентов-иностранцев русской пунктуации, «несмотря на то, что существует настоятельная потребность обучающихся в овладении правописными навыками» [Гаврилова 2017].

При изучении русской пунктуации можно в значительно большей степени, чем это обычно принято, использовать антропонимический материал. Напомним, что В.Д. Бондалетов считал необходимым изучение ономастического материала, т.к. имена собственные являются «значительной частью лексики любого высокоразвитого языка» [Бондалетов 1983: 3]. Овладение языком невозможно без освоения этого пласта, поэтому личные имена, фамилии, отчества, выполняя важную роль в процессе коммуникации, требуют правильного употребления, произношения и написания (подробнее см.: [Ружицкий, Мартыненко 2019; Мартыненко 2021]). Личные имена обладают колоссальной коммуникативной и когнитивной значимостью, отсюда обязательно и правильное пунктуационное оформление текста, в котором они используются.

Широко известен тот факт, что многие иностранные учащиеся, особенно это характерно для китайских студентов, предпочитают, чтобы преподаватели давали им русские имена. Причин этому явлению может быть несколько: желание уже на начальном этапе изучения русского языка погрузиться в русскую культуру; значимость того или иного русского имени (например, *Владимир* или *Александр*); благозвучие или созвучие русского имени их родному; внутренняя форма русского имени; неправильное, иногда смешное или обидное, произношение русскими преподавателями китайских имён и др. Если говорить о носителях европейских языков, то большинство из них заинтересованы в понимании и правильном употреблении форм производных (уменьшительных) русских имён, как следствие, например, — попытки образовать такие формы от своего родного имени.

Что касается повышения мотивации к изучению русской пунктуации, то здесь дело обстоит несколько сложнее. Известно, что в начале своего развития русская пунктуация ориентировалась на греческую, отсюда и частое использование такого знака, как точка. В дальнейшем, как мы полагаем, довольно сильное влияние на становление русских правил пунктуации оказали немецкие традиции обучения грамматике. По всей видимости, именно в силу этой причины у преподавателей русского языка нет большой необходимости как-то дополнительно мотивировать немецких студентов изучать пунктуационные правила, как и заниматься развитием письменной речи и — шире — правильным оформлением письменного текста, делового письма или какого-либо документа. Чего нельзя сказать, к примеру, о носителях английского языка, в котором постановка запятой или тире часто является весьма произвольной. Можно заключить, что, вне всякого сомнения, на отношение к изучению русской пунктуации непосредственное влияние будет оказывать соответствующая система в родном языке студентов (так, в китайском языке вместо точки используется полный кружок, есть и другие особенности употребления пунктуационных знаков; сами знаки пунктуации занимают такие же

квадраты, что и иероглифы и т. д.), а также сложившиеся в родной лингвокультуре традиции обучения пунктуации.

Работу над пунктуацией на занятиях по РКИ можно проводить уже на элементарном уровне, когда иностранные студенты начинают знакомиться с русскими именами, с русской антропонимической картиной мира. Изучая разделы пунктуации с применением данных ономастических единиц, у преподавателя есть возможность использовать как уже знакомые студентам личные имена, так и привлекать новый иллюстративный дидактический материал, обращаться к формам антропонимов, к синтаксическим конструкциям, в состав которых входят онимы. Всё это позволяет углубить языковой материал, активизируя лексические, орфоэпические, грамматические, орфографические и др. навыки, задействовать внутрипредметные связи, повторить и закрепить правописные нормы.

Пунктуация, как и орфография, усваивается в процессе выполнения определённых заданий и упражнений. При этом следует иметь в виду, что если при обучении орфографии главное — знать правила и уметь их применять, то для практического овладения пунктуацией этого очевидно недостаточно, поскольку в основе пунктуационно грамотного письма — смысл и структура предложения.

В настоящее время разработано большое количество различных типов пунктуационных упражнений. На наш взгляд, понять и освоить пунктуационные правила помогут задания, выделяемые в зависимости от *характера мыслительной деятельности* учащихся (подробнее см.: [Демидова 2006]): 1) аналитические; 2) аналитико-синтетические; 3) синтетические.

Аналитические упражнения — упражнения, в процессе выполнения которых пишущий осуществляет операцию анализа, разбора данного предложения. Например:

Задание 1. Найдите обращения, укажите, чем они выражены.

1. — *Надеюсь, Виталий Георгиевич, завтра мы увидимся.* 2. — *Сонечка, подойди ко мне.* 3. — *Ермолаев, к доске!*

Задание 2. Прочитайте предложения, объясните наличие или отсутствие в них знаков препинания. Обоснуйте свой ответ.

1. — *Дмитрий, покажи мне тетрадь.* — *Дмитрий показывает мне тетрадь.* — *Мне показывает тетрадь Дмитрий.* — *Покажи мне, Дмитрий, тетрадь.* — *Покажи, Дмитрий, тетрадь мне.* 2. *Мирослава Юрьевна, поздравляем Вас с Днём учителя!* — *Мирославу Юрьевну поздравили с Днём учителя.* — *Поздравляем Вас, Мирослава Юрьевна, с Днём учителя!*

Задание 3. Прочитайте предложения, определите, в каких из них есть несогласованные определения. Обоснуйте свой ответ.

1. *Светлана Фонарёва, в голубой юбке, светлой кофте, в летней шляпке, сидела на софе.* 2. *Роман, молодой человек лет двадцати, появился на крыльце.* 3. *Сегодня встречаемся с Людмилой Александровной, приехавшей из Орла.*

Задание 4. Найдите в предложениях приложения, прокомментируйте постановку знаков препинания.

1. *Имя путешественника Фёдора Конюхова известно многим.* 2. *Дед её, Савва Антонович Климов, был прекрасным врачом.* 3. *Ярослав Ильич, коллега, будет завтра.* 4. *Вениамин Степанович, или Венька, жил в соседнем доме.*

Задание 5. Найдите в предложениях сравнительные обороты.

1. *Геннадий, как и Пётр, очень ответственный сотрудник.* 2. *Полина учится лучше, чем Катя.* 3. *Как Яков Юрьевич, так и Арина Прохоровна занимались со мной физикой.* 4. *Тихон Петрович всё делает не как Светлана Саввична.*

Аналитико-синтетические упражнения — упражнения на «выделение синтаксической единицы или пунктограммы, выбор правила, объяснение пунктограммы и применение правила на практике» [Демидова 2006: 13].

Задание 1. Запишите предложения, расставляя недостающие знаки препинания и объясняя условия их постановки.

1. — *Серафима Петровна приходите ко мне в гости!* 2. — *Ах дорогой Михаил принеси мне воды!* 3. — *Максимовна как твои дела?*

Задание 2. Прокомментируйте постановку знаков препинания.

1. *Лида, молодая, нарядная, была очень красивой.* — *Молодая, нарядная Лида была очень красивой.* 2. *Николай, нагруженный сумками, остановился у ворот.* — *Нагруженный сумками Николай остановился у ворот.*

Синтетические упражнения. При их выполнении учащийся решает вопрос о постановке знаков препинания. Например, предлагается задание подобрать или составить самостоятельно предложения по изученным пунктуационным правилам.

Приведённая выше группировка упражнений, конечно, достаточно схематична и условна. Анализ, как правило, сочетается с синтезом. Кроме того, в процессе обучения различные по характеру и сложности задания объединяются поставленной для достижения целью.

При активизации навыков употребления антропонимов в письменной речи и более эффективного овладения правилами русской пунктуации следует познакомить иностранных учащихся с конструкциями, включающими в себя личные имена, изучаемые в рамках таких тем, как «Знаки препинания при обращении», «Обособление согласованных и несогласованных определений», «Обособление приложений» и др. В этом случае преподаватель, с одной стороны, активизирует антропонимический материал, с другой — учитывает внутрисюжетные связи, т. е. связи между разделами русского языка. Например, изучая синтаксис простого предложения, логично включить информацию о пунктуации обращений, однородных членов предложения. При изучении темы «Выражение определительных отношений» обращается внимание на обособление определений и приложений.

Изучая основные для иностранных учащихся группы пунктуационных правил и наполняя иллюстративный материал антропонимами, мы решаем две главные задачи: во-первых, работаем над усвоением самих правил и связанных с ними пунктограмм, во-вторых, расширяем и углубляем материал, представляющийся важным не только в правописном, но и лингвокультурологическом плане.

ЛИТЕРАТУРА

Азимов Э. Г., Шукин А. Н. Современный словарь методических терминов и понятий. Теория и практика обучения языкам. М.: Русский язык. Курсы, 2018. 496 с.

Бондалетов В. Д. Русская ономастика. М.: Просвещение, 1983. 224 с.

Валгина Н. С. Актуальные проблемы современной русской пунктуации: Учеб. пособие. М.: Высш. шк., 2004. 259 с.

Гаврилова И. В. К вопросу о формировании орфографической и пунктуационной грамотности студентов-иностранцев // Концепт. 2017. Т. 28. С. 16–18 [Электронный ресурс] URL: <http://e-koncept.ru/2017/770675.htm> (дата обращения: 2.09.2022).

Государственный стандарт по русскому языку как иностранному. Второй уровень. Общее владение / Иванова Т. А. и др. М. — СПб.: Златоуст, 1999. 40 с.

Демидова Н. И. Типология и последовательность пунктуационных упражнений // Вестник Рязанск. гос. ун-та им. С. А. Есенина, 2006. № 1. С. 10–20.

Мартыненко Ю. Б. Орфографические упражнения при изучении русских антропонимов в иностранной аудитории // Актуальные вопросы теории и практики преподавания русского языка как иностранного: Материалы международной научно-практической конференции / под общ. ред. С. А. Вишнякова. М.: МПГУ, 2021. С. 368–375.

Общеввропейские компетенции владения иностранным языком: Изучение, преподавание, оценка: Монография; перевод выполнен на каф. стилистики англ. яз. МГЛУ под общ. ред. проф. К. М. Ирисхановой. Страсбург; М.: Совет Европы, Департамент по яз. политике; Моск. гос. лингв. ун-т, 2001–2003. — 259 с.

Позднякова А. А., Кабак М. А., Чепкова Т. П. Принципы отбора орфографического материала для обучения иностранных студентов письменной речи // Преподаватель XXI век, 2020. № 4 (часть 1). С. 176–186.

Ружицкий И. В., Мартыненко Ю. Б. Обучение иностранных учащихся вариантам русских личных имён // Преподаватель XXI век, 2019. № 4 (часть 1). С. 184–193.

УДК 811.161.

А. С. Щербак

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОНОМАСТИКИ (на материале самаркандского эргонима)

Аннотация. В аспекте лингвоэкологии рассматривается русская орфография одного из слов, входящих в название картины В. В. Верещагина «Самарканд. Медресе Шир-Дор на площади Регистан». Обращаясь к отражению реального топонимического пространства в культуре языкового узбекского сообщества, предлагается выделение среди функций языка ономастико-экологической функции, позволяющей выделять, объяснять и сохранять национальные ономастические структуры.

Ключевые слова: ономастика, эргоним, экология языка, ономастическое сознание.

A. S. Shcherbak

ECOLOGICAL PROBLEMS OF ONOMASTICS (based on the material of the Samarkand ergonym)

Annotation. V aspecte lingvoekologii rassmatrivaetsya russkaya orthografiya odnogo iz slov, vkhodyashchix v nazvanie kartiny V. V. Vereshchagina “Samarkand. Medrese Shir-Dor na ploshchadi Registan”. Obrashchayas k otrajeniyu realnogo toponymicheskogo

prostranstva v kulture zyzykovogo Uzbekskogo soobshchestva, predlagaetsya vydelenie sredi funktsiy zyzyka onomastiko-ekologicheskoy funktsii, pozvolayushchey vydelyat, obyasnayat i sokhranyat natsionalnye onomasticheskie structures.

Key words: onomastics, ergonim, ecological language, onomastic perception.

Экологию языка в настоящее время ученые рассматривают как полипарадигмальное направление языкознания [Трошина 2020: 4], в рамках которого развивается лингвоэкологическая концепция языка. В этой концепции правомерно обратиться к проблеме рассмотрения неразрывной связи экологии языка с экологией ономастического сознания человека.

Термин «ономастическое сознание», введенный в научный оборот Т. В. Шмелевой, активно используется при когнитивном подходе к изучению ономастических единиц [Щербак 2020]. Речь идет о том, что язык формирует наше сознание и мышление, а имена собственные включены в структуру сознания и мышления и ориентированы на реализацию ономастико-экологической функции языка.

Языковая динамика контактирующих языковых сообществ, сопровождающаяся обменом ономастическими структурами и традициями культур, не проходит бесследно для языкового сознания человека, поскольку экология языка неразрывно связана с экологией ономастического сознания человека и определяется дискурсивными компетенциями носителей языка.

К экологическим проблемам ономастики, прежде всего, относится реализация нормы правовой ономастики, которая понимается как «система социально правовых принципов, позволяющих адекватно передавать в письменной речи специфику общепризнанных в определенной национальной культуре денотативных значений графическими средствами соответствующего языка» [Мозговой 2020: 106].

Обращает на себя внимание тот факт, что в каталоге Государственной Третьяковской Галереи название картины одного из самых известных русских художников баталистов Василия Васильевича Верещагина «Самарканд. Медресе Шир-Дор на площади Регистан» содержит написание эргонима, некорректно отражающее, на наш взгляд, реальное топонимическое пространство в культуре языкового узбекского сообщества. Речь идет о слитном или дефисном написании названия медресе (Шердор или Шир-Дор), через букву И или через букву Е — Шер или Шир.

Из истории создания картины «Самарканд.

Медресе Шир-Дор на площади Регистан»

Во время присоединения к России среднеазиатских ханств в 1867 году устроитель Туркестанского края, командующий русскими войсками в Средней Азии, Константин Петрович фон Кауфман пригласил Верещагина к себе на службу (в чине прапорщика). Художник участвовал в обороне осажденного Самарканда, получил «Орден Святого Георгия 4-го класса: «В воздаяние за отличие, оказанное во время обороны цитадели г. Самарканда, с 2 по 8 Июня 1868 года».

Под впечатлением от пребывания в Средней Азии (868–870 гг.) художник написал «Туркестанскую серию» (1871–1873), куда вошло 13 картин, 133 рисунка и 81 этюд,

На картине «Самарканд. Медресе Шир-Дор на площади Регистан» изображено медресе (школа) — учебное, духовно-просветительское заведение мусульманского Востока, оно выполняло функции мусульманской духовной семинарии. Расположено медресе на величественной площади Регистан в центре Самарканда. «Регистаном» в городах Среднего Востока называли главные площади. Здесь ежедневно шла торговля — Самарканд стоял на «Шелковом пути» и был важнейшим городом с самого его основания. Здесь среднеазиатский правитель Тамерлан, перед тем как отправиться в поход, собирал солдат.

Современная площадь Регистан, существующая уже более 600 лет с сохранившейся частью ее построек в первоначальном виде с XV века и благодаря уникальному архитектурному ансамблю из трех медресе (школ), является главной достопримечательностью страны.

Сюжет, изображённый на портале медресе, со временем стал одним из национальных символов Республики Узбекистан. Этот же сюжет помогает ответить на вопрос: как же правильно было бы написать на русском языке название медресе.

О написании на русском языке

названия медресе на площади Регистан в Самарканде

На узбекском языке слово *Sherdor* пишется слитно и через букву *E*, чему есть объяснение.

Эргоним Шердор обладает адресно-выделительной функцией и содержит персидское слово ШЕР в значении «ЛЕВ» [РТС 1995: 439] и слово ДОР в значении «владеющий, имеющий, владелец» [РТС 1995:108]. В буквальном переводе с узбекского языка ШЕРДОР означает как «медресе со львами», «имеющее львов» или «имеющее тигров», «владелец».

Не случайно медресе-Шердор местное население называет «львиной» школой, поскольку в верхней части арки здания медресе изображены два льва как защитники города, и стены украшены соответствующим звериным орнаментом. Мастер декора изобразил сцену охоты на джейрана — фантастического зверя, напоминающего тигра, но с гривой льва.

Интересен тот факт, что слово ШИР в узбекском языке отсутствует, а в таджикском языке (этнолект персидского языка) ШИР означает «молоко» (коровье, парное) [РТС 1995: 493], но не сгущенное, для названия которого отмечено другое слово. ШЕРДОР — это сложное слово без соединительной гласной, состоящее из двух корней.

С точки зрения русского правописания, художник Верещагин при написании слова «Шир-Дор» в названии своей картины использовал фонематический принцип русской орфографии. Выдающийся ученый, специалист в области русской орфографии М. В. Панов писал: «У нас орфография фонемная. Мы на письме передаем фонему, т. е. звук в его самой независимой форме, без всяких влияний. На гласные очень сильно влияет безударное положение, оно мнет, искажает гласные звуки...» [Панов 2010: 146–147].

Из сказанного следует, что в письменной фиксации гласного звука в первом компоненте сложного слова должна употребляться буква *E* (Шер).

Нарицательные по своему происхождению слова ЛЕВ и ВЛАДЕЛЕЦ превратились в собственное имя ШЕРДОР потому, что они потеряли лексическое зна-

чение и связываются уже с другим онимным денотатом. Ср.: лев (шер), владелец (дор) — медресе ШЕР-ДОР (не «лев» и не «владелец», а «медресе»).

Ср. улицы в Тамбове:

академик Павлова — улица Академика Павлова,

адмирал Ушаков — улица Адмирала Ушакова.

Любое географическое название является тем словом, написание которого, как правило, учитывает информацию этимологического характера. Знания информации о происхождении слова помогает в выборе правильного написания слова.

Таким образом, структура имени собственного Щердор включает две смысловые единицы, с помощью которых в ономастическом сознании различаются объекты номинации по их определённой национальной истории и культуре — в нашем случае узбекской и таджикской.

Думается, что среди множества функций языка можно говорить о выделении еще одной — ономастико-экологической функции, позволяющей выделять, объяснять и сохранять национальные ономастические структуры.

ЛИТЕРАТУРА

Мозговой В. И. Проблема нормы в ономастике // Ономастика Поволжья: материалы XVIII Международной научной конференции. Кострома, 9–10 сент. 2020 г. В 2 т. Т. 1 /сост. и отв. ред. Г. Д. Неганова; Костромской гос. ун-т. Кострома: Костромской государственный университет, 2020. 388 с.

РТС — Русско-таджикский словарь /авторы: С. Д. Арзуманов, Х. А. Ахрори, М. Бегбуди и др. / под ред. М. С. Асимова. М.: Русский язык, 1995. 1280 с.

Трошина Н. Н. Экология языка: аналитический обзор / РАН. ИНИОН. Центр гуманист. науч.-информ. исслед. Отд. языкознания: Редкол.: Опарина Е. О., Раренко М. Б. М., 2020. 54 с. (Сер.: Теория и история языкознания).

Щербак А. С. Ономастическое сознание как когнитивно-языковая система // Когнитивные исследования языка. М.: Ин-т языкознания РАН, Тамбов: Издательский дом. «Державинский», 2020. С. 301–304.

ВОПРОСЫ ЭКОЛОГИИ ЯЗЫКА И РЕЧИ В ПРЕПОДАВАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК РОДНОГО, НЕРОДНОГО И ИНОСТРАННОГО

УДК 372.41

В. П. Москвин

КОНТЕКСТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ В ПРАКТИКЕ КОММЕНТИРОВАННОГО ЧТЕНИЯ (на примере стихотворных текстов)

Аннотация. Статья посвящена контекстуальному анализу в практике комментированного чтения на примере стихотворных текстов. В работе освещаются наиболее значимые в лингвометодическом отношении типы контекста.

Ключевые слова: контекст, контекстуальный анализ, комментированное чтение.

V. P. Moskvin

CONTEXTUAL ANALYSIS IN THE PRACTICE OF COMMENTED READING (using the example of poetic texts)

Annotation. The article is devoted to contextual analysis in the practice of commented reading on the example of poetic texts. The paper highlights the most linguometodically significant types of context.

Key words: context, contextual analysis, commented reading.

Комментирование текста, приближающееся к современному пониманию этой процедуры, представлено в трудах Иоанна Златоуста (IV – нач. V в.), Евстафия Фессалоникийского (XII в.) и др. ученых прошлого.

Содержание стихотворного текста по сравнению с прозаическим бывает более размытым, инкогерентным, прежде всего по причине необходимости соблюдения:

1. Размера, отсюда активность инверсии, которая, по оценке британского просветителя Бэды Достопочтенного (ок. 674–735), зачастую «полностью разрушает всю фразу» [Bede 1991: 25], ср.: *в полуденном поздняя небе нелепа луна* (А. Цветков. [Д]испетчер погоды грозу громоздит из угла..., 2006).

2. Рифмы. Так, в частушке рифма оказывается «нужна там, где больше нечем объединять реалии» [Смирнов 2008: 85], ср.: *Из колодца вода льется, Вода волноватая. Мил напьется, подерется, А я виноватая.*

Необходимость поддержания размера, рифмы, а также аллитерации и ассонанса накладывает существенные ограничения на выбор слов и на их порядок

Смысловая размытость, инкогерентность стиха всегда воспринимались аналитиками как некая норма, своего рода «поэтическая вольность» (в античном смысле этого старинного термина). Так, римский филолог IV в. Сервий Гонорат в числе поэтических вольностей называет семантические переносы: «translatio est per poeticam licentiam facta» ‘через поэтическую вольность производятся переносы’ [Servius 1881: 34 / Aen. I, 54: 25–26], причем поэтические переосмысления бывают необычны и сложны для понимания, ср.: *я запускаю в проволочный космос // свой медный грош, увенчанный гербом* (И. Бродский. Postscriptum, 1967), речь идет о телефонном аппарате и двухкопеечной монете.

Обилие смысловых и иных аномалий, характерное для стихотворного текста, требует истолкования, с этой целью традиционно применяется контекстуальный анализ, который может быть определен как интерпретация языкового элемента с опорой на его окружение. Назовем и рассмотрим типы контекста, наиболее значимые в лингвометодическом отношении.

1. **Словесный контекст.** Термин *контекст* в его современном понимании восходит к учению Мартина Лютера (1483–1546), который утверждал: «Scriptura Sacra sui ipsius interpres» ‘Священное Писание интерпретируется **через себя**’ (ср.: Luther 1546: 100), т. е. через контекст, в частности «широкий контекст (totius contextus)» как «ключ (clavis)» к темным местам текста, в связи с чем Маттиас Флациус (1520–1575), младший сподвижник М. Лютера, пишет: а) часть поддается осмыслению только с опорой на целое и наоборот (эта методика анализа известна как принцип герменевтического круга): так, для толкования частей текста, каковыми являются переносные выражения и иные темные места (loci obscuri), «рассматриваются содержание и широкий контекст», т. е. целое; б) «сумма частей текста подчинена замыслу», как тело — голове (Flacius 1567: 17, 23). В настоящее время по объему принято различать: 1) макроконтекст, или широкий контекст, представляющий собой «сочетание периодов» или «законченное целое» [Ларин 1923: 70]; 2) микроконтекст, реализуемый синтаксической сочетаемостью слова, т. е. связями, возникающими при управлении, согласовании и примыкании, ср. *золотые монеты* и *золотые листья*. Учащийся должен различать: а) опорный контекст (*монеты* и *волосы*); б) слово-носитель переноса (эпитет *золотые* во втором словосочетании). В зависимости от опорного контекста смысл прилагательного *золотые* будет либо прямым, либо переносным, в нашем случае — метафорическим. Полезный в методическом плане «полигон» для рассмотрения более сложных случаев этого же типа представляют собой стихи позднего О. Мандельштама, в которых, как известно, доминирует «установка на загадку» [Ронен 2002: 28], напр.:

Флейты греческой тэта и йота —
Словно ей не хватало молвы —
Неизваянная, без отчета,
Зрела, маялась, шла через рвы.

О. Мандельштам.

«Флейты греческой тэта и йота...» (1937)

Первый стих считается темным. М. Л. Гаспаров признается: «Почему именно тэта и иота связывались для Мандельштама с флейтою, мы не знаем» [Гаспаров 1996: 120]. Можно, однако, предположить, что спорная строка содержит графическую метафору, ср. *дельта реки, жища рта* (Л. Ржевский. Дина. Записки художника), по этой же формуле переноса: *тэта и йота флейты*. Опорным контекстом является словоформа *флейты*, носителем переноса — сочетание слов *тэта и йота*. Образ «греческой флейты» (αὐλός) возникает при соединении двух графем: а) «Θ» греч. ‘тэта, тета, фита’, изображающей раструб; б) «I» ‘йота’, изображающей трубку.

Темной считается последняя строка следующего четверостишия:

Я смотрел, отдаляясь, на хвойный восток,
Полноводная Кама неслась на буюк.
И хотелось бы гору с костром отслоить,
Да едва успеваешь леса посолить.

О. Мандельштам.

«Я смотрел, отдаляясь, на хвойный восток...» (1935)

Судя по контексту, смысл стиха должен быть таков: ‘<хотел съесть глазами, но> успел <лишь> посолить’. В основе данной очень непривычной образной структуры лежит вполне узнаваемая метафора *есть (поедать, пожирать) глазами (взглядом)* ‘разглядывать’, сов. *съесть (сожрать) глазами (взглядом)* ‘рассмотреть’, которая уподобляет визуальное восприятие приему пищи. Известно, однако, что далеко не всякая еда предполагает использование соли, поэтому обозначение «поедания глазами» через предварительное посыпание солью придает образу известную степень герметичности.

Приведем и охарактеризуем иные пояснения спорного стиха:

А. «Леса посолить — *глаза посолить* [курсив наш. — В. М.]. Соль — это суть, самое главное, острая приправа к мысли и зрению» [Беневич, Шуфрин 1990: 246]. На наш взгляд, данная трактовка лишена правдоподобия.

Б. «[М]орская и лесная стихии у Мандельштама скрещиваются» [Сошкин 2004: 76]. К сожалению, комментатор не раскрывает смысл «скрещенного» образа *леса посолить*, к тому же «морская стихия» не вписывается в контекст.

В. Выражение *леса посолить* означает «желание запомнить виденное (*посолить* в памяти лес)» [Гаспаров 2001: 661–662]. Принять данную трактовку мешает следующая неувязка: *посолить* ‘засолить (грибы, огурцы)’ — процесс длительный, *посолить* же ‘посыпать солью’ — краткий (ср.: *Да едва успеваешь...*), что более соответствует быстроте пробега пейзажей вдоль несущейся Камы. Истолкование Гаспарова также не вписывается в контекст.

Анализ словесного контекста необходим и для правильного произношения орфоэпических архаизмов, которые хранит стихотворная классика, ср.:

Уже противных скал достиг,
Уже хватается за них...

А. С. Пушкин. Кавказский пленник (1822)

Здесь «на месте *z* надо читать *x*» [Аванесов 1981: 41]. Как известно, орфоэпический славянизм /γ/ был характерен для высокого произносительного стиля XVIII — первой половины XIX в.

2. **Вертикальный контекст** (термин Ю. Кристевой), роль которого играет прецедентный текст, выявляемый в процессе интертекстуального анализа.

3. **Ситуативный контекст**. Здесь принято ссылаться на определение, принадлежащее британскому антропологу Брониславу Малиновскому (1884–1942): ситуативный контекст («context of situation») означает, что «ситуация, в которой слова произнесены, никак не может быть проигнорирована как иррелевантная для языкового выражения» [Malinowski 1923: 306]. Еще Иоанн Златоуст (ок. 347–407) указал на то, что при пояснении темных мест текста предметом изучения должны стать факты («ιστορία»), т. е. фоновая фактологическая информация, в частности конситуация (контекст ситуативный, биографический, политический, исторический и др.). Свои предписания Иоанн Златоуст изложил в форме беседы учителя с учеником: «Что <в тексте> неясно (ἄσαφές), поведай мне! Изучи и проясни факты (ιστορία), чрез них о неясностях задайся вопросами» (Chrysostomos 1838: 611 / Ad Thessal. III, 3). Облигаторным аспектом анализа неясной номинации является ее конситуативное тестирование, т. е. соотнесение с политической ситуацией, с биографической информацией об авторе, etc.

Рассмотрим с учетом всех трех типов контекста, указанных нами, стихотворение О. Мандельштама «Увы, растаяла свеча... Новеллино» (1932). Темным считается следующий фрагмент данного текста:

Вы помните, как бегуны
У Данта Алигьери
Соревновались в честь весны
В своей зеленой вере.

Анализ начнем с конситуативной справки: «Победители веронских народных бегов [...] получали отрез лучшего **зеленого сукна** в шесть локтей [...]» [Голенищев-Кутузов 1967: 519]. С учетом данного факта выражение **зеленая вера** должно быть рассмотрено как содержащее метонимический эпитет, его смысл может быть раскрыт следующей пояснительной разверткой: *зеленая вера* → *вера в победу, несущую получение зеленого сукна как награды*. Правдоподобие предложенного нами пояснения подтверждают: а) ранний вариант спорного четверостишия: *Вы помните, как бегуны // В окрестностях Вероны // Уже разматывать должны // Кусок сукна зеленый?* (О. Мандельштам. *Вы помните, как бегуны...*, 1932); б) прецедентный текст: *Он обернулся и бегом помчался, // Как те, кто под Вероною бежит // К зеленому сукну, причем казался // Тем, чья победа, а не тем, чей стыд* (Данте. «Божественная комедия», кантик «Ад», XV: 121–124, перев. М. Лозинского).

Приведем иные трактовки изученного нами стиха, обе принадлежат Вяч. Вс. Иванову [Иванов 2000: 425–426]:

А. «Что же касается слова *вера*, то оно призвано воспроизвести [...] звучание, а не значение итальянского *verde* “зеленый” [...]. Мандельштам в это время увлечен

итальянским языком и пробует в своих стихах и переводах передать по-русски его звучание». По поводу данной трактовки заметим, что методика анализа текста через межъязыковую омонимию может приводить к сомнительным результатам (на что, в частности, указано в работах: [Лихачев 1976: 203–210; Ронен 2002: 37], попытка же «передать по-русски» звучание итальянского языка предполагает в читателе основательное знание данного языка, при этом пропуск звука (*verde* → *vera*) существенно усложняет задачу.

Б. «Слово *vera* для Мандельштама [...] могло ассоциироваться и с тем диалектным *вера* “трава”, которое использовано в хлебниковском “Кузнечике” и пояснено в примечании автора к этому тексту: в этом случае сочетание “в своей зеленой вере” соответствует “зеленым лугам” [...]». Данная трактовка содержит неточность: в стихотворении В. Хлебникова «[...]» речь идет о кузнечике-насекоме, хищнике, питающемся и “травами” и “*верами*”, т. е. представителями различных видов *фауны* [курсив наш. — В. М.]» [Григорьев, Парнис 1986: 661].

4. **Метрический контекст**, анализ которого предполагает ознакомление: а) с понятием ‘метр’; б) с методикой скандовки [лат. *scandere* ‘шагать, измерять длину чего-л. в шагах или стопах’] — симметричной расстановки метрических ударений, ср.: *Как правы все твои судьбы!* (Ф. Н. Глинка. Карелия, или заточение Марфы Иоанновны, 1830); *Лепид, Октавий, Марк Аврелий Судьбы завтра изрекут: Иль самовластие на троне, Или свободный Рим и Брут* (А. И. Полежаев. Видение Брута, 1833). Выводы таковы: а) формы множ. ч. от имени сущ. *судьба* в значении ‘Божья воля, решение, суд’ имеют флексийное ударение; б) метрический контекст сохраняет старшую норму ударения. При метрическом анализе важно группировать материал. Рассмотрим с этой точки зрения, к примеру, следующие стихи:

Где в тучах прячутся скалы...

М. Ю. Лермонтов. Мцыри (1839)

Безмолвно, как звезды в ночи...

Ф. И. Тютчев. Silentium! (1829)

Типовые задания к текстам, содержащим акцентные архаизмы, целесообразно подчинить эвристическому принципу, напр.:

1. Найдите слова, требующие акцентологического комментария.

2. Подумайте, что объединяет следующие слова: *судьба́* в значении ‘суд Божий’, *скала́*, *звезда́*, *клешня́*, *шестерня́*, *кобура́* (подсказка: обратите внимание на концовку).

3. Определите старшую норму ударения для слов данного морфонологического класса (т. е. для слов с ударной концовкой /-á/). Ответ: им. множ. *клешнИ*, *шестернИ*, *кобурЫ* — как устар. *звездЫ*. 4. Оцените с точки зрения литературной нормы акцентные варианты *клéшни*, *шéстерни* и *ка́буры* (ответ: это просторечные варианты).

5. Подумайте, в каких текстах хранится старшая норма и почему полезно иногда перечитывать стихотворную классику.

Группировка однородного материала позволит выявить морфонологические классы, а значит: 1) заметно расширить объем усвоенного материала; 2) придать усвоению осмысленный характер; 3) внедрить понятие старшей нормы, напр.: а) *клешни, клешнями* — как устар. *звезды, звездами*; б) *звонит, включит, облегчит, углубит* (глаголы на *-ить*) — как устар. *катит*, ср.: *Катит по-прежнему телега* (А. С. Пушкин. Телега жизни, 1823); *Оглянуться не успела, Как зима катит в глаза* (И. А. Крылов. Стрекоза и Муравей, 1808).

При использовании такой методики учащиеся усвоят литературную норму не для отдельной произвольно взятой лексической единицы, а для целого морфонологического класса.

ЛИТЕРАТУРА

Аванесов Р. И. Нормы русского литературного произношения в их историческом развитии // *Русская речь*, 1981. № 3. С. 38–43.

Беневич Г., Шуфрин А. Из книги «Введение в поэзию Мандельштама» // *Вестник русского христианского движения*. Paris, 1990. № . 160. С. 221–250.

Гаспаров М. Л. Комментарии // *Мандельштам О. Стихотворения. Проза*. Москва & Харьков, 2001. 604–710.

Гаспаров М. Л. О. Мандельштам. Гражданская лирика 1937 года. Москва, 1996.

Голенищев-Кутузов И. Н. Примечания. Ад // *Данте Алигьери. Божественная комедия*. М., 1967. С. 496–559.

Григорьев В. П., Парнис А. Е. Примечания // *Хлебников В. Творения*. М., 1986. С. 653–714.

Иванов Вяч. Вс. «Вы помните, как бегуны...»: Данте, Мандельштам и Элиот // *Иванов Вяч. Вс. Избранные труды по семиотике и истории культуры: В 7 т. Т. 2*. М., 2000. С. 423–435.

Ларин Б. А. О разновидностях художественной речи. Семантические этюды // *Русская речь. Сб. статей / Под ред. Л. В. Щербы*. I. Петроград, 1923. С. 57–95.

Лихачев Д. С. Гипотезы или фантазии в истолковании темных мест «Слова о полку Игореве» // *Звезда*, 1976. № 6. С. 203–210.

Ронен О. Поэтика О. Мандельштама. Санкт-Петербург, 2002.

Смирнов И. П. Олитературенное время: (гипо)теория литературных жанров. СПб., 2008.

Сошкин Е. Горенко и Мандельштам // *Wiener Slawistischer Almanach*. Vol. 53. 2004. P. 73–129.

Bede Libri II De arte metrica et De schematibus et tropis. Saarbrücken, 1991.

Chrysostomos J. In Epistolam secundam ad Thessalonicenses commentarius. In: *Chrysostomos J. Opera omnia quae extant*. T. 11. Parisiis, 1838. P. 590–631.

Flacius M. Clavis Scripturae, seu de sermone sacrarum literarum. Vol. 2. Basileae, 1567.

Luther M. Assertio omnium articulorum per Bullam Leonis X // *Luther M. Tomus secundus omnium operum*. Witebergae, 1546. P. 99–120.

Malinowski B. The problem of meaning in primitive languages // *The meaning of meaning. A study of the influence of language upon thought and of the science of symbolism* by C. K. Ogden & I. A. Richards. With supplementary essays by B. Malinowski and F. G. Crookshank. New York, 1923. P. 296–336.

Servii Grammatici qui feruntur in Vergilii carmina commentarii. Vol. 1. Aenidos librorum I–V commentarii. Lipsiae: In Aedibus B. G. Teubneri, 1881. 650 p.

И. В. Поповичева

**КУЛЬТУРНО-МАРКИРОВАННАЯ ЛЕКСИКА
НА УРОКАХ РКИ
(практический аспект изучения)**

Аннотация. В статье рассматривается культурно-маркированная лексика как предмет изучения на уроках РКИ. Обращается внимание на то, что национально-культурные языковые единицы требуют особого внимания: их знание, правильное понимание и усвоение во многом определяет коммуникативную и лингвострановедческую компетентность обучающихся. В статье описаны способы семантизации этнолексем и презентации связанных с ними культурных коннотаций, лингвокультурологических и этнографических сведений. На конкретных примерах приводятся возможные виды работ, заданий и упражнений, направленные на формирование речевых навыков и умений иностранных студентов, расширение их страноведческого кругозора, повышение эффективности обучения с помощью познавательного интереса к культуре и истории страны изучаемого языка.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, культурно-маркированные языковые единицы, русская этнокультурная лексика, культурные коннотации, лингвострановедческая компетентность.

I. V. Popovicheva

**CULTURALLY MARKED VOCABULARY
IN THE LESSONS OF THE RCT
(practical aspect of the study)**

Annotation. The article considers culturally marked vocabulary as a subject of study in the lessons of Russian as a foreign language. Attention is drawn to the fact that national-cultural linguistic units require special attention: their knowledge, correct understanding and assimilation largely determines the communicative and linguistic competence of students. The article describes the methods of semanticizing ethnolexemes and the presentation of related cultural connotations, linguoculturological and ethnographic information. Using concrete examples, possible types of work, tasks and exercises aimed at the formation of speech skills and abilities of foreign students, expanding their regional outlook, improving the effectiveness of learning through cognitive interest in the culture and history of the country of the language being studied are given.

Key words: Russian as a foreign language, culturally marked linguistic units, Russian ethno-cultural vocabulary, cultural connotations, linguistic and cultural competence.

Изучение иностранного языка во взаимосвязи с культурой, историей и мировоззренческой системой его носителей является одним из актуальных аспектов современной лингводидактики. Как и в преподавании других языков, в РКИ национально-культурные языковые единицы требуют особого внимания: их знание, правильное понимание и усвоение во многом определяет коммуникативную и страноведческую компетентность обучающихся.

Традиционно к культурно-маркированным языковым единицам относят слова, фразеологизмы, устойчивые словосочетания и выражения, «обладающие экстралингвистическим фоном и вследствие этого являющиеся источником социокультурной информации о народе изучаемого языка» [Яшина 2009], как синонимы в научных работах также используются термины 'национально-культурные единицы' [Гак 1999: 260], 'реалии' [Томахин 1997: 54], 'этнолексика' [Манликова 1989], 'лексические единицы с культурным компонентом', 'национально-окрашенные лексические единицы', 'культурно-специфические лексические единицы', 'национально-специфическая лексика' и т. п. [Яшина 2009 и др].

Хотя лексика, обозначающая этнографические и национально-специфические понятия и реалии, в большинстве своем не является обязательной для изучения в базовом курсе РКИ, она достаточно часто встречается в прецедентных текстах и неразрывно связана с страноведческой информацией, предъявляемой обучающимся [Васильева 2018: 170]. Так, знакомство иностранных студентов с русским фондом фразеологизмов и паремий, в состав которых входят названия предметов традиционной русской культуры, не представляется возможным без обращения к этнографическим и лингвокультурным сведениям. Например, смысл устойчивых выражений и пословиц '*толочь воду в ступе*', '*носить воду в решете*', '*Какова пряжа, такова и рубаха*', '*Хочешь есть калачи — не сиди на печи*', '*Любишь кататься, люби и саночки возить*', '*Тотовь сани летом, а телегу зимой*', '*С самоваром чай вкуснее, а беседа веселее*' и др. может быть адекватно понят инофонами только после ознакомления с соответствующей лингвокультурной информацией о лексемах *ступа*, *решето*, *пряжа*, *калач*, *печь*, *сани*, *самовар* и реалиях, которые они номинируют.

В процессе работы с такого типа лексикой расширить словарный запас и снять трудности, связанные с недостатком фоновых знаний, помогают следующие формы работ, заданий и упражнений, встроенные в традиционную схему поэтапного обучения лексике (презентация — усвоение — повторение, контроль, активизация):

1. Презентация. Семантизация. Интерпретация культурных коннотаций. Общеизвестно, что наиболее эффективным средством семантизации этнокультурной предметной лексики является наглядность. При этом презентацию изображения целесообразно дополнить словесным описанием реалий на русском языке и информационным комментарием, который может быть представлен в виде рассказа преподавателя или заранее подготовленного студента о предмете. В сочетании с серией рисунков (фотографий) о назначении, значимых характеристиках, времени бытования, текст комментария должен быть интересным для слушателей, а его языковое наполнение должно соответствовать уровню языковой подготовки обучающихся.

Поскольку этнокультурная лексика обладает большим информационным объемом и в системе национальной лингвокультуры маркирована исторически сложившимися смысловыми и ассоциативными связями, обязательным компонентом презентации также являются 1) сообщение социокультурных сведений, 2) интерпретация культурных коннотаций, 3) объяснение значений и ситуационных контекстов фразеологизмов и паремий, в состав которых входит данная лексика. Например, работая со словом *решето*, следует обратить внимание на то, что сам

предмет был когда-то в каждом крестьянском доме и использовался для просеивания муки, но сегодня используется редко. При этом слово по-прежнему известно всем русскоговорящим и встречается в устойчивых сравнениях, фразеологизмах, русских народных пословицах и поговорках с определенной культурной коннотацией. Так, фразеологизм *‘носить воду в решете’* имеет значение “бессмысленно повторять какие-либо бесполезные действия” (неслучайно в старых русских сказках отрицательные персонажи давали задание героям носить воду в решете, так как были уверены, что это невыполнимое задание, поэтому сказочные герои должны были проявить ум и находчивость, чтобы справиться с этой работой); сравнение *‘как решето’* употребляется, когда говорят о чем-либо дырявом, старом, плохом (*‘старая крыша как решето’* — имеет много дыр, дырявая; *‘память как решето’* — о плохой памяти у кого-либо, о том, кто всё забывает), фразеологизм *‘чудеса в решете’* — “о чем-либо необычном, удивительном” (вероятно, связан с тем, что в давние времена решето было символом плодородия и предметом ритуальных действий).

2. Усвоение. Закрепление. На этом этапе обучающимся предлагается выполнить упражнения и задания на формирование лексического навыка и усвоение страноведческих знаний. Например:

назвать предмет, который изображен на слайде;

продолжить объяснение слова (словосочетания) (*калач* — русский белый ...; *самовар* — предмет (сосуд), в котором кипятили... для ...);

добавить/подобрать к существительным 2–4 определения (*самовар* — *старый, русский, горячий, большой, тульский*; *сани* — *большие, красивые, царские, волшебные, крестьянские*; *саночки* — *небольшие, детские, деревянные*; *пряха* — *рудолюбивая, ленивая, молодая*; *калач* — *вкусный, сладкий, московский*);

составить и записать текст, употребив предложения в правильном порядке (например: 1. *Родиной самовара считают русский город Тулу.* 2. *Русский самовар известен во всем мире.* 3. *Потому что первая фабрика, на которой начали делать самовары, была открыта в Туле в 1778 году.* 4. *Когда-то самовар был в каждой русской семье.* 5. *Самовар — это символ доброго русского гостеприимства.* 6. *Каждый день вся семья собиралась вокруг самовара, а в праздничные дни приходили гости и соседи*);

соединить слова так, чтобы получилось прецедентное идиоматическое выражение, пословица, поговорка (*самоваром, со своим, не ездят, в Тулу; сани, не садись, в чужие*);

назвать качества человека, на которые указывает фразеологизм или поговорка (*Мало каши ел; У него память как решето*);

соединить разрозненные части пословиц;

отгадать пословицы по двум словам (*кататься* — *возить, пряха* — *рубаха, каша* — *наша*);

подобрать фразеологизм, пословицу, поговорку, соответствующую картинке; прокомментировать значение фразеологизма, пословицы, поговорки;

назвать одну из запомнившихся русских народных пословиц, объяснить ее значение, сказать, в каких случаях она употребляется и почему именно эта пословица запомнилась больше всего;

составить рассказ по пословице;
рассказать, что узнали о русской истории, культуре благодаря словам, с которыми познакомились на уроках.

3. Повторение и контроль. Проверка усвоенных знаний может быть в форме теста, работы с адаптированным текстом, решения кроссвордов, отгадывания загадок (типа: *‘Круглое, широкое. Дыр много, а пролезть нельзя’*, *‘Стоит на кухне золотой король. Чай пить изволь!’*, *‘С горки сами вниз летят, а на горку не хотят’*, *‘Выпекаются в печи, круглые, но не мячи. Не ватрушки и не плюшки, что же это?’*).

На этом этапе целесообразно использовать методы и приемы, способствующие формированию исследовательских умений обучающихся: проблемно-поисковый и проектный методы (например, подготовить презентацию на тему: «Наименования блюд русской кухни», «Русские сувениры», «Названия предметов крестьянского русского дома», «Музеи русского самовара», «Словарик этнокультурной лексики» и т. д.).

Успешному сохранению в памяти лингвострановедческих знаний способствуют внеаудиторные формы работы: викторины по русской культуре, экскурсии в краеведческий или этнографический музей. Настоящие предметы крестьянского быта, этнографические экспозиции, традиционная русская одежда, изделия русский мастеров вызывают большой интерес у иностранных учащихся, а полученные знания расширяют их страноведческий кругозор, повышают познавательный интерес, позволяют увидеть культурные и исторические параллели.

Таким образом, знакомство с русской этнокультурной лексикой в контексте этнографических и исторических сведений, смысловых и ассоциативных связях — важный этап формирования коммуникативных и страноведческих компетенций иностранных студентов, изучающих русский язык. Лингвострановедческий материал повышает интерес к культуре и истории изучаемого языка, развивает языковые навыки, создает атмосферу непосредственной причастности к изучаемому национальному языку.

ЛИТЕРАТУРА

Васильева Ю. А. Лингвострановедческое описание страноведчески ориентированной лексики в обучении русскому языку как иностранному // Устойчивое развитие науки и образования. 2018. № 2. С. 168–175.

Гак В. Г. Национально-языковая специфика меронимических фразеологизмов // Фразеология в контексте культуры. М., 1999. С. 260–268.

Манликова М. Х. Ассоциативный словарь русской этнокультуроведческой лексики / Под ред. Л. А. Шеймана. Фрунзе, 1989. 117 с.

Томахин Г. Д. Реалии в языке и культуре [Электронный ресурс] // Иностранный язык в школе. 1997. № 3. (URL: <https://naukarus.com/realii-v-kulture-i-yazyke-realiya-predmet-i-realiya-slovo#> (дата обращения: 05.01.2023)).

Яшина М. Г. Приемы и методы исследования культурно-маркированной лексики (на материале итальянского языка) [Электронный ресурс] // Rivista Telematicadel Dipartimento di Linguisticadell ‘UniversitàdiPisa, 2009, № 7. (URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodika-issledovaniya-kulturno-markirovannoy-leksiki> (дата обращения: 05.01.2023)).

У Мэн

**К ВОПРОСУ
О СОВРЕМЕННЫХ КИТАЙСКО-РУССКИХ СЛОВАРЯХ:
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ***

Аннотация. В последние годы в исследовании китайско-русских словарей наметились новые тенденции, наиболее очевидным из которых является процесс его цифровизации. В рамках статьи рассмотрена актуальность исследования китайско-русских словарей, проанализировано современное состояние исследований по данной теме, и выявлены существующие проблемы и перспективы развития цифровизации китайско-русских словарей.

Ключевые слова: китайско-русский словарь, цифровизация, БКРС, лексикография, мультимедийные элементы

Wu Meng

**ON THE ISSUE
OF MODERN CHINESE-RUSSIAN DICTIONARIES:
PROBLEMS AND PROSPECTS**

Annotation. In recent years, new trends have emerged in the study of Chinese-Russian dictionaries. The most obvious of trends is the dictionary's digitalization. The article considers the relevance of the study of Chinese-Russian dictionaries, analyzes the current state of research on this topic, and identifies existing problems and prospects for the development of Chinese-Russian dictionary's digitalization.

Key words: Chinese-Russian dictionary, digitalization, BKRS, lexicography, multimedia elements.

В последние десятилетия все больше россиян предпочитают изучать китайский язык как свой первый иностранный язык. Особенно после того, как экзамен по китайскому языку был впервые включен в ЕГЭ по иностранным языкам в 2019 г., количество русских, изучающих китайский язык, чрезвычайно быстро растет. А значит, растет и потребность в учебных ресурсах, помогающих осуществлять обучение китайскому языку более эффективно и качественно. Среди всех видов учебных материалов для изучения языков нельзя игнорировать роль словарей. Как сказал М. С. Гусев: «При изучении любого иностранного языка важнейшим подспорьем и главным товарищем для учащегося, безусловно, является двуязычный словарь» [Гусев 2018: 51]. Несомненно, исследование о современных китайско-русских словарях для того, чтобы удовлетворения потребностей растущих пользователей в изучении китайского языка в русскоязычных странах, становится все более актуальным.

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта, выделенного Фондом общественных наук провинции Цзянсу КНР по «Исследованию теории китайско-русских учебных словарей для обучения китайского языка как иностранному» (22YYC007).

Китайско-русские словари также можно разделить на энциклопедический и лингвистический, универсальный и специализированный, толковый и переводный, обычный и визуальный и т. д. Самым популярным видом из них, безусловно, является обычный универсальный толковый китайско-русский словарь, который не только помогает пользователям усвоить китайские иероглифы и слова, но и в наибольшей степени отражает языковую картину китайского народа [У Мэн 2020]. Ведь такой словарь, подобный одноязычному толковому словарю, охватывает как можно больше лексики и лингвистической информации. Поэтому в данной статье мы рассматриваем только обычные универсальные толковые китайско-русские словари (в дальнейшем КРС).

История составления КРС насчитывает более 200 лет. Самые ранние КРС были составлены русскими китаеведами в XIX веке (время составления русско-китайских словарей было еще ранее), такими как В. П. Васильев, Д. А. Пещуров, П. И. Кафаров, П. С. Попов. В XX веке, который называется периодом «расцвета» в истории составления китайско-русских словарей, был издан ряд высококачественных КРС, например, «Большой китайско-русский словарь» под ред. И. М. Ошанина, «Китайско-русский словарь» под ред. Б. Г. Мудрова и т. д. А составление КРС китайскими лексикографами началось относительно поздно. Принято считать первым КРС, составленным китайцами, «Китайско-русский словарь» под ред. профессора Шанхайского университета иностранных языков Ся Чжонъи в 1977 году. Этот словарь много раз переиздавался, и в настоящее время является самым авторитетным и влиятельным китайско-русским словарем в Китае.

Развитие китайско-русских словарей в XXI веке идет немного иначе. В последние десятилетия мы наблюдаем движение от печатных словарей к электронным, доступным через веб, настольные или мобильные приложения. А число изданных бумажных КРС медленно сокращается. На сайте Российской государственной библиотеке (дата обращения: 20.11.2022) мы нашли 37 китайско-русских словарей, изданных в 21 веке, в том числе 17 универсальных толковых КРС. Но большинство из них представляет собой переизданные словари прошлого века, и новых словарей выпускается очень мало. При этом самыми популярными и влиятельными КРС сегодня по-прежнему являются словарь под ред. И. М. Ошанина и словарь под ред. Б. Г. Мудрова. Другими словами, за последние два десятилетия лексикографическая практика о составлении КРС развивалась медленно, а быстро обновлялся лишь носитель словаря. Ведь большинство существующих электронных словарей являются лишь цифровыми копиями своих печатных «предков».

Такое же явление происходит и в Китае. На сайте Национальной библиотеке Китая (дата обращения: 20.11.2022) мы нашли 19 китайско-русских словарей, изданных с 2000 г., в том числе 5 универсальных толковых КРС. Кроме этого, на сайте Китайской национальной инфраструктуры знаний CNKI, подобной РИНЦ, за 44 года (с 1978 г. до ноября 2022 г.) были опубликованы только 40 научных статей об исследовании КРС. А в то же время были опубликованы 134 научных статьи об исследовании русско-китайских словарей. Следует отметить, что большинство этих статей являются анализом конкретного КРС, тогда как статей,

посвященных теоретическим исследованиям о КРС, очень мало. Профессор Чэнь Чусян в 2001 г. уже отметил, что издание китайско-русских словарей и исследование теории их составления являлись слабым звеном в исследовании русских двуязычных словарей в Китае [Чэнь Чусян 2001]. Но, очевидно, что на такую актуальную тему сегодня еще не обращается большое внимание. Следовательно, теоретическая и практическая лексикография в аспекте составления КРС в Китае в этот период развивалась чрезвычайно медленно.

Из вышеизложенного мы видим, что исследование и разработка бумажных КРС практически впали в «застой». Хотя некоторые ученые до сих пор настаивают на незаменимости бумажных словарей, но нам нельзя игнорировать тот факт, что с развитием компьютерных технологий люди все больше склоняются к использованию электронных словарей. В. П. Селегей даже утверждал, что «фундаментальные (лучшие) бумажные словари — неизбежно словари устаревшие», «компьютерная лексикография — это неизбежно актуальная лексикография» [Селегей 2002]. Более того, последние опросы также показывают, что современная молодежь более склонна к использованию электронных словарей [Лян Сюе 2021].

Хотя уровень оцифровки большинства КРС в целом невысок, но Россия добилась большего успеха, чем Китай, в продвижении оцифровки КРС. Типичным примером является онлайн-словарь 大БКРЯ (dabkrs.com), который представляет собой электронный вариант четырехтомного «Большого китайско-русского словаря» под ред. И. М. Ошанина. Этот словарь не только широко используется русскими, изучающими китайский язык [Остроумова 2021], но также очень популярен среди русистов в Китае. Он уже стал первым выбором русистов в Китае и китаистов в России. Успех 大БКРЯ показывает, что электронные словари пользуются большей популярностью у пользователей благодаря его удобству, быстрой скорости обновления и полноте информации.

Но в то же время онлайн-словарь 大БКРЯ имеет и множество недостатков. Например, в связи с тем, что каждый пользователь может добавлять новую словарную статью на этом сайте и править любую информацию на странице, качество словарных статей трудно гарантировать. А на протяжении многих веков словари пользовались авторитетом, ими часто восхищались и почитали с благоговением, а статус «словаря» в некоторых странах можно было сравнить со статусом светской Библии. Но на сайте 大БКРЯ часто встречаются с ошибочным толкованием, например, словосочетание «ситцевая свадьба» в этом словаре толкуется не «год жизни в браке», а «пять лет жизни в браке» (дата обращения: 20.11.2022). Такие ошибки, конечно, негативно влияют на авторитет словаря. Кроме этого, в одной словарной статье на этом сайте часто помещаются слишком много информации или даже повторяется одна и та же информация несколько раз, что приводит к беспорядку и мешает пользователям быстро найти нужную информацию.

В процессе пользования такого вида онлайн-словаря у нас возникает ряд вопросов о развитии будущей компьютерной лексикографии:

1. Существует ли необходимость разделить словари на энциклопедический и лингвистический, универсальный и специализированный, толковый и перево-

дний, обычный и визуальный, когда цифровизация словаря уже решила проблему неудобности носить с собой словарь большого объема?

2. Нужно ли ограничить объем словарной статьи на электронных носителях? Или чем больше информации, в частности примеров употребления, в словарной статье, тем лучше?

3. Подходит ли использовать макроструктуру и микроструктуру бумажного словаря в электронном, где могут помещаться не только письменные буквы и визуальные картины, но и звуки и видео, даже можно осуществляться диалог человека с машиной?

4. Можно ли улучшить процедуру разработки лексикографической работы, чтобы сократить время, затрачиваемое на составление словаря, и повысить скорость обновления словаря? И какими средствами?

5. Как определить авторские права на электронные словари, если каждый пользователь сможет участвовать в исправлении словаря?

Подобных вопросов еще много и будет больше в будущем. Но эти вопросы также позволяют нам увидеть перспективы исследования китайско-русских словарей. Хотя в некоторых западных странах уже начали обсуждать и разрешать эти проблемы о словарях английского языка, но подобных исследований в области китайско-русских словарей пока еще немного. Ведь в словарях разных языков используются разные типы письма, содержатся разные культурные традиции и отражаются лексикографические теоретические достижения разных стран [Цай Хунянь 2019], поэтому необходимо учитывать особенности китайского и русского языков при ответе на вышеперечисленные вопросы.

Таким образом, можно сделать вывод, что исследование китайско-русских словарей и их цифровизации представляется очень актуальным. В дальнейшем будут особенно перспективными такие научные исследования, как перестройка структуры электронного КРЯ и его словарной статьи, исследование о мультимедийных элементах в КРЯ с точки зрения когнитивного подхода, исследование по автоматической процедуре составления КРЯ и т. д.

ЛИТЕРАТУРА

Гусев М. С. VKRS.info — Феномен китайско-русской лексикографии // Лексикографическая копилка. Сборник научных статей. Санкт-Петербург, 2018. С. 51–58.

Остроумова П. Б. Преимущества использования онлайн-словарей в обучении китайскому языку // Инновации. Наука. Образование, 2021. № 26. С. 1279–1286.

Селегей В. П. Электронные словари и компьютерная лексикография // Новости искусственного интеллекта, 2002. № 1. С. 31–36.

У Мэн. Динамические характеристики лексикографической репрезентации концептов. Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2020. 188 с.

Цай Хунянь. Русский и китайский толковые словари: сходство и различие: автореф... дис. кан. филол. наук. М., 2019. 19 с.

大БКРЯ. URL: www.dabkrs.com (дата обращения: 20.11.2022).

陈楚祥(Чэнь Чусян). 俄语类双语词典发展的世纪回顾[J]. 辞书研究, 2001, (04):1–10.

梁雪(Лян Сюе). 基于资源建设的俄罗斯本土汉语学习者词典使用与需求调查[J]. 黑龙江教育(高教研究与评估), 2021(09):36–39.

Лэй Сивэй
Е. В. Захарова

ИЗУЧЕНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА В СОВРЕМЕННОМ КИТАЕ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. Данная статья посвящена рассмотрению проблемы преподавания, изучения и популяризации русского языка как иностранного в Китае. Актуальность настоящего исследования обусловлена беспрецедентно высоким уровнем развития китайско-российских отношений на данном этапе истории, поскольку динамика укрепления межгосударственных связей нового типа открывает большие возможности для распространения русского языка в Китае. Особое внимание в статье уделено анализу состояния русского языка в современном Китае и его перспектив в контексте реализации инициативы «Один пояс — один путь». Кроме того, обобщаются сделанные в новом столетии шаги по развитию русской филологии и укреплению двусторонних отношений во всех сферах жизни общества, способствующих популяризации русского языка и культуры в Китае и китайского языка в России. Данная работа будет полезна.

Ключевые слова: русский язык в Китае, китайско-российское сотрудничество, «Один пояс — один путь», стратегическое партнёрство.

Lei Serwei
E. V. Zakharova

LEARNING THE RUSSIAN LANGUAGE IN MODERN CHINA: STATUS AND PROSPECTS

Annotation. This article is devoted to the issue of teaching, learning, and popularizing Russian as a foreign language in China. The relevance of this study is due to the unprecedented development of China-Russia relations at this stage of history, as the dynamics of strengthening interstate relations of a new type opens up great opportunities for the spread of the Russian language in China. Special attention is paid in the article to the analysis of the Russian language in modern China and its prospects under the Belt and Road Initiative. In addition, this article summarizes the steps taken in the new century to develop Russian philology and strengthen bilateral relations in all spheres of society, contributing to the promotion of the Russian language and culture in China and the Chinese language in Russia. This work will be helpful.

Key words: Russian language in China, China-Russia relations, The Belt and Road Initiative, Strategic partnership.

После распада Советского Союза появилось новое российское государство и стало необходимо определить роль и место России в современном мире, особенно в отношениях с другими ведущими странами мира. Результатом этих поисков стало активное развитие российско-китайских отношений почти во всех областях, включая культурную и гуманитарную области. На пороге 21 века Россия получила реальный шанс возрождения как сверхдержавы. Правительством РФ

принят ряд активных мер в целях обеспечения стабильного развития экономики в стране и улучшения ситуации русского языка на постсоветском пространстве, что оказывает положительное влияние и на Китай. На протяжении 16 лет, с начала 21 века, по мере углубления китайско-российских партнёрских отношений стратегического взаимодействия и выдвинутой Китаем в 2013 году инициативы «Один пояс — один путь» наблюдается новый бум обучения русскому языку в КНР.

Изучение русского языка в современном Китае

Тенденция глобализации занимает преобладающее место после вхождения в 21 век. В условиях глобализации различные виды СМИ быстро развиваются, поэтому люди могут приобрести огромное количество информации по разным каналам, что чрезвычайно удобно для распространения и изучения языка. Россия быстро возрождается, и Китай тоже стабильно развивается непостижимыми темпами, тем более, эти две державы являются крупнейшими соседями в мире, так что сотрудничество между КНР и РФ занимает стратегическое положение и имеет колоссальное значение.

После того как председатель КНР Си Цзиньпин выдвинул инициативу стратегического сотрудничества «Один пояс — один путь», специальность «Русский язык» получила беспрецедентные возможности для развития в Китае. В качестве важного участника этой инициативы, Россия прилагает большие усилия в делах её продвижения. Китай и Россия всё более тесно сотрудничают в политической и экономической областях. По словам бывшего замминистра образования Лю Лиминя, «образование и преподавание русского языка в нашей стране тесно связаны с развитием её экономики и налаживанием внешних связей, имеет давнюю традицию и преимущество в устойчивом развитии. Вслед за устойчивым развитием всестороннего стратегического партнерства между Россией и Китаем, исследования русского языка также набирают силу» [Лю ли мин 2015: 3]. На девятом съезде ассоциации преподавателей русского языка и литературы Китая, проходившем в городе Цзинань, провинция Шаньдун, который состоялся 23–25 октября 2019 года, участники единодушно выразили большие надежды и оптимизм в отношении перспектив развития изучения русского языка в Китае.

В 21 веке обе страны уже провели много мероприятий, как, например, «Год России в Китае» в 2006 году, «Год Китая в России» в 2007 году, «Год русского языка в Китае» в 2009 году, «Год китайского языка в России» в 2010 году, «Год российского туризма в Китае» в 2012 году, «Год китайского туризма в России» в 2013 году, «Годы дружественных молодёжных обменов между Китаем и Россией» в 2014–2015 годах, «Годы обменов между китайскими и российскими СМИ» в 2016–2017 годах, «Годы регионального сотрудничества и обменов Китая и России» в 2018–2019 годах, «Годы российско-китайского научно-технического и инновационного сотрудничества» в 2020–2021 годах. В 2022 году в рамках Зимних Олимпийских игры в Пекине обе страны планировали сотрудничать в области физкультуры и спорта. Это планированием является «Годы китайско-российского сотрудничества в области физкультуры и спорта» в 2022–2023 годах. В последние годы сотрудничество

между Китаем и Россией в торгово-экономической, научно-технической и других областях постепенно входит в нормальную колею.

В последние десятилетия в Китае появилась новая волна изучения русского языка. Стремительное развитие экономических отношений между двумя странами стало движущей силой этого явления. По статистике, кроме города Хэйлунцзян (учебный центр русского языка), в Пекине и Шанхае тоже созданы центры обучения русскому языку. В настоящее время в Китае более 70 вузов обучают студентов по специальности «Русский язык», около 20 тысяч китайских студентов изучают русский язык как специальность.

Вышеприведённые данные демонстрируют, что в Китае значительно повысилась популярность русского языка. Однако при этом ещё существует немало проблем. Так, например, из-за территориальных ограничений спрос на таланты русского языка сосредоточен главным образом в Северо-Восточной приграничной области, предприятия также в основном ограничиваются такими отраслями производства, как древесина, нефть и т. д. Поэтому в умах людей сформировались такие понятия, как «рабочих мест для специалистов русского языка на рынке труда меньше», «искать работу надо на северо-востоке».

Вместе с тем одной из важных причин является также недостаточное распространение культуры России. С XXI века в Китае, как и во всём мире, наблюдается большой «корейский поток», в обществе сформировалась горячая волна изучения корейского языка. Причины состоят в том, что Корея распространяет свою культуру с помощью музыки и телевидения, что способствует знакомству людей с корейским языком, в результате чего зарождается интерес и любовь к этому языку. По сравнению с корейским языком, китайцы имеют гораздо более узкий доступ к русскому языку. Особенно за последнее десятилетие русская литература в Китае превратилась в чтение для малой публики. Для новых поколений читателей русская литература стала незнакомой, «чужой». В то же время, исследование также показало, что уровень распространения русских литературных произведений в разные времена существенно отличался и сегодня китайские читатели лучше всего знают произведения золотого века русской литературы 200–100 лет назад, но мало знают произведения современных писателей. Кроме того, русская песня, которую хорошо знают китайские люди, также принадлежит к прошлому веку («Подмосковные вечера», «Катюша» и т. д.). Русским фильмом, который люди с удовольствием обсуждают, является «Москва слезам не верит», вышедшая на экраны несколько десятилетий назад. Всё это в значительной степени связано с тем, что сама Россия недостаточно активно распространяет свою культуру в Китае.

В настоящее время диалог китайской и русской культур так важен, что проблемы развития русского языка часто являются предметом дискуссий языковедов, философов, культурологов, социологов, журналистов, литературоведов, учителей и преподавателей, представителей общественности, а также носителей языка, профессионально не связанных с филологической наукой. Как показывает практика, сотрудничество России и Китая имеет большой потенциал. В рамках китайско-российского стратегического сотрудничества обучение русскому языку очень важно для подготовки разных специалистов, владеющих русским языком и социально-политические реалии России и русскоговорящих стран.

Тенденция развития русского языка и его перспективы

Перспективы распространения русского языка в Китае в значительной степени зависят от уровня развития экономических связей между Китаем и Россией. Сегодня хорошие экономические отношения между двумя странами породили спрос на специалистов в области русского языка. Китай и Россия ежегодно заключают сотни контрактов в различных областях, всё больше китайских граждан приезжают в Россию путешествовать, растёт число проектов по образовательным обменам, открыты представительства китайских компаний в крупных городах России. Предполагаем, что спрос на обучение русскому языку в Китае будет продолжать расти. Для удовлетворения этой потребности фонд «Мир русского языка» уже открыл около 10 центров русского языка в университетах таких крупных городов Китая, как Пекин, Шанхай, Гуанчжоу, Далянь и т. д.

Сегодня русский язык занимает третье место среди иностранных языков в вузах Китая, после английского и японского. В средних школах и вузах наблюдается подъём в учёбе на русском языке, что объясняется прежде всего беспрецедентным уровнем сотрудничества и стратегического взаимодействия между двумя странами, а также огромными достижениями экономического сотрудничества и успешным взаимодействием в гуманитарной области.

Россия и Китай ввели и продолжают вводить много совместных учебных программ, в числе которых программа двойного диплома, подразумевающая изучение китайскими студентами русского языка. Китай также заинтересован в развитии научно-технического сотрудничества с Россией, главным образом в области физики, техники и естественных наук. Очевидно, что это невозможно без специалистов, владеющих русским языком.

С ростом богатого гуманитарного и экономического сотрудничества, взаимопонимание между народами двух стран будет и дальше углубляться, традиционная дружба между двумя странами будет расти с каждым днём, открывая русскому языку блестящее будущее.

ЛИТЕРАТУРА

Лапин П. А. Преподавание русского языка в вузах Китая на современном этапе: теоретико-прикладной аспект // Актуальные проблемы современности: материалы науч. конф. Благовещенск, 2013. С. 135–142.

Новикова А. К. Преподавание русского языка в Китае: этнометодические и этнокультурные особенности // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Вопросы образования: языки и специальность, 2011. № 1. С. 68–75.

Петров И. В., Складенко А. А. Преподавание русского языка в Китае на современном этапе: проблемы и перспективы // Русский язык в Китае, 2013. № 22. С. 195–202.

Топоркова Е. П. Оценка роли русского языка в свете современного развития российско-китайских отношений // Региональные проблемы, 2015. № 2. С. 77–81.

Топоркова Е. П., Чжоу Лися. Международные молодежные коммуникации России и Китая в современных условиях приграничья // Актуальные проблемы развития КНР в процессе её регионализации и глобализации. Чита, 2015. С. 217–228.

Ян Юнья

ЭТНОПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ КИТАЙСКОГО УЧАЩЕГОСЯ

Аннотация. С развитием сотрудничества между КНР и Россией, в Китае большое количество людей в качестве иностранного языка выбирают русский язык. В наше время изучение иностранного языка, безусловно, имеет важное значение. В данной статье обсуждается этнопсихолингвистический портрет китайского учащегося в процессе изучения русского языка.

Ключевые слова: этнопсихолингвистический портрет, русский язык, китайские учащиеся русского языка.

Yang Yunya

ETHNOPSYCHOLINGUISTIC PORTRAIT OF A CHINESE STUDENT

Annotation. With the development of cooperation between the PRC and Russia, a large number of people in China choose Russian as a foreign language. Nowadays, learning a foreign language is certainly important. This article discusses ethnopsycholinguistic portrait of a Chinese student while studying Russian.

Key words: ethno-psycholinguistic portrait, Russian language, Chinese learners of Russian language.

Как известно, этнопсихолингвистический портрет этнической языковой личности — это совокупность описания характеристик, которые отражены в речи языковой личности определенной этнической принадлежности.

Если говорить об изучении русского языка для китайцев, то нам необходимо заметить этнопсихолингвистический портрет китайского учащегося в процессе изучения русского языка, потому что этнопсихолингвистические факторы в большой степени влияют на учащихся. В данной статье мы будем обращать внимание на следующие вопросы, в том числе, жарактеристику китайской аудитории, изучающей русский язык, анализ типа темперамента китайских учащихся, анализ поведения китайских студентов в сравнении с русскими, анализ типичных ошибок в речевой деятельности, допускаемых китайскими учащимися (лексические, фонетические, грамматические, синтаксические). И надеюсь на то, что данное изучение имеет актуальное и практическое значение для соответствующего исследования.

Характеристика китайской аудитории, изучающей русский язык

По мере развитием экономики КНР, Китай играет все более важную роль в международном обществе. Россия для Китая является одним из главных торговых партнеров. «Российско-китайские многосторонние связи, в первую очередь

торговые, обеспечивают интерес к изучению русского языка со стороны китайских студентов» (Голик Мария Яковлевна, 2016), Россия — важный партнер Китая, поэтому для многих китайцев, чтобы общаться с русскими, создавать крепкие экономические отношения с ними, необходимо владеть русским языком и знать русскую культуру, более активно развивать межкультурную коммуникацию.

Во многих университетах Китая существуют такие специальности, как русский язык и русская литература, больше и больше людей выбирают эти специальности, чтобы узнать русскую литературу и культуру, и в то же время, самое главное — они хотят владеть русским языком, благодаря которому они могут лучше понимать русскую литературу и культуру, после окончания университета они имеют возможности устроиться на работу по специальности, например, в области международной торговли, преподавания русского языка и т. д.

Если говорить о ситуации русского языка в китайских школах, уже в некоторых китайских провинциях (например, Шаньдун, Хэнань и т. д.) уже созданы школы, в которых преподают русский язык школьникам. Очевидно, что русский язык постепенно распространяется на территории Китая, и с каждым годом все большее количество школьников и абитуриентов связывают свою жизнь с русским языком, и проявляют интерес к русскому языку и русской культуре. Китайцы с большим энтузиазмом окружают себя русской культурой. В последние годы в Китае вышли в прокат многие русские фильмы, например, «Лед», «Как я стал русским» и т. д.

В Китае многие люди уже знакомы с такими литературными произведениями, как повесть Островского «Как закалялась сталь», «Мать» Горького и многие другие, из этого можно сделать вывод, что советская литература произвела сильное впечатление на многих китайцев. Кроме того, у России и Китая существует общеполитическая обстановка, и это тоже является важным фактором того, что многие выбирают русский язык и любят русскую литературу.

И также с распространением выдвинутой концепции «Один пояс, один путь», Россия и Китай более тесно сотрудничают и прилагают все усилия, чтобы обе страны имели более весомую роль на международной арене, в то же время сотрудничество между Россией и Китаем в разных областях уже получило большой прогресс, например в области образования «4 ноября 2017 года были официально учреждены «Альянс по образованию учителей Шелкового пути», «Альянс гуманитарных и социальных наук Шелкового пути» и «Альянс по изданию книг и архивов Шелкового пути», инициированный Шэньсийским Педагогическим Университетом.

Русский язык как иностранный язык безусловно играет важную роль, и для тех, кто интересуется русской литературой, культурой и даже самим русским языком, для таких людей русский язык является зеркалом, которое точно выражает истинную суть русской культуры, русский язык-мост для общения двух народов, и безусловно русский язык в Китае имеет хорошие перспективы и новые возможности. Таким образом, нам можно понять общую характеристику китайской аудитории, изучающей русский язык, в общем, в последние годы показывают сильные требования к изучению русского языка, в китайской аудитории также показывается такой потенциал, то есть многие китайские учащиеся показывают большой интерес к русскому языку и русской культуре.

Анализ типа темперамента китайских учащихся

В настоящее время изучение типов темперамента позволяет более детально изучить личность человека, и в некоторых случаях предсказать его вероятные психические проблемы и психологические расстройства. Термин «темперамент», относящийся к психологии, обозначает совокупность индивидуальных особенностей личности, которые позволяют определить динамику поведения и психической деятельности. Темперамент — это та база, на которой формируется характер человека, это продукт нашей высшей нервной деятельности.

Перед тем, как рассмотреть различные типы темперамента, следует упомянуть происхождение и значение слова «темперамент». Слово «темперамент» (лат. *temperamentum*) имеет древнегреческое происхождение и обозначает «надлежащее соотношение частей» и его родоначальником считается древнегреческий врач Гиппократ, который полагал, что тело человека состоит из четырех жидкостей. Если Гиппократ ввел термин «темперамент», то ученый-физиолог Иван Петрович Павлов создал учение «О типологических свойствах нервной системы человека и животных». В своей работе Павлов И. П. выделил 4 основных типа высшей нервной деятельности: сангвинический темперамент, флегматический темперамент, холерический темперамент, меланхолический темперамент. Однако стоит отметить, что в большинстве своем люди обладают не конкретным типом темперамента, а смешанным.

Далее рассмотрим каждый тип темперамента более подробно.

Сангвиник

У сангвиников по теории Гиппократа преобладает «кровь». Человек с типом темперамента «сангвиник» характеризуется стойкой и уравновешенной нервной системой, который быстро реагирует и действует обдуманно. Люди с данным типом темпераментом отличаются энергией, работоспособностью, богатством мимики, а также быстрым темпом речи. Сангвиники стремятся к частой смене впечатлений, легко и быстро отзываются на окружающие изменения и события, они общительны и обладают преимущественно положительными эмоциями.

Холерик

Люди с данным типом темперамента отличаются быстротой, легкостью преодолевания трудностей. Если перед холериком стоит цель, то он обязательно добьется ее. Однако холерики довольно неуравновешенные, склонны к бурным эмоциональным вспышкам и резким сменам настроения. Холерики характеризуются довольно сильными быстро возникающими чувствами, которые ярко отражаются в речи и жестах, а также мимике. Если кратко, то холерика можно назвать «стремительным оптимистом». Холерик — это человек непоседа, «вечный двигатель», который все время куда-то спешит и пытается сделать несколько дел одновременно.

Меланхолик

Меланхолик по теории Гиппократа — это человек, в котором течет «черная желчь». Данный тип отличается повышенной ранимостью и впечатлительностью. Меланхолики, как правило, обладают живым воображением, тонкостью и гибкостью ума, наблюдательностью, а также артистизмом. Представители данного темперамента проявляют высокую чувствительность не только ко всему прекрасному, но и к несправедливости, особенно это касается хамства, грубости

и невоспитанности. Меланхолики склонны держать все в себе и не показывать свои внутренние переживания окружающим.

Флегматик

Флегматический тип можно назвать золотой серединой по сравнению с другими темпераментами. Люди, относящиеся к данному типу темперамента, являются ярко выраженными интровертами, их можно охарактеризовать как спокойных, медлительных и уравновешенных. Такие люди обладают хорошей памятью, высоким интеллектом. Решения флегматиков всегда продуманы и взвешены. Флегматики редко выходят из себя, они не склонны к конфликтам, поскольку умеют сдерживать свои эмоции, поэтому зачастую довольно сложно понять, какие эмоции испытывает флегматик в определенный момент. Однако для них свойственно накопление эффекта, то есть в какой-то момент флегматик способен выплеснуть всю накопленную агрессию.

Если речь идет о темпераменте китайских учащихся, то она ассоциируется со скромностью и старательностью, однако если мы анализируем только китайских, то вышесказанные типы все показаны, потому что у каждого человека свой особенный тип, хотя стереотип для китайских учащихся уже бывает.

Анализ поведения китайских студентов в сравнении с русскими

Обучение межкультурной коммуникации — один из важнейших аспектов в современном обучении иностранному языку. В таком случае особое значение занимает изучение национальных и культурных особенностей общения различных народов. Важным фактором межкультурной коммуникации является уважение и толерантное отношение к обычаям, традициям, национальным особенностям и специфике общения носителей различных языков. Проявление национальной специфики в процессе общения складывается из системы факторов, которые отличаются функцией, организацией и способами характерных для той или иной культуры.

В русском и китайском коммуникативном поведении существуют свои различия, также отражающиеся в поведении китайских и русских студентов.

Во-первых, у китайских и русских студентов свой менталитет и точки зрения, и поэтому в процессе их обучения, у них будет свой образ мышления, привычки обучения и своё отношение к учебе и карьере.

Во-вторых, у китайских и русских студентов бывают различные обстоятельства собственного воспитания. В Китае в последние годы появились такие новые слова, как например, инволюция/современное штрейкбрехерство/ бессмысленная конкуренция (内卷), пофигизм (躺平), матрасная культура/офисное рабство (996). Безусловно, вышесказанные слова отражают стресс большинство китайцев, а в них также включают большинство китайских студентов, а русские студенты часто не встречают такие вопросы, и поэтому они обычно не так старательны, по сравнению с китайскими студентами.

В-третьих, у китайских и русских студентов свои особенности по характеру, и в то же время мы часто говорим то, что характер влияет на поведение и судьбу человека, поэтому нам часто видно то, что китайцы более скромны, а русские более прямые, и т. д.

Анализ типичных ошибок в речевой деятельности, допускаемых китайскими учащимися (лексические, фонетические, грамматические, синтаксические)

Я сама как китаец, который изучает русский язык, в процессе изучения русского языка часто встречаю такие вопросы, например:

- Типичные **лексические** ошибки (в употреблении синонимов, антонимов, омонимов, паронимов), выявленные при анализе аудиозаписи:

- ошибки в употреблении синонимов: В России громкая территория (обширная); ошибки в употреблении антонимов: Я сама нечего плохо не вижу (хорошего); Она общительный человек, ни с кем не разговаривает (молчаливый); — омонимы: брак (семейный союз двух (или более) супругов) — брак (некачественный товар, дефектное изделие); лук — луг; тушь — туш, уже (нареч. и частица) — уже (сравн. ст.) и т. д.; — ошибки в употреблении паронимов: тёмный климат (теплый);

- Типичные **фонетические** ошибки в речи китайских студентов, изучающих русский язык:

Ошибки ударения. В пределах одного китайского слога невозможно сочетание согласных, зато является нормой сочетание гласных, чего не бывает в слогах русского языка. Слоговой характер китайского языка затрудняет ударение в русских словах для китайских студентов. Ошибки произношения отдельных звуков. Несколько пар звуков трудно различаются китайскими студентами, что вызывает типичные ошибки их произношения: [ш] — [щ], [с] — [ш], [и] — [ы], [р] — [л], например: общество, настоящий, окружающий, общий и т. д.

- Типичные **грамматические** ошибки в речи китайских студентов, изучающих русский язык:

- управления. Мы должны часто помогаем друг друга (другу); Я интересую красивый пейзаж (Меня интересует);

- морфологические ошибки включают в себя ошибки в склонении и в спряжении. Примеры ошибок в склонении: все мир (весь), два студеты (студента), много люди (людей), у маме (мамы) и т. д. Примеры ошибок в спряжении (глаголов): он могут (может) и т. д.;

- Типичные **синтаксические** ошибки в речи китайских студентов, изучающих русский язык:

Я люблю играть настольный теннис (отсутствует предлог в). В китайском и английском языках нет предлога в подобных предложениях (сравним английское предложение I like to play tennis).

В данной части показываются типичные ошибки в речевой деятельности, допускаемые китайскими учащимися (лексические, фонетические, грамматические, синтаксические), с моей точки зрения.

В данной статье мы обратили внимание на следующие вопросы: характеристику китайской аудитории, изучающей русский язык, анализ типа темперамента китайских учащихся, анализ поведения китайских студентов в сравнении с русскими, анализ типичных ошибок в речевой деятельности, допускаемых китайскими учащимися (лексические, фонетические, грамматические, синтаксические).

И надеюсь на то, что данное изучение имеет актуальное и практическое значение для соответствующего исследования и анализа. Практическое значение нашего исследования мы связываем с его результатами, которые могут быть полезны в будущем исследовании.

ЛИТЕРАТУРА

Волк М. И. Особенности структуры темперамента китайских и российских студентов Текст научной статьи по специальности // «Психологические науки», 2007.

Голик М. Я. Русский язык в Китае: прошлое и настоящее // Филологические науки. Вопросы теории и практики 1997–2011. № 1 (55), 2016. Ч. 2.

Корчик Л. С. Некоторые типичные устойчивые ошибки в речи китайских студентов на занятиях по русскому языку // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность, 2010. № 4. С. 104–108.

Ли Минь. Типовые ошибки китайских студентов, изучающих русский язык, и пути их коррекции: вопросительные предложения // Педагогическое образование в России, 2010. № 4. С. 98–105.

Сюй Лайди. Типичные ошибки китайских учащихся в русском речевом ударении и методы их исправления // Русский язык за рубежом, 2011. № 1. С. 47–50.

Топоркова Е. П. Оценка роли русского языка в КНР в свете современного развития российско-китайских отношений // Региональные проблемы, 2015. Том 18. № 2. С. 77–81.

Сюй Лайди. Типичные ошибки китайских учащихся в русском речевом ударении и методы их исправления // Русский язык за рубежом, 2011. № 1. С. 47–50.

Yazyk, soznanie, kommunikatsiya: sb. nauchnykh statey, posvyashchennyy pamyati Galiny Ivanovny Rozhkovoy / red. L. P. Klobukova, V. V. Krasnykh, A. I. Izotov. — М.: Dialog-MGU, 1998. — Вып. 6. — 116 s.

<https://psylib.org/temperament/>

<https://psychologist.tips/802-temperament-cheloveka-sut-vidy-i-ih-harakteristika.html>

УДК 378.2

Т. А. Дьякова
Ж. И. Фейзер
М. В. Холодкова

ФОРМИРОВАНИЕ ФОНЕТИЧЕСКИХ НАВЫКОВ У АРАБОЯЗЫЧНЫХ УЧАЩИХСЯ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

Аннотация. Статья посвящена описанию некоторых возможностей цифровой образовательной среды. «Русский язык. Начало» в целях формирования у арабоязычных учащихся фонетических навыков при изучении русского языка. Изложены основные трудности овладения аудитивными и произносительными навыками учащимися из арабских стран в ходе освоения фонетической системы русского языка, способы организации предъявления учебного материала, тренировки

и контроля, представлены варианты заданий на формирование правильности произношения труднопроизносимых гласных и согласных звуков, дифференциации трудноразличимых звуков.

Ключевые слова: цифровая образовательная среда, фонетические навыки, обучение фонетике, арабоязычные учащиеся, интерференция русского и арабского языков.

*T. A. Dyakova
Zh. I. Feizer
M. V. Kholodkova*

FORMATION OF PHONETIC SKILLS IN ARABIC-SPEAKING STUDENTS IN A DIGITAL ENVIRONMENT

Annotation. The article is devoted to the description of some possibilities of the digital educational environment “Russian language. Nachalo” in order to develop phonetic skills in Arabic-speaking students when learning the Russian language. The main difficulties of mastering auditory and pronunciation skills by students from Arab countries in the course of mastering the phonetic system of the Russian language are outlined, ways of organizing the presentation of educational material, training and control, options for tasks for the formation of the correct pronunciation of hard-to-pronounce vowels and consonants, differentiation of hard-to-distinguish sounds are presented.

Key words: digital educational environment, phonetic skills, phonetics teaching, Arabic-speaking students, interference of Russian and Arabic languages.

Последнее десятилетие характеризуется становлением цифровой лингводидактики, переосмыслением дидактических и методических принципов обучения русскому языку как иностранному в условиях цифровой образовательной среды. Достижения классической методики преподавания РКИ, которая активно развивается с 60-х годов прошлого столетия, располагают обширной лингводидактической базой для трансформации в цифровое образовательное пространство. Переход на онлайн-обучение во время пандемии позволил апробировать новые цифровые лингводидактические средства и технологии обучения РКИ с применением ИКТ, которые доказали эффективность организации процесса обучения русскому языку как иностранному в цифровой среде.

Всё это способствовало увеличению количества учащихся в русских онлайн-школах и на дистанционных подготовительных курсах по изучению русского языка при российских университетах в арабских странах, введению дистанционной и смешанной форм обучения (первый семестр русский язык изучается иностранными слушателями онлайн на родине, второй семестр — русский язык вместе с профильными дисциплинами изучается в России). Данная ситуация обнаружила потребность в современных системных цифровых лингводидактических ресурсах по РКИ для реализации онлайн-обучения. Перед преподавателями и методистами была поставлена задача в адаптации приемов традиционной

методики к цифровой среде, в поиске новых эффективных средств обучения для достижения практической цели.

Вопросы внедрения дистанционной поддержки обучения русскому языку иностранцев, начинающих изучать русский язык, получили освещение в работах Л. А. Дунаевой, Г. М. Левиной, А. Н. Богомолова, Т. В. Васильевой [Дунаева, Левина, Богомолов, Васильева 2020; Богомолов 2022], И. А. Гончар, Т. И. Поповой [Гончар, Попова 2018], Макаровой М. А., Молчановой И. И. [Макарова, Молчанова 2019] и других. Современные цифровые технологии позволили преподавателям РКИ взглянуть на учебный процесс через призму технических возможностей и смоделировать абсолютно новое виртуальное учебное пространство на основе активного и интерактивного взаимодействия с учебным контентом.

По мнению преподавателей, особую трудность обучения в дистанционном формате вызывает формирование фонетических навыков. Это связано с тем, что без непосредственного зрительного контакта педагогу проблематично проконтролировать правильное артикулирование фонетических единиц, сформированность аудитивных навыков. К тому же ситуация может быть осложнена задержкой связи, техническими проблемами в подключении. В свою очередь, качество сформированности фонетических навыков у иностранных учащихся влияет на овладение всеми видами речевой деятельности и возможность осуществлять успешную коммуникацию.

В рамках настоящей статьи обратимся к процессу формирования у арабоязычных учащихся фонетических навыков в процессе овладения русским языком на начальном этапе в цифровой среде.

В связи с тем, что русский язык относится к славянской языковой группе индоевропейской языковой семьи, а арабский к семитской ветви афразийской языковой семьи, то явление интерференции при изучении одного из языков представителями другого преобладает. Фонетическая интерференция при изучении русского языка арабоязычными учащимися проявляется через искажение вторичной фонетической системы в результате того, что происходит смешение и/или взаимозамещение в сознании обучающихся произносительных норм двух языков. Нарушения слухопроизносительных навыков и аудитивных умений зачастую являются следствием именно фонетической интерференции.

К настоящему времени имеется ряд научно-методических исследований, посвященных сопоставительному анализу звукового строя русского и арабского языков. Особенности овладения фонетической системой русского языка арабоязычными учащимися стали объектом внимания целого ряда исследователей: М. М. Парочкина, У. Г. Исмайл [Парочкина, Исмайл 2018], О. В. Чевела, С. И. Федотова, В. П. Никитюк [Чевела, Федотова, Никитюк 2017], которые описывают проблемы интерференции русского и арабского языков и основные фонетические трудности, которые возникают при обучении фонетике русского языка арабоязычных учащихся. Ю. М. Науменко представила ритмо-вокалическую систему арабского слова в лингводидактическом аспекте [Науменко 2013]. Исследования А. Ю. Александровой посвящены представлению принципов создания постановочно-корректировочного курса русской фонетики для арабов. Обучению арабов русской фонетике с использованием электронной образовательной среды посвящены работы Д. Валеевой и О. Шарафутдин [Валеева, Шарафутдин 2017].

В целях оптимизации процесса формирования фонетических навыков в ходе онлайн-обучения авторами данной статьи была создана цифровая образовательная среда (ЦОС) для арабоязычных учащихся «Русский язык. Начало» при поддержке фонда «Русский мир». Настоящий цифровой образовательный ресурс (ЦОР) является открытым, бесплатным, не требующим регистрации и доступным как с компьютера, так и с мобильного устройства.

Вопросам становления слухопроизносительных навыков посвящен раздел «Вводно-фонетический курс», который включает предъявление учебного материала (описание фонетической системы русского языка (с учетом проблем интерференции при овладении ею арабоязычными учащимися) с комментариями на арабском языке), тренировку и контроль (интерактивные задания с автоматической системой контроля по формированию и проверке сформированности слухопроизносительных умений и навыков). Дидактический материал подобран с учетом типичных трудностей, которые характерны для арабоязычных учащихся при овладении фонетической системой русского языка.

Принимая во внимание тот факт, что в арабском языке есть только три гласных звука, которые условно можно соотнести с безударными гласными [а], [и], [у] и отсутствуют [о], [э], [ы], в ресурсе особое место отведено упражнениям по дифференциации и правильному артикулированию гласных. В центре внимания оказались следующие трудности, на устранение которых направлены фонетические задания ЦОР:

1. Смешение звуков [и] и отсутствующего в арабском языке звука [ы]. Как правило, на месте гласного [ы] произносится звук [и] (в большинстве случаев это нарушение встречается в позиции после губных согласных).

2. Смешение звуков [а] и [э], а [у] и [о], так как гласные [о], [э] не имеют аналогов в арабском языке.

3. Смешение звука [ы] и [у]. Это происходит в связи с тем, что звук [ы] произносится с лабиализацией.

4. Смешение звуков [о] и [у], которое возникает из-за неразличения степени подъема языка: большей — при артикуляции [у] и меньшей при артикуляции [о].

Цифровой образовательный ресурс включает аудиозаписи каждого отдельного звука, задания на дифференцирование как отдельного звука, так и их сочетаний. В ресурс интегрированы задания с автоматической системой автопроверки, которые предполагают прослушивание ряда аудиозаписей и распределение их по соответствующим буквенным сочетаниям (см. рис. 1).

Рис. 1. Фрагмент ЦОС «Русский язык. Начало». Урок 1. Задание 20

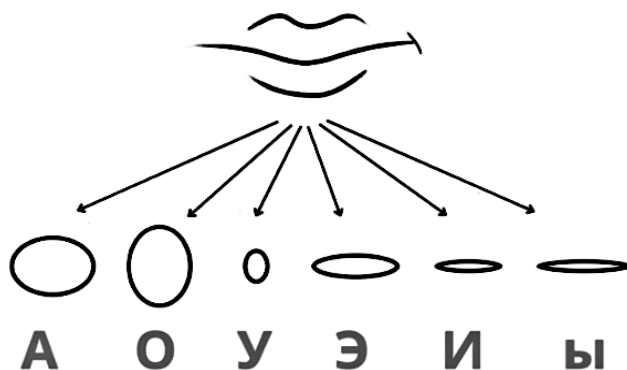

Рис. 2. Фрагмент ЦОС «Русский язык. Начало».
Положение раствора рта при произнесении гласных [а], [о], [у] и [э], [и], [ы]

При коррекции типичных для арабоязычных учащихся смешений гласных звуков выбор правильного положения степени раствора ротовой полости позволит реализовать верное артикулирование звука. В связи с этим в ЦОС «Русский язык. Начало» применяется прием визуализации в виде схематичного изображения положения раствора рта при произнесении гласных [а], [о], [у] и [э], [и], [ы] (см. рис. 2).

Система согласных звуков русского и арабского языка так же, как и в случае с гласными, представлена различным набором фонетических единиц. Предметом особого внимания ЦОС «Русский язык. Начало» в области организации фонетической работы по правильному артикулированию и восприятию на слух согласных звуков русского языка арабоязычными учащимися стали следующие моменты:

1. Отсутствие в арабском языке звуков [п], [в], [ж] и вытекающее из этого неразличение в русском [п] — [б], [ф] — [в], [ш] — [ж].

2. В арабской фонологической системе наблюдается недостаточная степень смягчения мягких согласных по сравнению с русской системой. К тому же в арабском языке мягкие и твердые (эмфатические) согласные выражаются разными графемами, влияют на «мягкость» или «твердость» произношения гласных (фактически — на изменение ряда их артикуляции с заднего на средний или передний).

С учетом указанных особенностей овладения аудитивными и произносительными навыками арабоязычными учащимися в области согласных звуков в ЦОС «Русский язык. Начало» включены упражнения, направленные на идентификацию каждого нового изученного звука среди изученных ранее, в особенности среди тех, с которыми чаще всего и происходит смешение, например, аудиозадания на дифференциацию изучаемого звука в речевом потоке (например: «Слушайте слова, распределяйте их. Если услышите в слове звук «п», то перенесите это слово в поле со знаком плюс, если этого звука в слове нет, то перенесите в поле со знаком минус»).

Возможность многократного прослушивания интегрированных в ресурс аудиозаписей и автоматическая проверка создают условия выработки фонематического слуха в условиях выполнения самостоятельной работы даже без участия педагога.

Итак, в ходе настоящей статьи была изложена только часть возможностей ЦОС «Русский язык. Начало», которая направлена на формирование у арабоязычных учащихся фонетических навыков при изучении русского языка онлайн.

Отметим, что данная ЦОС может стать хорошим подспорьем при организации самостоятельной работы студентов при офлайн-обучении, особенно в ситуации с неравномерным заездом и началом обучения. Как показывает практика преподавания, чем качественнее будет пройден вводно-фонетический курс, тем в дальнейшем лучше будет сформирована лексико-грамматическая система русского языка.

ЛИТЕРАТУРА

Богомолов А. Н. Новые тенденции в преподавании русского языка как иностранного с использованием цифровых технологий // Сборник материалов XXI Международной научно-практической конференции «Русское культурное пространство — реальное и виртуальное». М.: Издательство Московского университета, 2022. С. 12–15.

Валева Д., Шарафутдин О. Обучение арабов русской фонетике: перспективы использования электронной образовательной системы // *Verbum*. 2017. № 8. С. 135–141.

Гончар И. А., Попова Т. И. Структура электронного образовательного ресурса по РКИ: возможности моделирования коммуникации // *Филологический класс*, 2018. № 4 (54). С. 78–85.

Дунаева Л. А., Левина Г. М., Богомолов А. Н., Васильева Т. В. Цифровизация области преподавания РКИ // *Русский язык за рубежом*, 2020. № 5 (282). С. 4–9.

Макарова М. А., Молчанова И. И. Информационные образовательные технологии и электронные ресурсы в обучении русскому языку иностранных специалистов: современное состояние и перспективы развития / Информационные технологии в обучении русскому языку как иностранному: история, современное состояние, перспективы: коллективная монография / Под редакцией Руденко-Моргун О. И., Куриленко В. Б. — М.: Изд-во «Экон-Информ», 2019. — 243 с.

Науменков Ю. М. Ритмико-вокалическая структура русского и арабского слова в лингводидактическом аспекте: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. РУДН. М, 2013. 16 с.

Парочкина М. М., Исмайл Ула Гассан. Проблемы при обучении фонетике русского языка учащихся арабских стран // *Наука через призму времени*, 2018. № 4 (13). С. 155–158.

Чевела О. В., Федотова С. И., Никитюк В. П. К вопросу о преодолении языковой интерференции при обучении русскому языку как иностранному // *Современные наукоемкие технологии*, 2017. № 1. С. 154–158.

УДК 37.026

Г. А. Петровская

**СИМВОЛ «МАТЬ-ЗЕМЛЯ» КАК ОТРАЖЕНИЕ
РУССКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ КАРТИНЫ МИРА
НА ТЕМАТИЧЕСКИХ ЗАНЯТИЯХ РКИ
С ИНОСТРАННЫМИ ВОЕННЫМИ СЛУШАТЕЛЯМИ
И КУРСАНТАМИ
(на примере песни «Трава у дома», группа «Земляне»)**

Аннотация. В статье рассматривается проблема понимания символов в рамках изучения русского языка как иностранного в военном вузе на примере песни «Трава у дома», приводятся методические рекомендации с лексическими и грамматическими упражнениями. Анализ символа «Земля-мать» поможет ино-

странным военным слушателям более точно и глубоко понять аутентичный художественный текст песни. В статье делается акцент на необходимости понимания семантики ключевых лексем для видения русской национальной картины мира. Использование данного материала иностранными военными слушателями (ИВС) в рамках подготовительного курса необходимо для дальнейшего эффективного обучения русскому языку.

Ключевые слова: ключевая лексика, символ, тематическое занятие, аутентичный художественный текст, методика преподавания, лексические упражнения, русский как иностранный, иностранные военные слушатели.

G. A. Petrovskaya

THE SYMBOL “MOTHER EARTH” AS A REFLECTION OF THE RUSSIAN NATIONAL PICTURE OF THE WORLD IN THE THEMATIC CLASSES OF THE RCT (on the example of the song “Grass at home”)

Annotation. The paper addresses the problem of symbol understanding in the framework of the study of Russian as a foreign language in a military university. On a case-study of the song “Grass near the house”, methodological recommendations are provided together with lexical and grammatical exercises. The analysis of the “Mother-Earth” symbol also helps foreign military students (FMS) to understand the authentic artistic text of the song more accurately and deeply. Another focus of the paper is on the need to understand the semantics of key lexemes for appreciating the Russian national view of the world. The use of this material by FMS as part of their preparatory course is necessary and could be beneficial for effective further study of the Russian language.

Key words: core vocabulary, symbolism, thematic lesson, literary text authenticity, teaching methods, lexical exercises, Russian as a foreign language, foreign military students.

Проведение тематических занятий по русскому языку у иностранных военных слушателей и курсантов предусматривает работу с аутентичными художественными текстами, что представляет собой определённую трудность в его понимании. Одними из наиболее информативных аутентичных текстов являются песни.

Тексты песен часто включают в себя символы, которые не могут быть в полной мере понятны обучающимися и требуют раскрытия на визуальном материале и в упражнениях.

По мнению А. Г. Шейкина, «репрезентативность, эстетическая привлекательность подчеркивает важность и общезначимость символа, но вместе с тем часто сочетается с формальной простотой, актуальной для употребления символа в коммуникативной ситуации. Нередко следствием коммуникативной актуальности символа является формирование его аналога, выраженного языковыми средствами, наиболее употребительными в обыденной коммуникации (вербальными, жестовыми)» [Шейкин 1997: 407]

Мы взяли такие ключевые лексемы как земля и мать, которые составляют основу в песне «Трава у дома». В тоже время эти слова часто используются в раз-

личных коммуникативных сферах, часто встречаются в пословицах, изречениях и названиях книг.

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля мы видим несколько значений слова «земля». Рассмотрим некоторые из них, которые прослеживаются в песне.

Например, в строчке «Земля в иллюминаторе видна», мы можем определить следующие значения:

Земля — ж. планета, один из миров или шаров, вращающихся вокруг солнца. Земля наша — третья от солнца планета. Наш мир, шар, на котором мы живем, земной шар [Толковый словарь живого великорусского языка 2006, т. 1: 632].

В строчке «Снится нам трава, трава у дома зелёная-зелёная трава» мы не наблюдаем напрямую лексему «земля», но она подразумевается. Здесь мы можем определить следующие значения: 1) почва, самая поверхность, верхний слой суши. У нас земля не родит; 2) всякое рыхлое, рассыпчатое ископаемое, но в особенности с примесью тука, где может расти что-либо. Где земля, там и трава [Толковый словарь живого великорусского языка 2006, т. 1: 633].

Как отмечает Е. А. Атрощенко, «в русской лингвокультуре мать представляет собой таксонную лексему, номинирующую различные объекты и явления действительности, а также некоторые объекты мифологии, обладающие следующими признаками или их сочетаниями: 1) свойство женщины, 2) биологический феномен, 3) социальная роль, 4) номинация кровного и некровного родства, 5) сакральная номинация, 6) метафорическое наименование для различных объектов и явлений [Атрощенко 2012: 139].

В «Толковых словарях русского языка» Т. Ф. Ефремовой [Толковый словарь Ефремовой 2005–2014], Д. Н. Ушакова [Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова 2000] мы находим следующие значения имени концепта «мать»: 1) женщина по отношению к своим детям, 2) имеющая или имевшая детей женщина, 3) самка животного по отношению к своим детёнышам, 4) источник, давший жизнь; начало чего-либо, 5) монахиня, жена духовного лица. 6). В фамильярном обращении к пожилой женщине. 7). В обращении к матери своих детей, монахиня 8). При выражении досады, изумления и т. п. в составе бранных выражений [Чибисова 2015: 314].

А. Д. Дуличенко пишет, что символ «мать-сыра́ земля́ (укр. Земля — свята мати; серб. Мајка земља) — это персонифицированный образ земли в славянской мифологии» [Дуличенко 2014: 232].

В русском фольклоре выражение «Мать-сыра земля» обозначает прежде всего землю, оплодотворённую небесной влагой и готовую родить [Белова, Виноградова, Топорков 1999: 318].

Это значение мы видим в строчках: «Как сын грустит о матери, как сын грустит о матери, Грустим мы о Земле, она одна», «А сын грустит о матери, а сын грустит о матери, Ждет сына мать, а сыновей — Земля»].

В рамках фонетической разминки, и чтобы подчеркнуть антропоморфизацию целой планеты и понимание её как матери, в начале работы вводим несколько поговорок и поговорок. Например, содержащие лексические единицы со сложными для артикуляции звуками русского языка (р, л, ш, ы, ц, щ и др.) и рифмованные

единицы (для развития ритмико-интонационных навыков и отработки интонационных конструкций):

Задание 1. Прочитайте про себя, прослушайте преподавателя, прочитайте вслух.

Матушка-кормилица, сыра-земля родимица!

Земля-матушка живых питает, а мёртвых к себе принимает.

Грех землю бить — она наша мать.

Питай — как земля питает, учи — как земля учит, люби — как земля любит.

Задание 2. Переведите пословицы на родной язык. В Вашем родном языке есть похожие?

Задание 3. Объясните значение выделенных словосочетаний.

Как Вы думаете, что значат эти пословицы?

Как отмечает Н. В. Кулибина, «для обеспечения устойчивого интереса к чтению художественных произведений необходимо отбирать художественные тексты, учитывая запросы учащегося, его вкусы, желания, потребности. Текст должен быть таким, чтобы учащийся захотел его прочитать и понять» [Кулибина 2001: 68].

В учебном процессе тексты (в нашем случае, тексты песен) преследуют обычно две цели — языковую и неязыковую. К языковым целям можно отнести изучение новой лексики, грамматических единиц, развития монолога, диалога, дальнейшего обучения письму. К неязыковым целям можно отнести знакомство с культурой, страной, национальной картиной мира.

При проведении работы с текстом песни на уроке РКИ использовали новую тематическую лексику, текст песни, а также пред-, при- и послетекстовые задания и упражнения, которые направлены на закрепление лексико-грамматических навыков и умений, развитие навыков аудирования, чтения, говорения и письма.

Для изучения новой лексики и грамматических конструкций мы вводим предтекстовые задания с опорой на визуальный материал.

Задание 4. Посмотрите на рисунки. Прослушайте и повторите за преподавателем. Запишите новые слова в тетрадь.

На рисунках изображены четкие и яркие образы: космос, космонавт, Земля, Солнце, звезды, космическая станция.

Задание 5. Познакомьтесь с лексикой: путь, орбита, метеорит, простор, риск, разговор, мужество, дымка, заря.

Задание 6. Переведите слова на родной язык. Определите род существительных. Поставьте слова в форму множественного числа. Поставьте ударения.

Образец: путь (м. р.) — пути.

Подумайте, какие слова не имеют форму множественного числа. Почему?

Задание 7. Посмотрите на рисунки. Скажите, что вы видите в иллюминаторе?

Образец: я вижу в иллюминаторе Землю (4).

Задание 8. Обратите внимание на грамматическую конструкцию: видеть Землю (4) = Земля (1, ж. р.) видна; видеть корабль (4) = корабль (1, м. р.) виден; видеть солнце (4) = Солнце видно; (1, с. р.) видно; видеть космонавтов (4) = космонавты (1, мн. ч.) видны.

Задание 9. Посмотрите на рисунки. Скажите, что видно?

Образец: видна Земля.

Следующие упражнения направлены на закрепление лексического материала и отработку определенных грамматических конструкций.

Задание 10. Определите вид глагола. Составьте возможные словосочетания. Обратите внимание на употребление падежей существительных.

Образец: грустить о семье.

В этом задании даём следующие существительные: семья, сын, дочь, мать, отец, бабушка, дедушка, Земля, Солнце, сон, свет, заря.

Вводим глаголы, которые есть в песне: грустить — загрустить (6), ждать — подождать (4), видеть — увидеть (4), сниться — присниться (1, 3).

Задание 11. Познакомьтесь с лексикой. Переведите слова на родной язык. Составьте возможные словосочетания.

Образец: холодные звезды.

В этом задании даем следующие существительные: звезды, часы, сны, затмение, космодром, рокот, синева.

Вводим прилагательные: холодный, утренний, вечерний, яркий, большой, громкий.

Задание 12. Обратите внимание на образование слов.

Какой?	Как?
холодный	холоднее
теплый	теплее
плохой	хуже
хороший	лучше
далекий	дальше
ближний	ближе

Задание 13. Составьте возможные словосочетания существительных с прилагательными.

Образец: долгий путь.

В этом задании даём следующие существительные: орбита, метеорит, простор, риск, разговор, мужество, дымка, заря.

Вводим прилагательные: земной, планетный, опасный, космический, большой, дальний, солнечный, неоправданный, ненужный, деловой, важный, официальный, героический, туманный, матовый, серый, утренний, вечерний.

Задание 14. Обратите внимание на образование слов и их значение.

не избитый = новый

прошить — прошит

оправдать — оправдан

В следующих заданиях у нас появляется синтаксическая составляющая, в которой мы закрепляем понимание оппозиции «Земля» / «Космос» (родной / чужой, тёплый / холодный).

Задание 15. Например, напишите предложения, используйте конструкцию что (1) + холоднее/теплее, чем + что (1).

Образец: Земля ближе, чем Марс.

Задание 16. Прочитайте предложения. Задайте вопросы, определите род, число, падеж существительных. Определите вид и время глаголов.

1. Я вижу планету в иллюминаторе. 2. Я вижу Землю в иллюминаторе. 3. Я вижу мать. 4. У матери есть сыновья. 5. У сыновей есть мать. 6. Мы грустим о Земле. 7. Мы видим земные сны. 8. Нам снится зеленая трава у дома. 9. Мы ждем света в часы затмения. 10. Холодные звезды находятся и дальше и ближе. 11. Нам не снится рокот космодрома. 12. Нам не снится ледяная синева. 13. Мы летим орбитами путями неизбежными. 14. Метеориты прошивают простор. 15. Мы оправдываем риск и мужество. 16. Космическая музыка wpłyвает в наш разговор. 17. Земля в матовой дымке. 18. Вечерняя и ранняя заря в матовой дымке. 19. Сын грустит о матери. 20. Мать ждет сына. 21. Сыновей ждет Земля. 22. Нам снится зеленая трава у дома.

Поскольку у нас есть возможность работы с ярким тематическим материалом целесообразно закрепить основные полученные языковые знания в заданиях с лексико-грамматическими играми.

В лексико-грамматической игре «Домино» мы даем также возможность обучающимся развивать логическое мышление, внимание и быстроту, навыки коллективной и командной работы. Например, обучающимся раздают карточки. На карточках напечатаны слова из предложений задания 16. Есть слова, которые напечатаны с большой буквы для обозначения начала предложения.

Задание 17. Возьмите карточки. Внимательно прочитайте про себя слова. Ваша задача как можно быстрее избавиться от карточек: из этих слов надо сложить предложение.

Следующие притекстовые задания направлены на развитие навыков чтения и аудирования. Сначала по куплетам даем послушать песню, без видеоряда.

Задание 18. Прослушайте фрагмент песни. Скажите, о чём этот фрагмент.

Задание 19. Какие знакомые слова Вы услышали?

Задание 20. Повторите слова фрагмента песни за преподавателем. Прочитайте самостоятельно.

Следующие задания с опорой на видео на платформе YouTube.

Задание 21. Перейдите по ссылке. Посмотрите и послушайте музыкальный клип. Кого и что Вы увидели в клипе?

Для развития ритмико-интонационных навыков даем задания с привлечением внимания обучающихся к интонации и рифмованным единицам. Например,

Задание 22. Прочитайте текст песни с выражением. Скажите, какие здесь интонационные конструкции (ИК)?

Земля в иллюминаторе,
Земля в иллюминаторе,
Земля в иллюминаторе видна.
Как сын грустит о матери, как сын грустит о матери,
Грустим мы о Земле она одна.

А звезды тем не менее, а звезды тем не менее
Чуть ближе, но все так же холодны
И как в часы затмения и как в часы затмения
Ждем света и земные видим сны.
И снится нам не рокот космодрома
Ни эта ледяная синева!
А снится нам трава, трава у дома,
Зеленая-зеленая трава!
А мы летим орбитами, путями не избитыми
Прошит метеоритами простор.
Оправдан риск и мужество, космическая музыка
Вплывает в деловой наш разговор.
В какой-то дымке матовой
Земля в иллюминаторе,
Вечерняя и ранняя заря.
А сын грустит о матери, а сын грустит о матери,
Ждет сына мать, а сыновей — Земля.

(Песня Владимира Мигули,
стихи Анатолия Поперечного,
исполнитель группа «Земляне»).

Задание 23. Найдите в тексте песни слова-рифмы.

Задание 24. Напишите свои рифмы. Образец: видна — одна — далека —
не легка — красота

Послетекстовые задания направлены на развитие навыков монологической, диалогической и письменной речи.

Задание 25. Дайте название этой песне.

Задание 26. Скажите, кто главные герои этой песни? Что они делают?

Задание 27. Используйте текст песни, составьте диалог между «матерью-землей» и «космонавтами» (сыновьями).

В этом задании проявляется символ «мать-земля», которая ждёт «своих сыновей» — космонавтов. «Сыновья» грустят о Земле, хотят её увидеть, она им снится.

Задание 28. Как Вы думаете, почему космонавты воспринимают планету как «мать»?

Задание 29. Какие пословицы, поговорки есть в вашем языке, где Земля — это мать?

Задание 30. Расскажите о «земле» в вашей культуре? Какая она? Помогает людям или нет? Что она делает? Напишите небольшой рассказ.

Это задание поможет понять разницу, если таковая имеется между различными символами в разных культурах. «Значения слов разных языков не совпадают (даже если они, за неимением лучшего, искусственно ставятся в соответствие друг другу в словарях), что они отражают и передают образ жизни и образ мышления, характерный для некоторого данного общества (или языковой общности), и что они представляют собою бесценные ключи к пониманию культуры» [Вежбицкая 2001: 283].

Таким образом, символ «мать-земля» представлен в тексте песни «Трава у дома» ключевыми лексемами, которые отражают национальную русскую картину мира. Смысл ключевых лексем раскрывается с помощью системы заданий, что

в свою очередь приводит к более глубокому пониманию текста песни. Поэтому целесообразно применять песенный материал на занятиях РКИ и раскрывать значение ключевых лексем, что закрепляет лексико-грамматические навыки и способствует развитию навыков аудирования, говорения, чтения и письма.

ЛИТЕРАТУРА

Атрощенко Е. О. Концепт «мать» в русской лингвокультуре XVIII–XIX вв. / Е. О. Атрощенко // Вестник ПГЛУ. — Пятигорск: ПГЛУ, 2012. № 3. С. 137–140.

Белова О. В., Виноградова Л. Н., Топорков А. Л. Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого; Институт славяноведения РАН. — М.: Межд. отношения, 1999. — Т. 2: С. 315–321.

Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С. А. Кузнецова. — СПб.: НОРИНТ, 2006.

Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. — М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 283.

Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. — М.: Русские словари, 1996. С. 321–322.

Грузберг Л. А. Игра: слово и концепт // Языковая игра как вид лингвокреативной деятельности. Формирование языковой личности в онтогенезе. — Екатеринбург, 2002.

Демьянков В. З. Прототипический подход // Краткий словарь когнитивных терминов. — М., 1996. С. 144.

Дуличенко А. Д. Введение в славянскую филологию: учебное пособие. — М.: ФЛИНТА, 2014. — 720 с.

Коринфский А. А. Мать — Сыра Земля // Народная Русь: Круглый год сказаний, поверий, обычаев и пословиц русского народа. — М.: Издание книгопродавца М. В. Клюкина, 1901. — С. 1–18.

Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. 2-е изд. — М.: ЧеРо, 2003. С. 144.

Кулибина Н. В. Зачем, что и как читать на уроке? СПб.: «Златоуст», 2001.

Падучева Е. В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. — М.: Языки русской культуры, 1996. С. 21.

Пименова М. В., Мошина Е. А. Мифологема Мать-сыра-земля в русской языковой картине мира // Сибирский филологический журнал. — 2021. — С. 138–148.

Толковый словарь Ефремовой // Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. 2005–2014. — URL: <http://www.efremova.info/> (дата обращения: 03.02.2023).

Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 томах / Даль В. И. — М.: РИПОЛ классик, 2006 / Том 1. А–З. — 752 с. / З. 603–750 с. — (Золотая коллекция). ISBN 5-7905-4703-6.

Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. — М., 2000. — URL: <http://ushdict.narod.ru/044/w13399.htm> / (дата обращения: 03.02.2023).

Толстой Н. И. «Покаяние земле» // Толстой Н. И. Очерки славянского язычества. — М.: Индрик, 2003.

Чибисова О. В. Семантическое пространство концепта «мать» в русской и китайской лингвокультурах // Успехи современного естествознания. — 2015. — № 1–2. — С. 311–315. URL: <https://natural-sciences.ru/ru/article/view?id=34838> (дата обращения: 23.02.2023).

Шейкин А. Г. Символ // Культурология. XX век. Словарь. СПб., 1997. С. 407.

Тексты Песенок: официальный сайт. — URL: <https://teksty-pesenok.ru/rus-zemlyani/tekst-pesni-trava-u-doma/1805423/> (дата обращения: 15.02.2023).

YouTube: официальный сайт. — URL: <https://www.youtube.com/watch?v=IMaeEfGjK3k> (дата обращения: 15.02.2023).

*Ш. К. Мамирова
С. М. Маралбаева
Ф. К. Джаилганова*

О ПРОБЛЕМНЫХ ЗОНАХ ПРИ ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАЗАХСКИХ УЧАЩИХСЯ

Аннотация. Статья посвящена актуальным вопросам обучения русскому языку в казахоязычной аудитории. Несомненно, данное языковое сопоставление порождает межъязыковую интерференцию и влияет на освоение новой лексики на занятиях по русскому языку. Освоение грамматических категорий и лексики являются самыми «проблемными зонами» при обучении русскому языку учащихся казахских школ. Использование русско-казахских переводных словарей послужат эффективным инструментом, как для создания обширного словарного запаса, так и для развития навыков по определению значений слов по составляющим морфемам. Одновременно развивается и родная речь обучающихся, поскольку, запоминая русское слово, они узнают множество его значений, усваивая и их переводы на казахский язык и активизируя слова из пассивного словаря.

Ключевые слова: русский язык, казахоязычная аудитория, межъязыковая интерференция, пространственные отношения, переводный словарь, морфема.

*Sh. K. Mamirova
S. M. Maralbayeva
F. K. Dzhaiganova*

ABOUT PROBLEM AREAS IN TEACHING RUSSIAN TO KAZAKH STUDENTS

Annotation. The article is devoted to topical issues of teaching the Russian language in the Kazakh-speaking audience. Undoubtedly, this linguistic comparison generates interlingual interference and affects the development of new vocabulary in the Russian language classes. The development of grammatical categories and vocabulary are the most “problem areas” in teaching the Russian language to students of Kazakh schools. The use of Russian-Kazakh translation dictionaries will serve as an effective tool both for creating an extensive vocabulary and for developing skills in determining the meanings of words by constituent morphemes. At the same time, the native speech of students develops, because, memorizing the Russian word, they learn a lot of its meanings, assimilating their translations into the Kazakh language and activating words from the passive dictionary.

Key words: Russian language, Kazakh-speaking audience, interlingual interference, spatial relations, translation dictionary, morpheme.

В современной методике обучения иностранным языкам учёт родного языка учащихся признаётся одним из ведущих лингводидактических принципов. Потребность сравнивать родной язык с изучаемым изначально существует в сознании человека. Выявление интересующих зон, поиск приёмов и способов опоры

на родной язык, форм учёта его влияния на процесс овладения вторым языком являются принципиально важными задачами в психологическом и лингвистическом плане.

Для определения уровня владения учащимися средствами выражения пространственных отношений, отличающихся широкой употребительностью в русском и казахском языках, многообразием способов выражения, но вызывающих значительные затруднения употребления в речи в связи с интерферирующим влиянием родного языка, нами было выбрано тестирование, итоги которого помогли с высокой объективностью оценить результаты, достигнутые каждым учащимся.

Качественный анализ материалов тестирования позволил выявить наиболее частотные ошибки в речи учащихся, связанные с использованием указанных выше языковых средств, определить причины их возникновения и пути преодоления. В их числе:

1. Ошибки лексические, связанные: а) с неточным выбором мотивирующего глагола (Я заходил в библиотеку, носил (вместо «отнёс») книгу); б) с употреблением разнонаправленных глаголов движения вместо однонаправленных в силу неразличения их семантики в родном языке (Лодка плавает (вместо «плывёт») вниз по течению);

2. Ошибки: а) объясняющиеся неточным знанием семантики приставок в глаголах движения (Дастан въехал, отъехал (вместо «переехал») в другой город); б) обусловленные нарушением принятых в русском языке соответствий глагольных приставок и предлогов (В дверь ко мне постучали, и в комнату пришёл (вместо «вошёл») мальчик).

3. Отсутствие ориентации в пространственных отношениях приводит к ошибкам в выборе средств их выражения, что обуславливается и интерференцией родного языка. В числе таких ошибок: а) пропуск предлога, что объясняется отсутствием предлога в родном языке учащихся (Альпинисты подошли / — / ущелью. Мы были / — / школе); б) смешением предлогов, одно из причин которой является многозначность русских предлогов (Я был / на / спортивном зале, в выставке); в) отсутствием дифференциации предлогов ИЗ и С, С и ОТ, В и НА, НА и ПО, ПО и ЧЕРЕЗ (Стол немного поцарапали, когда выносили от, с (вместо «из») комнаты; Ахмет шёл на улице (вместо «по улице»); Тренер с ребятами шел через (вместо «по») футбольному полю); г) смешение конструкций дательного падежа с предлогом К и винительного с предлогами В, НА, отвечающих на вопрос куда? (Альпинисты подошли на, в (вместо «к») ущелью); дословный перевод (Мы пришли с полем (вместо «Мы шли полем» / Біз даламен/ арқылы /барған едік); и др.

4. Ошибки в умении соотносить, функционально-семантические особенности форм повелительного наклонения с видовым значением: (Не подойди (вместо «не подходи») к окну — дует).

Описанная типология ошибок свидетельствует о значительной трудности усвоения в казахской школе средств выражения пространственных отношений в русском языке, сложных как в семантическом плане, так и в отношении словообразовательных и грамматических средств. Это вызвано, прежде всего, межъязыковой интерференцией, отсутствием прочных навыков употребления лексики с пространственной семантикой в речи учащихся-казахов, ложными аналогами

с родным языком, недостаточным умением учесть особенности контекста, правильно проанализировать ситуацию.

Данные анализа результатов тестирования послужили ориентиром для разработки программы обучающего эксперимента, в процессе которого особое внимание было обращено на: системное употребление предлогов В, НА, ИЗ, С, К, У, ОКОЛО, ОТ, ДО, ПО, ПЕРЕД, НАПРОТИВ, НЕДАЛЕКО ОТ, РЯДОМ С, ЧЕРЕЗ, СКВОЗЬ с учётом не столько формальных их связей с падежами, сколько семантики предлогов и лексических групп, с которыми наиболее активно употребляются эти предлоги; уяснение синонимии и антонимии предлогов и предложно-падежных конструкций, а также словосочетаний типа стоять на улице — идти по улице; на дороге — по дороге — в дороге и др.; употребление глаголов движения с приставками пространственного значения, например: в- (вошел в ...), вы- (вышел из...), при- (пришел в...), у- (ушёл из...), под- (подошёл к...), от- (отошёл от...), до- (дошёл до ...), пере- (перешёл через...), по- (пошёл по ...).

Теперь рассмотрим влияние межъязыковой интерференции при обучении новой лексики, ибо освоение грамматических категорий и лексики являются самыми «проблемными зонами» при обучении русскому языку учащихся казахских школ.

При лексической работе над новыми словами к текстам с успехом могут использоваться двуязычные словари. Это работа способствует, помимо изучения русских слов, также обогащению родной речи, так как позволяет активизировать пассивный словарь родного языка обучающихся. Соседство статей с родственными словами позволяет проводить плодотворную словообразовательную работу.

Уточнение в заголовке, что речь идёт о занятиях именно в казахской аудитории связано с тем, что содержание статьи обусловлено общественно-политическими процессами, происходящими в Республике Казахстан.

Известно, что после обретения Казахстаном независимости наметилась тенденция к употреблению в казахском языке исконно казахских слов, укоренившихся в казахском языке слов персидско-арабского происхождения. Если обратить внимание на русско-казахские словари, изданные в советский период, в частности, «Орысша-қазақша сөздік» Института языкознания им. Ахмета Байтурсынова АН Казахской ССР (Алматы, «Главная редакция Казахской Советской Энциклопедии», 1980 г.) — то в некоторых статьях имеются слова, которые заимствованы в казахский язык из русского или через русский из других языков, и перевод представляет собой фонетически то же самое слово, оформленное в соответствии с требованиями казахской орфографии, например: рус. «бербер» в каз. «бербер» или рус. «былина» — каз. «билина» или «фонетическое совпадение хотя бы корневой части, основы, например: «артельщик» (рус.) — «артелшы», «артель мүшесі» (каз.). После такого перевода, представляющего собой фонетическое повторение русского эквивалента даются описательные толкования на собственно казахском языке или собственно казахское слово. Например, русскому слову «арсенал» в казахском переводе соответствует «арсенал, құралхана», құрал-жарақ амбары, құрал-жарақ оқ-дәрі шығаратын меңшік», русскому «анализ» — казахское «анализ, талдау, ғылыми тексеру, әдіс, үйрену құралы».

Поскольку значение слова складывается из суммы значений, составляющих слово морфем, то казахским учащимся легко было пополнять свой словарный запас путём словообразовательных операций.

Понятно, что теперь придётся расширять список минимума слов, подлежащих активному усвоению на занятиях по русскому языку. Этот процесс отразится также и на грамотности, так как и на её формирование влияло изучение словообразования. Речь не идёт о том, что теперь словообразование не следует изучать, а только о том, что её обучающие возможности несколько ограничиваются. Да и сам процесс в казахском языке вряд ли примет глобальный характер, так как немало слов (хотя, кто знает...), которые можно было бы именовать иначе (например, «гаджет»). Наряду с этим идёт пополнение казахского языка (параллельно русскому языку) новыми словами английского происхождения «брокер, дилер, дистрибьютор» и проч. Если эти слова приживутся в казахском языке, а не будут употребляться «дәлелші», «құралшы», «саудагер», «араға түсуші», — то со временем может получиться, что процент наличия в казахском и русском языке слов, совпадающих фонетически полностью или частично, может восстановиться.

Мысль о том, что изучаемые русские слова совсем недавно были частью и родного языка, может послужить моральным стимулом для прочного их усвоения. Для проведения такой работы у преподавателя должен быть список таких слов.

Обучающимся могут быть предложены следующие виды заданий:

1. Выделите среди множества значений слова, именно то, в котором употреблено данное слово в изучаемом тексте.

2. Употребите данное слово в предложениях в других его значениях.

3. Постарайтесь подобрать синоним к каждому и значение этого (изучаемого) слова.

4. Запомните устойчивые сочетания с этим словом. Включите эти сочетания в конструкции предложений.

5. Обратите внимание на родственные слова (благо, они тут же рядом) и выделите те словообразовательные средства, при помощи которых они образованы.

Таким образом, использование русско-казахских переводных словарей служат эффективным средством как для создания обширного словарного запаса, так и для развития навыков по определению значений слов по составляющим морфемам. Одновременно развивается и родная речь обучающихся, поскольку, запоминая русское слово, они узнают множество его значений, усваивая и их переводы на казахский язык и активизируя слова из пассивного словаря.

ЛИТЕРАТУРА

Аванесов Р. И., Сидоров В. Н. Система фонем русского языка. М: Наука, 1970. 262 с.

Туркбенбаев Н. У. Сравнительная фонетика русского и казахского языков. Алматы: Мектеп, 1989. 100 с.

Resuanova G. K., Albekova A. Sh, Muratbekova A. M., Kukenova G. A. Elective disciplines as means of professional competence of future teachers//1097–8135 Life Scitnce Journal — Scopus CJR2021 (Thomson Reuters), 2014.

*В. В. Павлова
Е. М. Милосердова*

**ФОРМИРОВАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ
КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ
В СФЕРЕ ДЕЛОВОГО ОБЩЕНИЯ
У УЗБЕКСКИХ СТУДЕНТОВ ПРОДВИНУТОГО УРОВНЯ**

Аннотация. Статья посвящена проблеме изучения экономической терминологии на занятиях по русскому языку в узбекской аудитории. Рассмотрены и сгруппированы наиболее продуктивные методы обучения аспектам языка, их применение в письменной и устной речи; представлены критерии отбора учебного материала, направленного на формирование и совершенствование коммуникативных навыков делового общения. Предложены темы и варианты в работе ролевыми играми. Обучение языку специальности узбекских студентов-экономистов должно быть разноплановым, разноаспектным и включать работу, направленную на реализацию трех основных целей: обучающей, развивающей и воспитательной.

Ключевые слова: экономическая терминология, деловое общение, семантизация, обучение речевой деятельности, ролевая игра.

*V. V. Pavlova
E. M. Miloserdova*

**FORMATION OF FOREIGN LANGUAGE
COMMUNICATIVE COMPETENCE IN THE FIELD
OF BUSINESS COMMUNICATION
AMONG UZBEK STUDENTS OF ADVANCED LEVEL**

Annotation. The article deals with the problems of studying economic terminology in Russian language lessons in the Uzbek audience. The most productive methods of teaching aspects of language, their application in written and oral speech are considered and grouped; criteria for the selection of educational material aimed at the formation and improvement of communicative skills of business communication are presented. Possible themes and options in the work of role-playing games are proposed. It is analyzed and concluded that teaching the language of the specialty of Uzbek economics students should be diverse, multi-faceted and include work aimed at the implementation of three main goals: educational, developmental and educational.

Key words: economic terminology, business communication, semantics, speech activity training, role-playing game.

В настоящее время в связи с развитием межкультурных и деловых отношений со странами СНГ, в частности с Узбекистаном, возрастает роль русского языка в сфере профессиональной коммуникации. У студентов экономических специальностей, изучающих русский язык, должны быть сформированы со-

ответствующие знания, умения и навыки в области русского языка на таком уровне, который позволит им стать конкурентоспособными и профессионально мобильными.

Практико-ориентированная модель образования предполагает компетентностный подход, который обеспечивает возможность участия поликультурной личности в межкультурной коммуникации и способствует развитию самостоятельности, инициативности, развивает критическое мышление и ориентирует на конкретный результат.

Формирование иноязычной коммуникативной компетенции предполагает «способность средствами изучаемого языка осуществлять речевую деятельность в соответствии с целями и ситуацией общения в рамках той или иной сферы деятельности» [Шукин 2004: 139].

Выделяются следующее содержание иноязычной коммуникативной компетенции [Шукин 2004]:

- лингвистическая (языковая) компетенция, т. е. владение знаниями о системе языка, о правилах функционирования единиц языка в речи и способность с помощью этой системы понимать чужие мысли и выразить собственные суждения в устной и письменной форме;

- речевая компетенция, или знание способов формирования и формулирования мыслей с помощью языка, обеспечивающих возможность организовать и осуществить речевое действие (реализовать коммуникативное намерение), а также способность такими способами пользоваться в речевом акте;

- социокультурная компетенция подразумевает знание учащимися национально-культурных особенностей социального и речевого поведения носителей языка: их обычаев, этикета, социальных стереотипов, истории и культуры, а также способов пользования этими знаниями в процессе общения;

- социальная компетенция, или желание и умение вступать в коммуникацию с другими людьми, способность ориентироваться в ситуации общения и строить высказывание в соответствии с коммуникативным намерением говорящего и ситуацией;

- стратегическая (компенсаторная) компетенция — это восполнение учащимся пробелов в знании языка, а также речевом и социальном опыте общения в иноязычной среде;

- дискурсивная компетенция, означающая способность учащегося использовать определенные стратегии для конструирования и интерпретации текста;

- предметная компетенция — это способность ориентироваться в содержательном плане общения в определенной сфере человеческой деятельности;

- профессиональная компетенция, т. е. способность к успешной профессиональной деятельности.

И. В. Михалкина, проводившая исследования по проблеме лингвометодических основ системы стандартизированного тестирования по русскому языку как средству делового общения, понятие «уровень коммуникативной компетенции» рассматривает как определенную степень сформированности навыков говорения, позволяющую решать на иностранном языке экстралингвистические задачи

общения в соответствии с условиями коммуникации и проявляющуюся в достаточности и реальной соотнесенности необходимых для этих целей языковых знаний и речевых умений с ситуативно-содержательными параметрами общения [Михалкина 1998].

Целью преподавания языка специальности в экономической сфере является формирование иноязычной коммуникативной компетенции как важнейшего инструмента получения профессиональных знаний будущим специалистом в сфере делового общения. Студентам направления подготовки Экономика, профиль «Финансы и кредит» необходимо дать представление о культуре устного и письменного делового общения на русском языке, включая знание речевого этикета в сфере деловой коммуникации.

Система упражнений и заданий направлена на формирование практических навыков чтения деловых текстов, развитие навыков монологической и диалогической речи в различных коммуникативных деловых ситуациях и навыков и умений написания делового письма.

Так, к обязательным компонентам занятия по русскому языку при работе с профессиональной лексикой относятся:

1. Фонетический материал, который знакомит со звуками, ритмикой, интонацией с учетом трудностей произношения звуков русского языка.

2. Лексический материал, представленный лексическим минимумом, который вводится с учетом тем и сфер делового общения.

3. Грамматический материал, включающий модели предложений, речевые образцы и правила употребления грамматического материала в речи.

4. Социокультурный материал, который содержит сведения о стране изучаемого языка, который представлен социокультурными единицами языка, текстами о достопримечательностях, известных деятелях литературы и искусства, праздниках и т. п.

5. Учебные профессионально направленные тексты, соответствующие знаниям и умениям обучающихся. Тексты должны отвечать тем требованиям, что и специализированные материалы по экономическим специальностям.

6. Лексико-грамматический комментарий к текстам.

7. Упражнения для закрепления, активизации учебного материала и организации контроля качества его усвоения.

8. Лексический минимум темы (словарь).

9. Наглядность (рисунки, фотографии, таблицы, схемы) [Бальхина 2007: 61–62].

При работе с языком специальности необходимо использовать звучащий материал. В зависимости от темы занятия можно варьировать способы подачи, тип материала, а также предложенные для выполнения задания.

При обучении языку делового общения особое внимание должно быть обращено на работу с диалогической речью. К примеру, теме «Телефонный разговор» может соответствовать аудио или прочитанный преподавателем диалог сотрудников различных предприятий.

Внедрение интерактивных, игровых методов обучения для формирования коммуникативных навыков является необходимым в ходе проведения аудиторных занятий. Важно отметить, что студент не просто получает готовую информацию

или модель речевого поведения от преподавателя, а в процессе активной работы на занятии самостоятельно подходит к актуальному позитивному результату, выстраивает собственную систему, готовится к реальным коммуникативным ситуациям профессиональной направленности.

Одним из вариантов реализации ролевой языковой игры является симуляционное обучение.

Приведем примеры симуляционных игр при обучении языку делового общения:

- разговор по телефону по определенному коммуникативному заданию, где предполагается использование типичных для начала, продолжения и завершения телефонного разговора фраз и выражений;
- собеседование при трудоустройстве;
- деловые встречи/переговоры, где участники выступают в роли представителей разных организаций и составляют диалоги на предложенные темы;
- заполнение деловой документации;
- деловая поездка;
- работа над проектными заданиями, что предполагает определение, выбор темы, постановку цели, поиск необходимой информации в различных источниках (у населения /опросы/, в сети Интернет, телепрограммах) и представление конечного продукта познавательно-коммуникативной деятельности в устной или письменной форме и т. п.

При помощи ролевой игры можно построить модель деятельности или воспроизвести какую-либо социально-бытовую ситуацию, где рамки общения могут быть значительно расширены.

Кроме того, в обучении профессиональной речи будущих специалистов большую роль играет принцип учета языковых особенностей подсистем экономической терминологии. Обращая особое внимание на словообразовательные и морфологические характеристики экономических терминов, преподаватель дает возможность студентам не только узнать новые слова, но понять их место в системе других слов, правильно запомнить и применить их в письменной и устной речи в среде своего профессионального обучения.

Таким образом, обучение языку специальности узбекских студентов-экономистов должно быть разноплановым и разноаспектным. Развитие фонетических, лексических, грамматических, морфолого-синтаксических навыков должно быть обязательным элементом урока и помогать в решении коммуникативных задач при работе с языковым материалом, устной и письменной речью.

ЛИТЕРАТУРА

Балыхина Т. М. Методика преподавания русского языка как неродного (нового). М., 2007.

Михалкина И. В. Лингвометодические основы системы стандартизированного тестирования по русскому языку как средству делового общения. М., 1998.

Щукин А. Н. Обучение иностранным языкам: теория и практика: учебное пособие для преподавателей и студентов. М., 2004. С. 139.

*И. Г. Ткебучава
З. Джумаева*

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ВОСТОЧНЫХ ЭКЗОТИЗМОВ В РУССКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ УЗБЕКИСТАНА

Аннотация. В статье рассматривается функционирование восточных экзотизмов в русскоязычных художественных произведениях (лирических и прозаических) Узбекистана, написанных русскими и узбекскими писателями в начале XX века и в первые десятилетия XXI века.

Ключевые слова: экзотизм, тюркизм, восточный экзотизм, взаимодействие, заимствование, проза, лирика.

*I. G. Tkebuchava
Z. Dzhumaeva*

FUNCTIONING OF ORIENTAL EXOTICISM IN RUSSIAN FICTION OF UZBEKISTAN

Annotation. The functioning of Eastern exoticisms (turkisms) in Russian-language literary works (lyrics and prose) of Uzbekistan, written by Russian and Uzbek writers at the beginning of the 20th century and at the first decades of the 21st century are given the consideration in this article.

Key words: exoticism, turkisms, eastern exoticism, cooperation, loan, prose, lyrics, the area of language teaching.

В настоящее время сопоставительное изучение русско-тюркских языковых взаимоотношений, проблемы взаимодействия и взаимообогащения различных языков активно привлекают внимание ученых [Гусейнов, Мугумова 2019]. Особый интерес вызывает изучение специфики функционирования восточных экзотизмов, использованных в качестве изобразительно-выразительных средств в произведениях русскоязычной художественной литературы Узбекистана в начале XX века и в первые десятилетия XXI века.

Несмотря на то, что история тюркской лексики в русском языке стала предметом изучения еще в XIX веке [Емельянова 2003], степень изученности экзотизмов остается недостаточной, особенно при сопоставительном исследовании их активности употребления в языке художественной литературы указанных периодов.

Под термином «восточные экзотизмы» в современном языкознании понимаются заимствованные русским языком тюркизмы, по своему происхождению слова и обороты, восходящие к узбекскому, казахскому, киргизскому, туркменскому, турецкому, азербайджанскому, татарскому, чувашскому языкам.

Заметим, что ученые тюркоязычную лексику, нашедшую себе место в русском языке, называют по-разному: «восточные слова», «восточные экзотизмы», «экзотизмы», «среднеазиатская лексика», «безэквивалентная лексика», «ориентализмы», «локализмы», «этнографизмы».

Материалом для данной статьи послужили примеры из текстов художественной литературы (прозы и поэзии) русских писателей и поэтов двадцатых-тридцатых годов XX столетия (С. Бородина, В. Иванова, Б. Лавренёва, Н. Тихонова, М. Швердина) и русских и узбекских писателей и поэтов начала XXI века (из оригинальных и переводных лирических и прозаических произведений, опубликованных в журнале «Звезда Востока» за 2016–2017 и 2021–2022 годы).

Анализ материала показал, что художественная литература начала XX века стремилась в большей степени отразить малознакомые или совершенно неизвестные русскому читателю тех лет восточные экзотизмы из различных областей общественной жизни Узбекистана в период его становления как республики Советского Союза. В этот пласт лексики входят в основном слова, которые выражают понятия, связанные преимущественно с бытом, нравами, укладом жизни и религией узбекского народа, с отражением местной флоры и фауны. По обозначаемым понятиям их можно разделить на несколько тематических групп:

1) названия лиц по роду занятий, деятельности (*табиб, чабан, арбакеш, акын, мираб, раис, дехканин*);

2) названия людей, характеризующие их социальное положение (*бай, шейх, эмир, султан, бек, хан*);

3) наименования людей по отношению к военным должностям и чинам (*курбаши, нукер, юзбаши, кушбеги, басмач, илликбаши, наиб*);

4) названия лиц, указывающих на родственные отношения, на возраст (*ота, она, бобо, биби, ака, она, келин, аксакал, уртак*);

5) названия, имеющие отношение к религии (*ходжа, шейх, имам, ахун, кази, мечеть, ишан*);

6) слова, отражающие материальную культуру узбекского народа. К их числу относятся слова, связанные с обработкой и орошением земли: *арык, гузупая, кетмень, хирман, хашар, теша* и др.;

с животноводством, охотой: *бури, шер, джейран, кулон, марал, кеклик, карабаур*;

— местных кустарных изделий: *ганч, мата, алача* (ткань);

— названия орудий труда: *урак, теша, амач, кетмень*;

— названия пищи, напитков: *кавардак, шавля, мастава, плов, шурпа, айран, манты, самса, лагман, катык, кумыс*;

— названия посуды: *казон, пиала, коса, кумган, чайдиш*;

— названия одежды и обуви: *паранджа, чадра, кавуш, тюбетейка, атлас, чапан*;

— слова, обозначающие населенные пункты: *махалля, кишлак, туман, аул*;

— слова, связанные с названиями частей жилища, отопительной системы, внутреннего убранства дома: *отван, балахона, ичкари, кибитка, дувал, мехмонхона; мангал, сандал, супа, кошма, курпача, сюзане, дастархан*;

— слова, связанные с названиями растений (деревьев, кустарников): *айва, алча, джида, карагач, саксаул, тут, тал, урюк, инжир, джугара, лобия, нахот, янтак, нут*.

Отдельную группу восточных экзотизмов составляют слова, отражающие духовную культуру узбекского народа, связанные с литературой и музыкой, с названиями национальных праздников, имён собственных, приветствий и восклицаний: *шоир, хафиз, бахши, дутар, карнай, дойра, сурнай, рубаб, танбур; джин, див, пэри, гурия, иблис, дулдул; той, курултай, байрам, сайиль, кураш, Навруз, аламон, хайит, курбан; ассалом алейкум, бисмилло, инишалла, хорманг, вайдод, талак, келинг; Махмуд, Саид; барлас, такинец*.

Например:

«*Караван-вожатый, седой такинец, слез со своего ишака и сотворил намаз*» [Иванов 1926: 79].

«*Сверкнувши, окунается во тьму // Упругий бархат с отблеском шафрана // Прозрачные шелка из Маргелана, // Вздуаясь, опускаются к нему*» [Липскеров 1922: 16].

«*Горевал, повесив голову // В Каракумах скотовод*» [Санников 1963: 123].

Заметим, что и в названия художественных произведений включаются восточные экзотизмы. Ср:

С. Бородин «Последняя Бухара», М. Шевердин «Паранджа», В. Иванов «Оазис Шахр-и-Себс», Е. Зарт «Куп-Кары», В. Липскеров «Туркестанские стихи», Г. Серебрякова «В старом Самарканде», Н. Тихонов «Хашар», «Чайхана у Ляби-хауза».

Можно констатировать, что обилие восточных экзотизмов в русской прозе и лирике Узбекистана начала XX столетия свидетельствует о большом стремлении русских писателей и поэтов познакомить русскоязычных читателей с малознакомыми фактами жизни и быта узбекского народа тех лет, что в определенной степени позволяет сблизить соседние народы. В то же время не все восточные экзотизмы тех лет в одинаковой степени освоены русским языком. Одни прочно вошли в его состав, другие, хотя и достаточно известные в русской речи среднеазиатского региона, окончательно не освоились русским литературным языком, третьи имеют в русской письменной речи единичные употребления, четвертые — перешли на периферию лексической системы, став архаизмами и историзмами.

Рассмотрим функционирование восточных экзотизмов в художественной литературе Узбекистана начала XXI столетия на материале лирических и прозаических произведений современных русских и узбекских писателей, чьи произведения были опубликованы в журналах «Звезда Востока» за 2016–2017 и 2021–2022 годы.

Наши наблюдения показывают, что в этот период степень активности функционирования восточных экзотизмов в русской художественной литературе заметно снизилась. Их можно рассматривать как вкрапления в стилистическую ткань лирических и прозаических произведений. Так, в цикле стихов Анны Шайдулиной под названием «Монолог», состоящим из 14 стихотворений, в цикле стихотворений Алексея Гвардина «Стихи — забывшие мгновенье на холсте» (9 больших

стихотворений философского характера), в цикле стихов видного узбекского поэта и прозаика Баха Ахмедова «Ноябрь понимает все» (12 стихов) нет ни одного восточного экзотизма. В 13 стихах Вики Осадченко в цикле «Коснись луча ладонью и лети...» отмечен лишь один экзотизм — *кузмунчок* [Звезда Востока 2016 № 1: 30].

Анализ лирических произведений, опубликованных в журналах «Звезда Востока» за 2021–2022 годы, свидетельствует о следующем. В 12 стихах под общим названием «До листопада и после» известного поэта Узбекистана Раима Фархади отмечен всего лишь один восточный экзотизм — производное от слова *махалля* — *махаллинское утро*; в 7 больших стихотворениях под названием «С душой распахнутой иду» Сергея Насырова только дважды упоминается топоним *Ташкент*, в 8 стихах ташкентской поэтессы Р.Н. Кропней (под названием «Все помню... и благодарю») нами не встречен ни один пример экзотизма; нет их и в большом цикле стихов «На земном великом шаре» Андрея Слонима и в цикле стихов «Вот и лето пролетело» Натальи Белоедовой.

Какова же степень активности использования восточных экзотизмов в современной русскоязычной художественной прозе, посвященной сегодняшнему дню?

В десяти рассказах (Баха Ахмедова, Алексея Свистунова, Наримана Искандарова, Веры Вавиловой, Зульфийи Куралбай-кизы, Виктора Надаленко и Николая Попова), опубликованных в тех же журналах за 2016–2017 гг., степень активности экзотизмов крайне низкая. Так, в шести из них не обнаружено ни одного восточного экзотизма, нет их и в двух переводных (с узбекского на русский язык) рассказах К. Норкобилова «Любовь актера» и «Вряд ли будут читать», кроме восточных антропонимических этнографизмов (*Нусрат*, *Жамол* и др.). Отмечен лишь один экзотизм *худойи* с приведенными в скобках русскими эквивалентами «молитва», «мероприятие». В трех переводных рассказах Х. Сиддика «Напишу заявление», «Лозунг» и «Тринадцатый объект» использовано незначительное число восточных слов: *той*, *аксакал*, *базар*, *кишлак* и личное имя *Акбарали* [Звезда Востока 2017 № 3].

Справедливо будет заметить, что в современных произведениях писателей Узбекистана, посвященных описанию исторических событий далекого прошлого, степень активности восточных экзотизмов отражается в историзмах и архаизмах. Примером может служить журнальный вариант романа-эпопеи Али Махмуда «Амир Темура Великий» [Звезда Востока 2016 № 2: 5].

Итак, можно констатировать, что степень активности восточных экзотизмов в русскоязычной художественной литературе XXI века заметно отличается от ее активности в литературе XX века. Вероятно, это объясняется двумя причинами. Во-первых, в XXI столетии произошли известные изменения в социальной, политической, экономической и духовно-культурной жизни и русского, и узбекского народов, что, естественно, отразилось на словарном составе их языков. Во-вторых, большая часть восточных экзотизмов литературы начала XX века использовалась чаще всего для выполнения номинативно-изобразительных функций, а не экспрессивно-выразительных. К XXI столетию основная часть восточной экзотической лексики уже прочно устоялась в словарном составе общенародного русского языка.

ЛИТЕРАТУРА

Гусейнов Г.-Р.А.-К., Мугумова А.Л. И.Г. Добродомов об одном современном «опыте» изучения восточных (тюркских) экзотизмов в произведениях русских писателей XIX века о Северном Кавказе // Вестник Дагестанского государственного университета. 2019. № 2. С. 87–92.

Емельянова О.Н. Экзотизмы // Культура русской речи: энцикл. сл.-справочник. М.: Флинта, 2003. С. 760.

Звезда Востока. Литературно-художественный журнал. Республика Узбекистан, Ташкент (за 2016–2017 гг. и 2021–2022 гг.).

Иванов Вс. Оазис Шахр-и-Себс // Красная новь. 1926. № 8. С. 74–79.

Лавренев Б. Тень молчания // Отклики. 1922. № 1.

Липскеров К. Туркестанские стихи, «Альциона». М., 1922. 48 с.

Санников Г.А. Стихотворения. М., 1963. 263 с.

Серебрякова Г. В старом Самарканде // «Красная новь». 1927. № 10.

Тихонов Н. Собр. сочинений. Тт. I–VI. М., 1958.

Швердин М. Собр. Сочинений. Тт. I–VI. Ташкент, 1969, Т. 1.

МОЛОДЫЕ УЧЁНЫЕ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РУСИСТИКИ

УДК 811.161.1; 81'373

*Р. Х. Абдуллаева
Г. А. Джалилова*

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РУССКИХ ПАРЕМИЙ С ИСТОРИЗМОМ АЛТЫН

Аннотация. В статье рассматриваются русские пословицы и поговорки с историзмом АЛТЫН, выявляются определенные формы представления и организации знания на языковом уровне. Особый акцент делается на выявление такие областей знания, как социальный статус и моральные человеческие качества.

Ключевые слова: русская паремия, историзм алтын, семантика, форматы знания.

*R. H. Abdullayeva
G. A. Jalilova*

SEMANTIC FEATURES OF THE RUSSIAN PAREMIAS WITH HISTORICISM ALTYN

Annotation. The article examines Russian proverbs and sayings with historicism ALTYN, identifies certain forms of presentation and organization of knowledge at the language level. Particular emphasis is placed on identifying such areas of knowledge as social status and moral human qualities.

Key words: Russian proverb, Altyn historicism, semantics, knowledge formats.

Пословицы и поговорки, принадлежащие к малым жанрам фольклора, не имеют конкретного автора, хотя, естественно, он был, но устная форма бытования созданных паремических единиц не могла способствовать запоминанию их авторов, в результате чего автором стал народ как творец устного народного творчества. Паремические единицы любого народа отражают его национальный характер, его отношение к собственному бытию и окружающей действительности. Изучение паремического пространства языка раскрывает многоликую картину жизни устаревших слов, отражающих определенные знания о мире человека.

Одной из важных проблем для современной лингвистики представляется проблема выявления причин того, почему в языке есть денотаты, сохранившие только паремическую объективацию. В связи с этим интерес представляет рассмотрение русских пословиц и поговорок с лексемой АЛТЫН.

Материалом исследования послужили издания о русских пословицах и поговорках [Аникин 1989; Даль 1989; Жуков 2000; Зимин, Спирин 2006; Мокиенко, Никитина, Николаева 2010].

Слово «алтын», некогда широко распространённое в Древней Руси, имело значение «серебряная монета в 3 копейки». Первый декан факультета востоковедения Петербургского университета) Александр Касимович Казембек этимологию этого существительного возводил к тюркскому слову «золото». Эту точку зрения разделял Макс Фасмер, что отражено в его «Этимологическом словаре русского языка» [Фасмер 1964. Т. I].

«Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля в словарной статье «алтын» обращает внимание на другую версию происхождения тюркского слова «алтын», восходящую: «(золото? шесть?)», т. е. к слову «шесть» [Даль 1989 Т. I]. В качестве примера приводится пословица: «По латыни — два алтына, а по-русски шесть копеек». Как известно, в денежной системе Великого княжества Московского алтын господствовал в соотношении: 1 алтын = 6 денег.

В значении слова «алтын» выделяется две части: денотативная и коннотативная. Денотативная часть — это реальная счётная русская денежная сумма. Коннотативная часть — это экспрессивная, эмоциональная, оценочная составляющая, которая и способствовала порождению паремической единицы с семантикой, вытекающей из переносного значения. Присутствие в слове «алтын» коннотации позволяет выделять наглядный образ предмета. Этот образ в результате разных исторических изменений в языке стал терять мотивированную связь с денотатом лексемы «алтын», закрепившейся в паремических единицах.

Будучи в структуре паремической единицы, образ «денежного» предмета в процессе всей познавательной деятельности человека как социума стал передавать различные знания о мире и отражать накопленный коллективом опыт конкретной области знания.

Так, в большинстве паремических единиц слово АЛТЫН связано с образом ДЕНЬГИ, который формируется метафорическим осмыслением предмета *алтын*. Анализ семантической структуры паремий, объективирующих определенные знания о мире, показал, что выделяются определенные форматы знания со словом «алтын», а именно: социальный статус — бедность и богатство; моральные человеческие качества — жадность, скупость; бережливость и т. п.

Социальный статус: бедность и богатство

«Кто небогат, тот и *алтыну* рад».

«*Алтын* Мартыну — ни сапог подшить, ни скоба подковать».

«*Алтын* серебра не ломит ребра».

«Кому полтина, а кому и ни алтына».

«Не было гроша, да вдруг *алтын*».

«Счастье бедному — *алтын*, богатому — миллион».

«Бить бы на полтину, да нет ни *алтына*».

«На *алтын* да на грош не много утрешь».

В данных паретических единицах смысл бедность реализуется, прежде всего, за счет приставки НЕ, частиц НЕ и НИ, противопоставленность лексических единиц (*богатый* — *бедный*, *алтын* — *полтина*), которые указывают на отсутствие материального достатка.

Моральные человеческие качества

— *жадность*

«Федюшке дали денежку, а он *алтын* просит».

«Не сули чужой полтины, дай свой *алтын*».

— *достоинство*

«Лучше понести на гривну убыток, нежели на *алтын* стыда».

— *скупость*

«Пожалел *алтына* — рублем прост будешь».

«Не жалея *алтына*: отдашь полтину».

«Жалеть *алтына* — отдать полтину».

В русской национальной культуре существует стереотип, что богатство приходит к богатству, а беда притягивает беду, а эта беда и есть бедность.

«*Алтын* сам ворота отпирает и путь очищает».

«*Алтын* пропадет, и Мартын пропадет».

Не случайно особое место отводится союзу И, который в контексте имеет присоединительное значение:

— *проведение человека*

«Горе-богатырь; пьян с вина на *алтын*».

Эти пословица о разгуле и пьянстве — о поведении человека, которое всегда осуждалось. Никогда не приветствовались ложь и обман:

«Ой-ой, гуляю — грош меняю, *алтын* сдачи беру».

Лексема *алтын* является той скрепой, которая закрепляет смысловую связь с помощью рифмы, например, антропонима:

«Добр Мартын, коли есть *алтын*».

«Сиг — *алтын*, а уха под тын» (сиг — сиганул, укатился, пропал, потому что уха была невкусная). Пословичный образ *алтына* служит для выражения данного изображаемого факта — потеря денег.

Таким образом, при рассмотрении русских пословиц и поговорок с компонентом АЛТЫН отражаются определенные формы представления и организации знания на языковом уровне. Слово *алтын* репрезентирует такие частотные смыслы, как бедность, богатство, достоинство, жадность, горе и радость («Кому полтина, а кому и ни алтына»), свое и чужое («Не ждет Мартын чужих полтин; стоит Мартын за свой алтын»), вина и заслуга («Каков Мартын, таков у него и алтын») и другие.

К особенностям пословично-поговорочного жанра относится специфический языковой стиль — выразить общие мысли в стремлении научить и дать совет.

Это наглядно проявляется в ориентации на синтаксическое строение — простых предложений («Не нашего рубля *алтын*» — про отказ; «*Алтыном* постановка спора» — о профессионализме; «Счастья *алтыном* не купишь» — о радости; «Потерял Мартын отцов *алтын*» — о расточительности), использование обобщенно-личных предложений («*Алтыном* воюют, без алтына горюют»), тяготение к сложным бессоюзным («Счастье бедному — *алтын*; богатому — миллион») и сложносочинённым предложениям («Не было гроша, да вдруг *алтын*» — про удачу»).

Обращает на себя внимание тот факт, что в тюркской культуре слово АЛТЫН, как правило, используется в значении «золотой», а не в значении «шесть». например, Алтынтопкан — место, где находили золото, «золотой рудник. В современном в узбекском антропонимиконе распространёнными являются женское имя *Алтын*, имя *Алтынгиль* — Золотой цветок (гиль — цветок), мужское прозвище *Алтынбай* (корень алтын — «золото» + компонент «бай», который в переводе с тюркского означает «повелитель», «господин», т. е. «богатый господин), послужившее основой многих тюркских фамилий.

В славянской же традиции широкое распространение имели личные имена, образованные от числительного шесть — *Шестак*, *Шостак*, которые стали основой нестандартных фамилий [Дмитриева, Щербак 2004].

В этом случае следует подчеркнуть: «Неоднородность концептосферы онимов исключительно важна, ...неоднородность культурной среды является необходимым из условий существования культуры» [Щербак 2014: 18].

Таким образом, в связи с тем, что древнерусское заимствование АЛТЫН из татарского языка (XIV век) как единица денежного номинала с развитием общества устарела и не имела синонима в русском языке, она вошла в разряд историзмов, закрепившись в структуре русских пословиц и поговорок, отражающих древнее состояние русского языка.

ЛИТЕРАТУРА

Аникин В. П. Искусство слова в пословицах и поговорках // Словарь русских пословиц и поговорок. 7-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 2000.

Даль В. И. Пословицы русского народа. Тт. I–II. М.: Художественная литература, 1989.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: Тт. I–IV. М.: Русский язык, 1989–1991 (любое издание Т. I.).

Дмитриева Л. И., Щербак А. С. Нестандартные фамилии Тамбовской области. СПб., 2004. 40 с.

Жуков В. П. Словарь русских пословиц и поговорок. 7-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 2000. 544 с.

Зимин В. И., Спиринов А. С. Пословицы и поговорки русского народа: 270 большой объём. слов. Изд. 3-е, стер. Ростов-на-Дону: Феникс; Москва: Цитадель, 2006. — 542 с.

Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., Николаева Е. К. Большой словарь русских пословиц. М.: ЗАО «ОЛМА МЕДИА ГРУПП», 2010. 1024 с.

Фасмер М. Р. Этимологический словарь русского языка. М.: Прогресс, 1964–1973.

Щербак А. С. Диалектная ономастика в традиционном и когнитивном аспектах // Вопросы когнитивной лингвистики. 2014. № 4 (41). С. 18–22.

М. Б. Адамович

РЕЛИГИОЗНАЯ КАРТИНА МИРА В ДРЕВНЕРУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Аннотация. Проанализированы древнерусские фразеологические единицы, репрезентирующие религиозные представления православного человека. Осуществлена идеографическая классификация древнерусской фразеологии, сделан вывод о ключевых составляющих русской религиозной картины мира.

Ключевые слова: древнерусская фразеология, религиозная картина мира, религиозные представления.

M. B. Adamovich

THE RELIGIOUS PICTURE OF THE WORLD IN OLD RUSSIAN PHRASEOLOGY

Annotation. Old Russian phraseological units expressing religious ideas are analyzed; using the historical-comparative method with the techniques of historical and cultural interpretation, a conclusion is made about the key meanings in the religious picture of the world of ancient Russian man.

Key words: Old Russian phraseology, picture of the world, ideas.

В «Философических письмах» П. Я. Чаадаев очень точно определил влияние христианства на общество: «...христианство претворяет все интересы людей в свои собственные, заменяет везде материальную потребность потребностью нравственной, возбуждая в области мысли великие прения... в христианстве разрешалось все: жизнь частная и жизнь общественная, семья и родина, наука и поэзия...» [Чаадаев 2020: 47]. Добавим, что христианство оказало также огромное влияние на развитие русского языка, а язык и религия, являясь двумя разными по содержанию формами выражения духовной культуры этноса, обнаруживают теснейшую связь. В языке, особенно во фразеологии, отражена религиозная картина мира, «содержащая представление о сверхъестественном, веру в реальность сверхъестественного» [Крывелев 1968: 8].

В современном языкознании религиозная картина мира изучается с помощью фразеологических единиц (ФЕ), но чаще всего такие разыскания осуществляются на базе ФЕ Евангельских текстов. Актуальность настоящего исследования состоит в том, что анализируемые нами ФЕ не являются Евангельскими, а отобраны из Словаря древнерусского языка XI–XIV вв., в котором книги Ветхого и Нового заветов остаются за пределами источников.

Научному анализу подвергнуто 82 ФЕ, полученные методом сплошной выборки из первого и второго тома СДРЯ. Тематическая группа (ТГ) «**Фразеологические единицы, выражающие религиозные представления**» является второй по объёму из четырнадцати ТГ во всей нашей выборке, что указывает на важность данной сферы жизни для древнерусского человека.

Исследуемая ТГ включает 8 тематических подгрупп (ТПГ), самой обширной из которых является ТПП «**Фразеологизмы, выражающие представление о загробной жизни и смерти**» (28 ФЕ). Большая часть единиц этой группы выражает представление о рае, пребывании в раю, характеризуя это пребывание как **безконьчье блаженство** (царство небесное, рай в загробной жизни) [Здесь и далее примеры приведены из СДРЯ], **въчьни въ въчьныхъ** (достойные жизни в раю), **въчьная жизнь** (жизнь в раю), **небесная быванья** (о жизни в раю), **нетльньныи въкъ** (вечный загробный мир). Такое возвышенное представление о загробной жизни связано с тем, «человек переносит в иной мир не только формы своей жизни, он переносит туда свои интересы и идеалы» [Пропп 2021: 425]. Важным в пониманиирая, ада, христианской жизни вообще является символ **врат**. В «Энциклопедии символов» Г. Бидерманна ворота трактуются как «мост, переход, вход в значительное помещение в переносном смысле... Христианская символика ворот ориентировалась на речения самого Иисуса Христа в Евангелии от Иоанна: «Я есмь дверь: кто войдет Мною, тот спасется...» [Бидерманн 1996: 49]. Так, через врата проходят в рай (**врата въчьная, врата красьяная, врата небесная** (о царстве небесном), **врата господья** (врата царства небесного), в ад (**Врата адова**), жизнь по закону божьему характеризуется как **врата тьсьная, оузьякая**, в которые необходимо «**потъщитесь внити, яко пространья врата и широко путь въводи въ погыбель**». Жизненный путь человека представлялся проходом и уходом, что выразилось во ФЕ **въходъ и выходъ** (о рождении и смерти человека). Смерть тоже представлялась проходом через **врата смьртьяная**. В данной ТПП с помощью ФЕ отразилось резкое противопоставление земной и загробной жизни: **оньй (боудоущи, приидоущи) въкъ** (загробная жизнь), **сь (сии, нынтьшьныи, настоящи) въкъ** (земная жизнь), где в первой ФЕ сохранилось старое значение причастия **предъидуущий** из **предъити**, то есть «следующий впереди настоящего момента». ТПП сохранила и несколько эвфемизмов, обозначающих смерть: **въдати доушоу** (умереть), **въдаяти доушоу, постъднее въздыхание**. Подобные ФЕ были распространены в древнерусском языке (ср.: **богоу доухъ предати, богоу доушоу преложити, богоу представити** и т. д.), что связано с табуированием представлений о смерти в сознании человека, поэтому «смерть в русском языке часто сравнивается с уходом, сном и приобретением покоя» [Мадайени Авал Али 2017: 170]. Древнерусский человек пытался «локализовать» Царство небесное, представить его неким городом, что отразилось во ФЕ **вышьныи градъ** (небесный Иерусалим), **горьныи градъ, горьныи иероусалимъ**.

Второй по объему ТПП является «**Наименования элементов богослужения, церковных обрядов, мест их проведения**» (18 ФЕ). Так, ФЕ **дъвогоубьна аллилоуия** (аллилуйя, которая повторяется дважды) раскрывает сущность богословского спора первой четверти XV в.: «...возник вопрос, как петь аллилуйя: два или три раза; он вызвал много споров и окончательно был разрешен Стоглавым собором, признавшим правильною аллилуйю сугубую» [БЭС: 501]. Важными для древнерусского христианина оказались следующие церковные элементы: било как эквивалент колокола (**било великое**), благовония (**воня бла-**

гооухания), святая вода и процесс крещения (*вода крещения, вѣйти въ баню, вѣйти въ святоую коупѣль*), литургия и церковные песнопения (*вынимати просфоуроу* (вынимать часть из просфоры при литургии), *глоубиноу моудрости* (название церковного песнопения), места совершения церковных обрядов (*дворъ вѣноутрѣнии* (место в монастыре перед храмом, где священники благословляли народ), *царьскыѣ двѣри* (двери в середине иконостаса, ведущие в часть алтаря с престолом).

С данной группой тесно связана ТПП «*Фразеологизмы, обозначающие религиозные праздники*» (4 ФЕ), показывающая важность подобных событий, которые строго датировались: *великыи вѣторѣникъ* (вторник на страстной неделе, последней неделе перед пасхой), *великое говѣние* (шестинедельный пост перед пасхой), *петрово говѣние* (Петров пост со второго понедельника после Пятидесятницы до Петрова дня), *филипово говѣние* (Филиппов пост с 14 ноября по 25 декабря по старому стилю). Такое разнообразие ФЕ, связанных с обрядовой частью христианства, можно объяснить «обрядоверием»: «Православная религиозность исторически сложилась в тип храмового благочестия...Обрядоверие занимало большое место в русской церковной жизни» [Бердяев 2016: 20–21].

Интерес представляет ТПП «*Фразеологизмы, обозначающие Бога, Христа и их действия*» (9 ФЕ). Частотными для этой группы являются лексемы *вещь* и *вина*: *вещь надънебесная* (о Христе), *мироу виньныи* (о боге), *начало и вина, начальникъ и вина* (о первопричине чего-л. (чаще о боге). В древнерусском языке слово *вещь* в своей семантике совмещало конкретные значения (предмет, материал) и разнообразнее отвлеченные значения (природа, состояние, обстоятельство, явление). На протяжении столетий слово сузило свою семантику, потеряв отвлеченные значения. Во ФЕ *вещь надънебесная* выражается представление о Христе как о небесной сущности. Представление о Боге как о первопричине всего сущего выражено во ФЕ *мироу виньныи, начало и вина, начальникъ и вина*, где лексема *вина* употреблена в первоначальном значении «причина». ФЕ отразили представление о Боге как о карающем — *гнѣвъ божи* (*господѣнь*) и вознаграждающем — *даръ сватого доуха* (ниспосланное богом дарование), *доуховьныи даръ*.

В ТПП «*Характеристика людей, тесно связанная с христианскими представлениями*» (8 ФЕ) даются только положительные характеристики приверженцев христианской религии. Так, христиане сравниваются с пчелами — «символом храбрости, старательности, целомудрия, чистоты» [Бидерманн 1996: 216] — *бѣчелы христовы*. Все последователи учения Христа являются братьями, что и отразилось в иносказательном обозначении христианина *о Христъ братъ* (христианин). Сюда входит известная ФЕ *агньць божи*, в евангельском тексте обозначающая Иисуса, а позднее «кроткого, послушного человека». Во фразеологизмах этой ТПП сохранились указания на моральные устои: *ходити говѣюще* (жить целомудренно).

Тесно связана с этой подгруппой ТПП «*Фразеологизмы, выражающие представления о благе и вечности*» (6 ФЕ): *въчьная блага, въчьныи благаи, въчьное богатъство, доуховьное богатъство, небесная блага, небесное богатъство*.

ТПГ «*Характеристика людей, связанная с христианскими представлениями*» (8 ФЕ) и «*Фразеологизмы, выражающие представления о благе и вечности*» (6 ФЕ) противопоставлены ТПП «*Фразеологические единицы, выражающие представление о грехе*» (5 ФЕ). Исторические словари русского языка в целом дают небольшое количество ФЕ, выражающих представление о грехе. К 5 ФЕ из СДРЯ мы можем добавить найденную в Словаре русского языка XI–XVII вв. *содомский грѣхъ* (мужеломство) [СлРЯ XI–XVII вв.: вып. 4, 131] и три ФЕ из НКРЯ — *адамовъ грѣхъ* (первородный грех), *пръвьши грѣхы*, *соугоубъ грѣхъ* (большой, двойной грех). Небольшое количество единиц с данной семантикой вряд ли объяснимо табуированием понятий о грехе. Скорее всего, носитель языка бессознательно закреплял во фразеологии больше представлений о благе, чем о греховности.

В ТПП «*Фразеологизмы, обозначающие символы христианской религии*» (4 ФЕ) нашли отражение такие символы, как *възйти на кръсть* (о распятии), *вънць тѣрновыи* (одно из орудий страстей христовых), *гора господня* (гора Сион), *дарове святии* (святые дары, хлеб и вино).

Важным является вопрос о том, какие древнерусские ФЕ исследуемой тематики перешли в современный русский язык, а какие по тем или иным причинам были утрачены. Из 82 проанализированных ФЕ в современных фразеологических словарях отражено без изменений или с некоторыми изменениями в структуре и семантике 8 ФЕ, из которых 5 единиц — во Фразеологическом словаре русского литературного языка А. И. Федорова: *агньць божии* — олицетворение кротости, непорочности; *въдати доушоу* — умирать; *о Христь братъ* — брат во Христе (единоведец-христианин); *постъднее въздыхание* — до последнего вздоха (до смерти); *святая вода* — освящённая вода, обладающая исцеляющей силой; 3 ФЕ в Словаре русской фразеологии А. К. Бирих: *дарове божии* — дарование, врожденные способности; *вънць тѣрновыи* — мученичество, страдания; *геона огньная* — ад.

Остальные ФЕ не сохранились в современном русском языке по следующим причинам: 1) переход ФЕ в свободное словосочетание (*въйти въ баню*, *въйти въ святоую коуптьль*, *въчьная жизнь*, *небесьная блага* и т. д.), 2) устаревание (лексическое или семантическое) одного из компонентов ФЕ (*вещь надънебесьная*, *воня благооухания*, *въчьныи животъ*, *небесьная быванья* и т. д.), 3) терминологизация ФЕ (*великыи въторьникъ*, *дъвоугоубьна аллилоуя*, *филипово говъние* и т. д.).

Такое сокращение исследуемой тематической группы не следует трактовать как уход из жизни современного человека религиозного мировоззрения и христианских категорий: что-то актуализировалось языком и общественным сознанием, а что-то претерпевало изменения. Фразеологизмы, которые чаще использовались в памятниках письменности, в речи носителей языка, сохранялись, менее частотные распадались или исчезали.

Проанализировав тематическую группу «*Фразеологические единицы, выражающие религиозные представления*», можно отметить, что в религиозной картине мира древнерусского человека важное место занимали следующие ключевые составляющие: 1) представление о *загробной жизни* как вечной, блаженной и жизни и смерти как *проходе через узкие врата*, 2) *обрядовость*, 3) понимание

Христа и Бога как *небесных сущностей* и *первопричин* всего сущего, 4) связь христиан, их храбрость, старательность, целомудрие, духовная чистота, 5) важность духовного богатства и *нематериальных благ*, 6) бессознательное желание закрепить в сознании и языке больше положительного, чем отрицательного.

ЛИТЕРАТУРА

Бердяев Н. А. Миросозерцание Достоевского. Русская идея. М.: Издательство «Э», 2016. 512 с.

Бидерманн Г. Энциклопедия символов / Пер. с нем. Свенцицкой И. С. М.: Республика, 1996. 335 с.

Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. СПб.: Фолио-Пресс, 1998. 704 с.

БЭС — Полный православный богословский энциклопедический словарь. СПб.: Изд. П. П. Сойкина, 1912. Т. 2. С. 640.

Крывелев И. А. Религиозная картина мира и ее богословская модернизация. М.: Наука, 1968. 292 с.

Мадайени Авал Али, Сейед-Агаи Резаи Сейде Моханна. Способы эвфемизации смерти в русском и персидском языках // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2017. № 2 (26). С. 165–174.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/new/index.html> (дата обращения: 29.07.2022).

Пропт В. Исторические корни волшебной сказки. СПб.: Азбука-Аттикус, 2021. 544 с.

СДРЯ — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): в 10 т. / гл. ред. Р. И. Аванесов. М.: Рус. яз., 1988. Тт. 1, 2.

СлРЯ XI–XVII вв. — Словарь русского языка XI–XVII вв. / С. Г. Бархударов (отв. ред.). М.: Наука, 1975. Вып. 4. С. 403.

Чаадаев П. Я. Философические письма / Пер. с фр. Д. Шаховского. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2020. 224 с.

Федоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка: около 13 000 фразеологических единиц. 3-е изд., испр. М.: Астрель, 2008. 878 с.

УДК: 801.73:[81:1]

С. Т. Нурова
Е. В. Липатова

АРГОТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В ПОЧЕРКЕ БОРИСА АКУНИНА (по роману «Любовник смерти»)

Аннотация. Статья посвящена анализу арго в художественном тексте. На материале романа Бориса Акунина «Любовник смерти» устанавливается экспрессивно-стилистический характер арготической лексики и выявляется доминирующая отрицательная эмоциональная оценка.

Ключевые слова: арго, художественный текст, Борис Акунин.

S. T. Nurova
E. V. Lipatova

ARGOTIC VOCABULARY
IN THE HANDWRITING OF BORIS AKUNIN
(based on the novel “The Lover of Death”)

Annotation. The article is devoted to the analysis of slang in a literary text. On the material of Boris Akunin’s novel “The Lover of Death”, the expressive-stylistic nature of the slang vocabulary is established and the dominant negative emotional assessment is revealed.

Key words: slang, literary text, Boris Akunin.

Функционирование арготической лексики в тексте художественного произведения оценивается, безусловно, как отрицательное явление, как и в устной речи, и свидетельствует о том, что основным объектом лингвистического исследования текста является речь и ее функции. Данному суждению служит тот факт, что речь информативна, а язык — это «код, который должен быть приведен в действие» [Шаховский 2008: 127].

Окружающая действительность такова, что писатели часто используют в стилистике художественного произведения арготическую лексику в различных художественных целях, но прежде всего арготизмы отражают исключительную экспрессивность [Руденкл 2016].

При рассмотрении лексики арго в романе Бориса Акунина «Любовник Смерти» обращают на себя внимание использованные в романе названия районов города Москвы Сухаревка и Хитровка — «Хитров рынок» (по сюжету романа главный герой Сенька Скориков перешёл с Сухаревки на Хитровку). Именно эти городские топонимы задают стилистический регистр арготической лексики. Ср.:

«На Сухаревке, конечно, тоже *фармазонищиков и щипачей* полно, только куда им до хитровских» [Акунин 2012: 15]. *Фармазонищик* — аферист, сбывающий краденое. *Щипач* — вор-карманник.

«Вечером, опять-таки где-нибудь поближе к Хитровке, высматривали одинокого «*бобра*» (это как «карась», только выпимши)» [там же: 19.]

Жителями района Хитровки были воры («Днем ходили *тырить* (воровать), ночью *бомбить*» [там же: 18], мошенники, нищие, люди, попавшие на дно общественной жизни, «городского дна». Это был мрачный район города, где находились ночлежные дома, притоны, трактиры, игорные дома. После Октябрьской революции 1917 года здесь устанавливались бандитские законы, процветал криминал, царила преступность, и как следствие — звучала лексика преступного мира, «язык нищеты и низов общества», ненормативная речь — арго. При употреблении арготической лексики «каждый арготирующий свободно вкладывает в слова и выражения свой смысл, свои оттенки» [Елистратов 2010: 615].

М. А. Грачев возводит слово арго (фр. *argot*) к искаженному от французского эрго (фр. *ergot*), что означает «шпора петуха». Часть петушиной лапки

служила символом воровского ремесла. Французские преступники XIII–XIV веков использовали в качестве опознавательного знака и носили на поясе, чтобы узнавать «своих». М. А. Грачев подчеркивает: «Русская литература если не восторгалась низами общества, то, по меньшей мере, лояльно относилась к ним. Вспомним рассказ А. М. Горького «Челкаш», очерк А. И. Куприна «Вор» [Грачев 2022: 212].

Заметим, что фиксация арготизмов имеет определенную трудность, поскольку арго взаимодействует с жаргоном и просторечием, которые не входят в ядро любого национального языка и образуют специальный лексический пласт, отождествляемый с понятием тайный язык», «условный язык». В. И. Даль в середине XIX века последнее словосочетание использует в названии своей рукописи «Условный язык петербургских мошенников, известный под именем музыки или байкового языка» (1842). В. И. Даль был первым, кто лексикографически представил около ста пятидесяти лексем и двадцать примеров словоупотребления в словнике арготизмов под названием «Собрание выражений и фраз, употребляемых С.-Петербургскими мошенниками», который был опубликован в журнале «Северная пчела» (1859).

Итак, арго имеет смешанный характер, который проявляется в нечеткости, размытости терминологических границ и динамической природы. Именно эти черты арго говорят о необходимости его систематической фиксации и постоянного изучения.

В романе Бориса Акунина активно употребляются экспрессивно-стилистические устаревшие арготизмы, отмеченные в словарях как просторечные слова, имеют место и уголовные арготизмы.

Экспрессивно-стилистические арготизмы:

«Это что за *фря* (кривляка, воображала)?» [Акунин 2012: 3];

«Терся близ *обжорного* (продуктового) ряда и вдыхал носом запах печева» [там же: 15]. *Обжорный* ряд — ряд на рынке, где продавали продукты;

«Будто бы есть там такие люди особые, *хапуны* называются» [там же: 15].

Хапуны — сутенёры;

«Ну а если при хорошем *хабаре*, тогда шли пить вино в «Каторгу» или в «Сибирь» [там же: 19]. *Хабар* — барыш, навар;

«Иные мамзельки с *французкой* до тридцати годов доживают, а кто и дольше» [там же: 21]. *Французка* — венерическое заболевание, сифилис;

«Только тут до Скорика *донерло*» [там же: 42]. *Донереть* — переть, идти;

«Следующий по колоде, Сало, оказался хохол, отсюда и *кликала*» [там же: *Кликала* — кличка;

«Туз — это у *фартовых* навроде царя-государя, один на всю Москву» [там же: 54]. *Фартовый* — криминальный авторитет, от «фарт» — фортуна;

«Эй, Скорик, *гликось*» [там же: 59]. *Гликось* — смотри;

«Она чего, Князева *маруха* что ли?!» [там же: 5]. *Маруха* — любовница от имени Мария);

«Спьяну или если какой *баклан* сдуру залетит» [там же: 16]. *Баклан* — неопытный вор, хулиган, мелкий спекулянт.

Уголовные арготизмы:

«И опять Сенька про «смерть» *не слобастил* (не понял) — очень уж сожранными ушами заинтересовался» [там же: 4]. *Не слобастил* — не понял;

«Так дальше и пошло. Кольша Штырь (забироха был знаменитый, на Мещанах промышлял) с ней месяца два погулял — свои же ребята его на ножи поставили, *слам*) не поделили» [там же: 7]. *Слам* — выигрыш.

«Михейка Филин *«карася»* (жертва ограбления) высматривал — человека поразявистей — и проверял, при деньгах ли» [там же: 18.]

«Сам никогда не *щитал* (воровал) — таланта у него такого в пальцах не было» [там же: 18].

«Только власти должно быть немножко, самую малость, и чтоб не по бумажке правила, которую неизвестно кто и когда придумал, а по справедливости — чтоб всякий человек понимал, за что *харю ваксят* (обвиняют) [там же: 23].

«Скорик то понял, что это он велел пацану проваливать, а Килька этот, видно, не *скимитил* (не понял) — как стоял, так и остался стоять» [там же: 41].

«Тогда Очко ка-ак пустит *сокола* из правого рукава, в смысле ножик — тот ка-ак хряснет в косяк, в верхке от Килькиного уха» [там же: 41].

«Заговорили обо мне, *хрусты* (устар. уголовн.) (деньги) у меня завелись не копеечные» [там же: 49].

«Ну, я его *пером* (ножом) прямо в сердце щекотнул, так юшка мне на руку и брызнула...» [там же: 51].

«В *секу* (карты) пошлепаем, из полтинничка?» [там же: 58].

«Килька тоже весь белый стал. — *Кляп* (черт) его знает...» [там же: 59].

«В руке держал *дрыну* (пистолет) — черную, с длинным дулом» [там же: 69].

«Я *шмаляю* (ухожу), Упырь! — крикнул Ёшка» [там же: 70].

«Рядом, зевая — Сало, со *скрипкой* в руке (это левольверт так по-фартовому называется: *скрипка*, *дрына* или еще *волына*)» [там же: 69].

«И достал *лопатник* (чемодан) большой, кожаный, а в нем хрустов — немеряно» [там же: 72].

«К четвертому сентября малость *наблатыкался*, то есть немного освоился, хватило рубля с гривенником, а пятого и вовсе обошелся девяноста копейками» [там же: 145].

«Сенька сильно нервничал (то есть *тряс гузкой*)» [там же: 145].

Таким образом, при рассмотрении лексики арго в романе «Любовник смерти» Бориса Акунина (10 книга из серии «Приключения Эраста Фандорина») было установлено, что аргонимы использованы автором, во-первых, для социальной характеристики героев, т. е. принадлежности их к преступному миру, во-вторых, для характеристики определённой эпохи (начало XX столетия) и, что самое важное, арготическая лексика оказывается весьма активной по экспрессии, доминирует отрицательная эмоциональная оценка.

Интересен факт, что слово «*акунин*» в переводе с японского языка на русский означает «негодяй». Согласно словарям русского языка, слово негодяй (негодяя) относится к бранной лексике.

ЛИТЕРАТУРА

- Акунин Б. Любовник Смерти. М.: Захаров, 2012. 347 с.
- Грачев М. А. Адаптация арготических единиц в общенародном русском языке в XXI веке // Неофилология. 2022. Т. 8, № 2. С. 210–217.
- Елистратов В. С. Толковый словарь русского сленга. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2010. 672 с.
- Руденко М. Ю. Исследование аргю, жаргона и сленга: вопросы терминологии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 5 (59): в 3 ч. Ч. 3. С. 127–134.

УДК: 811.161.1/81 373

Ozoda Abdulvakhxob kizi Oymatova

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ ПОЭТИКА ЗАГЛАВИЙ РАССКАЗОВ А. П. ЧЕХОВА

Аннотация. В статье предпринята попытка рассмотреть артионимы, соотносённые с фразеологическими и паремическими единицами в пределах русского языка. Доказывается, что структуру артионимов рассказов А. П. Чехова оформляют не только слова, словосочетания, предложения, но фразеологические и паремические единицы как особые структуры знаний о русской духовной культуре, что оказывает влияние на проявление читательского интереса.

Ключевые слова: имя собственное, рассказы А. П. Чехова, артионимы, фраземы, паремия.

Ozoda Abdulvakhxob kizi Oymatova

CULTURAL POETICS OF THE TITLES OF A. P. CHEKHOV'S SHORT STORIES

Annotation. This article attempts to consider artionims, correlated with phraseological or paremic units within the Russian language. It is proved that the structure of the artonyms of A. P. Chekhov is shaped not only by words, phrases, sentences, but phraseological and paremic units as special structures of knowledge about Russian spiritual culture, which affects the manifestation of reader interest.

Key words: proper name, stories by A. P. Chekhov, artionims, phrases, paremia.

Изучение языковых единиц с национальной спецификой в структурном, смысловом и функциональном аспектах в настоящее время связано с решением проблем взаимосвязи и взаимодействия между языком и культурой. Ученые активно обращаются к идеям, которые в свое время были высказаны В. фон Гумбольдтом и А. А. Потебнёй о том, что язык как важнейший признак нации и мировоззрение конкретного человека тесно взаимосвязаны [Головки 2008: 174–175].

Культурологическим фактором рассказов А. П. Чехова выступают имена собственные в такой их периферийной разновидности, как артионимы. Будучи номинаторами произведений, артионимы отражают ценностное лингвокультурное содержание, которое воздействует на восприятие того или иного текстового объекта читателем. В этом случае следует говорить о «действенной ономастической информации», которая отражает лингвокультурологическую информацию [Щербак, Кадымова 2022: 202].

Е. А. Бурмистрова подчеркивает: «Культурный фактор артионима проявляется в зависимости от объема фоновых знаний носителей определенной культуры... и становится источником возникновения комплекса устойчивых ассоциаций, репродуцируемых человеческим сознанием в связи с артионимом-сигналом» [Бурмистрова 2006: 5]. Речь идет о том, что в процесс отражения системы русской ментальности вовлекаются авторские названия того или иного художественного произведения как единицы культурного знания.

Артионимы на языковом уровне, как правило, оформляются с помощью различных структурных моделей, представляющих собой односложие, словосочетания и предложения. Ср.:

В качестве однословных артионимов выступают имена героев («Агафья», «Трифон», «Гриша», «Ванька», «Зиночка», «Верочка», «Ниночка», «Поленька»), фамилии («Гусев», «Иванов»), название профессии («Следователь», «Учитель», «Доктор», «Драматург», «Корреспондент»), оценка человека («Воры», «Нищий»), социальный статус («Княгиня», «Мужики»).

Среди словосочетаний выделяются атрибутивные и местоименные единицы, выполняющие функцию предложения, но как артионимы они являются единицей лексического уровня, соотносимой с онимом. Ср.: «Беззащитное существо», «Лошадиная фамилия», «Мои жены», «Кулачье гнездо», «Скучная история». Выделяются словосочетания с сочинительным союзом И («Жених и папенька», «Баран и барышня», «Лев и солнце», «Речь и ремешок», «Контрабас и флейта», «Он и она», «Кролик и удав»), ИЛИ («Дура, или капитан в отставке», «Депутат, или Оля, Женя, Зоя», «Тысяча одна страсть, или Страшная ночь»). Отмечается преобладание предложно-именных сочетаний, указывающих на место или время действия («В овраге», «На святках», «На страстной неделе», «В вагоне», «В аптеке», «В номерах», «На охоте»).

Реже, чем однословные заголовки и заголовки-словосочетания, встречаются артионимы в виде простых нераспространенных или распространенных повествовательных предложений, как личных, так и безличных («Кухарка женится», «Спать хочется», «Свидание хотя и состоялось, но...», «И прекрасное должно иметь пределы»). Гораздо реже отмечаются сложные предложения типа «О том, как я в законный брак вступил».

Н. А. Веселова предложила классифицировать заглавия по принципу соотношения их с внеположенной тексту реальностью [Веселова 1998]. Согласно этой классификации, среди чеховских заглавий выделяются типы заглавий, которые объективируют:

— географические реалии («В Москве на Трубной площади», «В Париж!», «На гулянье в Сокольниках»);

— культурные символы («Мой Домострой», «Кавардак в Риме», «Моя беседа с Эдисоном»);

— произведения мировой литературы («Конь и трепетная лань», «Рыцари без страха и упрека», «Последняя могиканша», «Невидимые миру слезы»);

— чужое творчество («Тысяча одна страсть, или Страшная ночь. Роман в одной части с эпилогом. Посвящаю Виктору Гюго», «О драме» — два приятеля ведут разговор о драме, о Шекспире);

— категории литературоведения («Сценка», «Сказка», «Рассказ», «Роман», «Драма», «Водевиль», «Пьеса», «Очерк», «Письмо», «Психологический этюд», «Наброски», «Плач»);

— авторский жанр («Мошенники поневоле. Новогодняя побрехушка»);

— формы других искусств («Безнадежный. Эскиз», «На реке. Весенние картинки»);

— славянские мифологические персонажи («Наивный леший»);

— существа древнегреческой мифологии («Сирена», «Ариадна», «Калхас»).

Обращает на себя внимание тот факт, что в качестве артионима выступают фразеологические единицы как культурные символы, являющиеся «хранителями» особых структур знаний о явлениях окружающей действительности и «носителями» информации о русской духовной культуре.

Так, для большей выразительности заглавий А. П. Чехов обращался к поговоркам и пословицам, например, «Язык до Киева доведет», «Из огня, да в полымя». Особо обращают на себя внимание усеченные паремические единицы, являющиеся артионимами. Ср.: «За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь» (полная версия — «За двумя зайцами погонишься — ни одного кабана не поймаешь»); «Чужая беда» (полная версия — «Чужую беду руками разведу, а к своей ума не приложу»); «Шило в мешке» (фразеологическое сочетание обязано полной пословице «Шила в мешке не утаишь»); «Чужая беда не учит»» (полная версия — «Чужая беда не учит. На чужую беду глядя, не казнятся»).

Таким образом, фразеологические и паремические единицы, использованные А. П. Чеховым для названий рассказов, проявляют специфику национальной ментальности и являются бесценным памятником истории русского языка и культуры народа.

Как единицы культурного кода пословицы и поговорки, использованные в названиях рассказов А. П. Чехова, актуализируют в нашем сознании духовно-нравственные ценности современного российского общества, поэтому входят в коммуникативное пространство носителя русского языка.

ЛИТЕРАТУРА

Берковский Н. Я. Чехов: от рассказов и повестей к драматургии. М.: Искусство, 1989. С. 56.
Бурмистрова Е. А. Названия произведений искусства как объект ономастики: автореф. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2006. 20 с.

Веселова Н. А. Заглавие литературно-художественного текста: антология и поэтика: дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 1998. 236 с.

Головкин Ж. С. Культура и язык: аспекты взаимодействия // Научные ведомости, 2008. № 12 (52). С. 173–179.

Щербак А. С., Кадымова Д. Р. Ономастическая составляющая деятельности преподавателя русского языка как иностранного // Русский язык в поликультурной среде: наука, культура, межкультурная коммуникация. Самарканд-Москва, 2022. 300 с.

УДК 811.161.1

Saduri Hasanet

**ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА
СОЗДАНИЯ ОБРАЗОВ ТУНИСА И АЛЖИРА
В СТИХОТВОРЕНИИ Н. С. ГУМИЛЕВА
«АЛЖИР И ТУНИС»**

Аннотация. В статье рассматривается своеобразие использования лексических средств для создания образа стран Северной Африки в стихотворении Н. Гумилева. Делаются выводы о том, как лексика помогает подчеркнуть уникальность страны, формирует единый образ. При анализе средств художественной выразительности, которые встречаются в стихотворении «Алжир и Тунис» Н. Гумилева, с точки зрения их семантики и функционала, представлены классификации эпитетов и выявлены тематические группы лексики.

Ключевые слова: образ, эпитет, метафора, тематическая группа, метонимия, символ, лексика.

Saduri Hasanet

**LEXICAL MEANS
OF CREATING IMAGES OF TUNISIA AND ALGERIA
IN N.S. GUMILEV'S POEM "ALGERIA AND TUNISIA"**

Annotation. The article examines the peculiarity of using lexical means to create an image of the countries of North Africa in Gumilev's poem. It also explores how vocabulary helps to emphasize the uniqueness of the country, takes part in the construction of a complex system of linguistic units of the text that form a single image. When analyzing the means of artistic expression found in the poem "Algeria and Tunisia" by Gumilev from the point of view of their semantics and functionality, classifications of epithets will be presented, and thematic groups identified.

Key words: image, epithet, metaphor, thematic group, metonymy, symbol, vocabulary.

Африканская тема занимает значительное место в творческом наследии Н. С. Гумилева. Образы Туниса и Алжира представляют собой некий своеобразный конструкт, способ восприятия, понимания действительности. Благодаря лексическим средствам и символике, которые использует автор, мы можем про-

следить в стихотворении историю Алжира и Туниса с древних времен до периода французской колонизации.

В результате анализа семантики лексем, которые использовал Н. Гумилев в стихотворении, можно выделить несколько тематических групп.

Тематическая группа «Флора и фауна» создает образ Туниса как страны экзотической: *лев, сад, виноград, поля кукурузы, пальмы, посеvy*. Второй тематической группой являются слова со значением «Географические объекты»: *мыс, Атлас, побережье, берег, скат* — они подчеркивают уникальность положения стран.

Эпитеты, которые применяет автор, отличаются функциями и семантикой, на основании этого среди них также можно выделить несколько групп:

1. Эпитеты, которые включают в себя эмоциональную оценку: *изгнанник невинный; печальный брат Алжира; вожденная свобода; нежные девы, фантастический сад*. В генетивных конструкциях определение в тексте относится как к главному, так и к зависимому слову: *Атласа громада тяжела и черна; Алжир ... в знойной Африке сир*.

2. Эпитеты, которые содержат цветовую характеристику (колоративы): *зеленый луг: громада ... черна, рыжей стаей*.

3. Эпитеты, которые содержат указание на пространственное положение, историко-временную характеристику: *Италии дальней; римской постройки; Европы старинной*. Эпитет «дальний» здесь выражает не просто пространственные взаимоотношения между объектами, но и временные отношения.

4. Эпитеты, которые отражают климатические условия и качественные характеристики: *знойной Африки, крутых побережий, горячих небес*.

5. Эпитеты, которые содержат информацию об архитектурных особенностях: *римская постройка*. [Федотова 2022: 171].

Стихотворение открывается погружением в историю взаимоотношений между Европой и Алжиром:

От Европы старинной
Оторвавшись, Алжир,
Как изгнанник невинный,
В знойной Африке сир.

[Гумилев 2017: 617]

Сравнение и деепричастие, которое использовал Н. Гумилев, создает ассоциативную параллель со стихотворением М. Ю. Лермонтова «Листок». Нарушение тесных связей и невозможность найти покой подчеркивает эпитет *невинный*. Далее следует указание на историческую связь Туниса и Европы, которая теперь разорвана.

Н. Гумилев использует выражения, связанные с фразеологизмами. Например, в тексте стихотворения встречаемся со словосочетанием «оскалил клыки» в значении «дать отпор», это вызывает ассоциацию с фразеологизмом «показать зубы», но авторский вариант содержит метафору: сравнение с животным, которое готовится к защите. В предыдущей части стихотворения автор уже упоминал пустынных львов, которые были истреблены европейскими охотниками:

И под пулей Жерара
Пал последний из львов...

Н. Гумилев активно пользуется сравнениями: *как изгнанник невинный, словно Сиерра-Невада, рыжей стаей, как львы, как нежные девы, словно рыцарь на сечу*. Сравнение гор, которые простираются вдоль северного побережья Африки, со Сиеррой-Невадой отражает общность Европы и Африки.

Метафора на основе родственных связей подчеркивает близость географического положения (страны-соседи) и исторической судьбы.

Контраст «север-юг» в тексте создают антонимические пары и упоминание кабиллов, одного из берберских коренных народов севера Алжира, которые сравниваются с огрызающимися львами. Оскаливший клыки юг — зооморфная метафора, которая отражает борьбу местного населения против иностранного господства:

Все ползут из пустыни
Рыжей стаи пески

Метонимия употребляется для указания на коренных жителей, которые стремились к свободе.

С помощью образов-символов Н. Гумилев показывает сложную историческую ситуацию конфликта христианства и мусульманства, Европы и Азии, которая развернулась на территории Алжира и Туниса (кривой нож янычара — орудие воинов регулярной армии Османской империи, Константина — город-крепость, который назвали в честь императора):

С крутизны Константины
Христиан не столкнут.
Нож кривой янычара
Их не срубят голов
И под пулей Жерара
Пал последний из львов.

Здесь автор использует метонимию на основе имени собственного. В данном контексте имя известного французского охотника Жерара Сесиль Жюль Базиля, который получил известность благодаря охоте на львов, в том числе в Алжире, употребляется как собирательный образ французов, которые одерживают победу над местным населением Северной Африки. [Занегина 2014: 71].

Зацветший виноград — символ изменений времен французской колонизации. Северная Африка — территория, где исповедуют ислам, который не позволяет употребление алкоголя, и поэтому в тексте появляется эпитет «запрещенный» по отношению к винограду — сырью для изготовления вина и других алкогольных напитков. В связи с этим образ французов, которые пьют смесь абсента и льда, здесь символизирует победу европейских традиций. Словосочетание *витрины чужеземных сластей* приобретает грустную и ироническую характеристику, так как именно сладость — то, чем славится

Восток. Антитезы хижины — могилы, озера — рвы подчеркивают изменения, произошедшие в результате конфликта.

Стихотворение «Алжир и Тунис» создает самобытные образы Туниса и Алжира. Н. С. Гумилев при помощи набора лексических средств предоставляет читателю возможность углубиться в исторические взаимоотношения стран, он создает систему аллюзий на исторические и культурные события, которые повлияют на становление стран северной Африки.

ЛИТЕРАТУРА

- Гумилев Н. С. Полное собрание сочинений в одном томе. М.: АЛЬФА-КНИГА, 2017. 1148 с.
- Занегина А. А. Адъективная метонимия и ее специфика в поэзии Н. С. Гумилёва // Филология и лингвистика в современном обществе: материалы II Междунар. науч. конф. (г. Москва, февраль 2014 г.). Т. 0. Москва: Буки-Веди, 2014. С. 70–73.
- Федотова К. С. Топонимические эпитеты Николая Гумилева // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература, vol. 19, № 1, 2022, С. 169–180.

УДК 811.111

Е. В. Терехова

ОТНОШЕНИЕ СТУДЕНТОВ К ИСПОЛЬЗОВАНИЮ СУБСТАНДАРТНЫХ ЕДИНИЦ В РУССКОЙ РЕЧИ

Аннотация. В статье рассматривается отношение студентов к проблеме культуры русской речи. Актуальность исследования обусловлена необходимостью анализа устной речи молодого поколения для понимания современного состояния русского языка. Научная новизна исследования заключается в рассмотрении вопроса об употреблении субстандартных языковых единиц в речи студентов с помощью эксперимента, направленного на выявление отношения молодежи к проблеме языковой культуры. В исследовании использованы анкетирование, статистический метод и сравнительный анализ. Результаты свидетельствуют о том, что большинство опрошенных используют субстандартные единицы в своей речи и относятся к их употреблению как к «норме».

Ключевые слова: субстандартные единицы, речь студентов.

E. V. Terekhova

STUDENTS' ATTITUDE TO THE USE OF SUB-STANDARD UNITS IN RUSSIAN SPEECH

Annotation. The article examines the attitude of students to the problem of the culture of Russian speech. The relevance of the research is due to the need to analyze the oral speech of the younger generation to understand the current state of the Russian language. The scientific novelty of the study is to consider the use of substandard language units

in the speech of students with the help of an experiment aimed at identifying the attitude of young people to the problem of language culture. The survey, statistical method and comparative analysis were used in the study. The results indicate that the majority of respondents use sub-standard units in their speech and treat their use as “normal”.

Key words: sub-standard units, students' speech.

Активные процессы глобализации и всеобъемлющей цифровизации оказывают влияние на коммуникации, изменяя их содержательно и формально. Трансформации коммуникационных процессов в свою очередь негативно воздействуют на культуру речевого общения на русском языке. Массовое проникновение в литературную разговорную речь просторечной лексики, заимствований, сокращенных форм слов, жаргонизмов, даже обценной лексики существенно снизило общий уровень культуры русской речи. В связи с этим возникла необходимость исследования данной проблемы сохранения и чистоты литературного языка и речи. Так получило развитие новое направление в языкознании — лингвистическая экология, основной задачей которой является «сохранение языковой идентичности этноса и на этой основе нравственного здоровья общества и национальной безопасности государства» [Бернацкая 2014]. Вопрос ослабления языковой культуры видится нам крайне важным, особенно для молодого поколения, поэтому мы решили провести небольшое исследование того, насколько актуальной проблема культуры речи видится современным российским студентам.

Целью данного исследования является определение оценки молодыми людьми качества и их уровня культуры речи с точки зрения ее чистоты и наличия в ней субстандартных языковых единиц. Под субстандартными единицами мы, вслед за Т. А. Кудиновой понимаем единицы, находящиеся на периферии литературного языка» [Кудинова 2010: 137], а значит и элементы просторечия, и жаргонизмы, и единицы сленга. Для достижения цели были поставлены следующие задачи: методом наблюдения определить список субстандартных единиц, используемых студентами 1–2 курсов филологического факультета РУДН, разработать анкету и провести анкетный опрос среди студентов, по результатам опроса провести сравнительный анализ частотности употребления субстандартных единиц респондентами, сделать выводы об отношении молодого поколения к их использованию.

Выбор ракурса исследования обусловлен тем, что изменения в культуре речи молодежи отражают проблемы социального характера. Экология языка становится задачей первостепенной важности [Калинин 2017]. Определение степени культуры речи или «речевой антикультуры» [Салимовский 2010], экологичности речи возможно, по мнению В. И. Шаховского, через определение частоты употребления литературных и нелитературных языковых единиц [Шаховский 2020].

Для выявления «экологической частоты» [там же] мы опросили 102 студентов 1–2 курса филологического факультета Российского университета дружбы народов, относящихся к возрастной группе 18–19 лет. Наблюдения за речью студентов и опрос 70 студентов позволили отобрать 10 часто встречающихся субстандартных единиц. В анкету были включены вопросы общего характера,

позволяющие самим респондентам оценить свою речь с точки зрения присутствия в ней субстандартных единиц: Как Вы относитесь к использованию единиц сленга в русской речи? Как часто вы употребляете в речи единицы сленга, жаргона, просторечия? А также вопросы, проверяющие частотность употребления выделенных ранее 10 слов.

Результаты анкетирования студентов 1–2 курса РУДН показали разную степень, но все-таки высокую частотность просторечных форм, жаргонизмов и единиц сленга, сравним:

Таблица 1

Частотность субстандартных единиц в речи студентов

Субстандартная единица	% респондентов, использующих единицу в своей речи
Ок	95
Ща	93
Шо/Че	91
Дз	90
Чилить	82
Кринж	80
Ору	78
Жиза	65
Сорян	56
Ваще	55

Анализ полученных результатов позволил заключить, что подавляющее большинство опрошенных используют в своей речи сокращения (*ок, ща, че/шо, дз*). Частотные единицы жаргона представлены заимствованиями — *кринж* (от англ. to cringe — поеживаться), образованиями от заимствованных корней — *чилить* (от англ. to chill — остывать), реже *сорян* (от англ. sorry — извиняться). Особо следует выделить наличие слов, которые заменяют объяснение целой ситуации (*жиза* — ситуация, с которой человек сталкивался лично и на одном уровне может понять и поддержать диалог) или же слов, замещающих открытое выражение своих чувств и эмоций (*ору* — шутка действительно удалась, меня это шутка/ситуация очень повеселила), что также влияет на «скорость» восприятия информации и упрощает коммуникацию.

Ответы на вопрос об отношении к использованию субстандартных единиц в русском языке не показали обеспокоенности о распространении речевой антикультуры: 48% респондентов выбрали «положительное» отношение, 31% — «нейтральное» и 21% — «отрицательное». Большинство опрошенных спокойно воспринимают использование субстандартных единиц в русской речи.

Мы полагаем, что выявленная в исследованной группе молодежи тенденция частотного употребления субстандартных единиц, характеризующихся краткостью, объясняется массовостью письменной коммуникации, постепенно

вытесняющей устную. При письменной коммуникации собеседники стремятся сократить время написания для более высокой скорости передачи информации. Использование таких единиц «загрязняет» русскую речь, но воспринимается молодыми людьми как «норма».

Результаты исследования указывают на необходимость привлечения внимания молодых людей к культуре русской речи, вовлекать в устное речевое общение, демонстрировать лучшие образцы русской литературной речи, вести просветительскую деятельность для повышения уровня общей языковой культуры.

ЛИТЕРАТУРА

Бернацкая А. А. Лингвоэкология и «критика языка» // Экология языка и коммуникативная практика, 2014. № 2. С. 15–31. URL: <http://ecoling.sfu-kras.ru/wpcontent/uploads/2014/09/Bernatskaya-A.A.pdf> (дата обращения: 16.09.2022).

Железнова Е. Г. К вопросу об экологии языка и экологической лингвистике // Научный вестник ЮИМ, 2016. № 3. С. 70–73.

Калинин С. С. Об экологии языка и речи в свете языковой теории Й. Л. Вайсгербера и У. Матураны Экология языка и коммуникативная практика. 2017. № 4 С. 1–8 URL: <http://ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2017/12/Kalinin-S.S.-.pdf> (дата обращения: 20.09.2022).

Кудинова Т. А. Стандарт и субстандарт в языке: к обоснованию понятий // Научная мысль Кавказа, 2010. № 3 (63). С. 136–140.

Панченко Н. Н. Достоверность как коммуникативная категория. Волгоград: Перемена, 2010. 342 с.

Салимовский В. А. Культура речи и речевая антикультура // Речеведение: общие опросы, массовая коммуникация. Электронный сборник статей за 2010–2012 гг. СПб., 2012. URL: http://jf.spbu.ru/upload/files/file_1354569365_8097.pdf (дата обращения: 14.09.2022)

Шаховский В. И. Эмоциональные вызовы природосферы в зеркале информационной функции языка // Эмоциональная сфера человека в языке и коммуникации: синхрония и диахрония — 2020: Материалы международной конференции. М., 2020а. С. 224–236.

УДК 811

Г. З. Тошмуротова

ЗООНИМЫ, РЕПРЕЗЕНТИРУЮЩИЕ СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «ЖИВОТНЫЙ МИР» В РУССКИХ И УЗБЕКСКИХ СКАЗКАХ

Аннотация. Статья посвящена анализу сказок с зооморфными образами, олицетворяющими понятие «хитрость» в русской и узбекской культурах. Устанавливается, что содержание характеристики *хитрый* в отношении животных обусловлено качествами, которые приписывает ему коллективное национальное языковое сознание, что позволило закрепить в языке эталон определенной стереотипной характеристики, ярче проявляющийся в названиях узбекских сказок, нежели русских.

Ключевые слова: русские и узбекские сказки, животные, хитрость.

THE SEMANTIC FIELD “ANIMAL WORLD” IN RUSSIAN AND UZBEK FAIRY TALES

Annotation. The article is devoted to the analysis of fairy tales with zoomorphic images that personify the concept of “cunning” in Russian and Uzbek cultures. It is established that the content of the characteristic cunning in relation to animals is due to the qualities that the collective national linguistic consciousness ascribes to it, which made it possible to fix in the language the standard of a certain stereotypical characteristic, which is more clearly manifested in the names of Uzbek fairy tales than Russian ones.

Key words: Russian and Uzbek fairy tales, animals, cunning.

Языковая репрезентация ключевых образов животного мира в русских и узбекских сказках отражает значимость изучения персонажей народных сказок о животных как языковых свидетельств отражения зооморфного кода культуры. Зоонимы как отдельные лексические единицы и как компоненты устойчивых сочетаний широко представлены в русских и узбекских народных сказках.

«Народная сказка является текстовым репрезентантом народного творческого обыденного сознания, представляющего коллективный опыт восприятия действительности и жизни народа» [Ли Исинь 2020].

В процессе развития культуры и традиции у каждого народа постепенно оформлялись специфические образы животных, что связано с природными и историческими условиями, особенностью культуры, обрядов, обычаев, религии и т. д. В связи с этими факторами, различные народы проявляли к животным (птицам) разные чувства и создавали национальные ассоциативные образы. Предметом сопоставительного анализа, например, между английским и узбекским языками становится выявление различий в народных сказках [Нусратова 2021]. Каждая нация вкладывает в основную идею сказки отражение жизненного уклада, мировоззрения, свою национальную самобытность [Рузметов, Самандарова 2016].

При характеристике животных в русском фольклоре отмечается частотность употребления прилагательного ХИТРЫЙ, которое является синонимом к слову «мудрость». Вспомним русскую пословицу «Хитрость — второй ум».

Если обратиться к этимологии слова «хитрый», то устанавливается, что слово «хитро» — это «мудро», лексема *хитрый* восходит к «общеславянским словам — праславянское *хутръ → хытръ, → хитр в значении «изворотливый, лукавый».

В пословично-поговорочных русских и узбекских контекстах качеством хитрости наделяются животные и птицы, например:

Узбекские пословицы	Русские пословицы
«Собачья <i>хитрость</i> лисе не по нраву», Хитрую птицу за клюв ловят.	«Глуп, как свинья, а лукав, как черт», «Кто в чин вошел лисой, тот в чине будет волком», «Лиса семерых волков проведет»

Особо подчеркнём, что о хитрости животных говорят названия многих узбекских сказок, в которых используются их номинации с атрибутивным компонентом. Ср.: названия узбекских сказок: «Хитрая лиса», «Хитрый заяц», «Хитрая коза», «Хитрый петух», «Хитрая собака», «Хитрая коза», «Хитрый заяц», «Хитрый шакал».

В этих сказках животные *Лиса, Заяц, Коза, Петух, Собака, Коза, Заяц, Шакал* принадлежат к положительным образам, они характеризуются ловкими, остроумными, находчивыми, практичными и умными.

В русских сказках, как видно из названий ниже приведенных, словосочетание «хитрая лиса» отсутствует. Речь идет, как правило, об одном из главных персонажей сказок — самой Лисе.

Названия русских сказок больше тяготеют не к прилагательному *хитрый*, а к перечню номинации конкретных персонажей, с которым «общается» хитрая лиса и пытается обхитрить и обмануть их. Ср.: «Лиса, заяц и петух», «Кот и Лиса», «Лиса-лапотница», «Лиса и журавль», «Лиса и козел», «Кот и лиса», «Лиса и тетерев», «Лиса и Медведь», «Лиса и Дрозд» и др.

Образ хитрой Лисы — это самый яркий и интересный в русском фольклоре. Думается, это объясняется тем, что поведение Лисы сходно с поведением человека, таким, как притворство, льстивость, хитрость, обман. Лиса обладает человеческими чертами характера. «Одним из магистральных путей достижения содержания традиционной культуры является изучение ее символики, аккумулирующей в себе главные, категориальные результаты интеллектуального освоения человеком действительности, приспособления мира к себе и себя к миру» [Уринбаева 2018: 68].

В структуре русских сказок проявляется образная составляющая лексемы ХИТРОСТЬ, представленная путем зооморфологизации, в которую вовлекаются различные языковые единицы с лексической семантикой «хитрость как признак «особого ума», формирующие семантическое поле «Животный мир». В качестве примеров приведем наиболее частотные единицы, а именно:

- существительные: *кумушка, лисонька*;
- прилагательные: *лукавая лисица, рыжая плутовка, хитрая лисичка*;
- устойчивое словосочетание с приложением: *лиса-плутовка, лисичка-сестричка*;
- антропонимические единицы: *Лиса Патрикеевна, Лизавета Ивановна, Лисавета Ивановна, Лисафь*.

Таким образом, свойством хитрости в сказках о животных наделены герои как русских, так и узбекских сказок. Узбекский и русский народы ценят хитрость животных, которая заключается в их ловкости, смекалке, обмане. При этом действия животных в сказках, как правило, не осуждаются, а рассматриваются как один из способов преодоления трудностей. Осмысление понятия «хитрость» на материале народных сказок показывает, что в жизни приходится и хитрить, но в то же время внушает, что хитрых людей следует опасаться. Поэтому хитрость героев в сказках о животных может расцениваться как положительная, то есть слово «хитрость» является синонимом к слову мудрость.

Зооморфными образами, олицетворяющими понятие «хитрость» в русской и узбекской культурах, являются образы разных животных, которые репрезентируют различие в отражении менталитета в народных сказках.

Содержание характеристики ХИТРЫЙ в отношении животных обусловлены не столько качествами самого животного, сколько качествами, которые приписывает ему коллективное национальной языковое сознание, что позволило закрепить в языке эталон определенного качества животного: лиса в сказках всегда хитрая, её называют шельма, обманщица, мошенница, плутовка.

ЛИТЕРАТУРА

Ли Исинь. Репрезентация ключевых концептов русских народных и авторских сказок как отражение коллективного и индивидуального языкового сознания: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2020. 26 с.

Нусратова А. Ч. Отношения между английскими и узбекскими народными сказками // Международный журнал Искусство слова. Ташкент. 2021. Т. 4. № 3. С. 5–9.

Рузметов Х. К., Самандарова Н. К. К вопросу о сравнительном изучении народных сказок // Молодой ученый. 2016. № 10 (114). С. 1486–1488.

Уринбаева Д. Б. Статистическо-синергетическое исследование узбекских фольклорных жанров: монография. СамГУ. Тамбов: Консалтинговая компания Юком, 2018. 86 с.

УДК 811.161.1; 81'373

Э. Б. Умирова

КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ РУССКИХ ПАРЕМИЙ С КОМПОНЕНТОМ ТРУД

Аннотация. Доказывается, что русские паремии с лексемой *труд* сопряжены с когнитивными процессами и как концептуальные сущности, лежащие в основе функционирования языка, занимают устойчивое положение в мышлении человека и действительности.

Ключевые слова: русские пословицы, лексема труд, когнитивно-матричный метод.

E. B. Umirova

COGNITIVE APPROACH TO THE STUDY OF RUSSIAN PAROEMIAS WITH THE COMPONENT LABOR

Annotation. It is proved that Russian proverbs with the lexeme labor are associated with cognitive processes and, as conceptual entities that underlie the functioning of the language, occupy a stable position in human thinking and reality.

Key words: Russian proverbs, lexeme labor, cognitive-matrix method.

Лингвистический энциклопедический словарь термин «пословица» определяет как «краткое, устойчивое в речевом обиходе, как правило, ритмически организованное изречение назидательного характера, в котором зафиксирован многовековой опыт народа; имеет форму законченного предложения (простого

или сложного)» [Лингвистический энциклопедический словарь 1990]. Изучение паремического пространства языка раскрывает многоликую картину жизни лексемы ТРУД, отражающей определенные знания о мире человека.

На современном этапе языкознания одной из главных тем изучения является взаимодействие языка и культуры, отражающих национальные особенности того или иного народа, что особенно ярко проявляется при анализе паремического пространства языка. Паремические единицы любого народа отражают его национальный характер, его отношение к собственному бытию и окружающей действительности.

Важно помнить, что каждый значительный компонент этноса по-своему выражает этническую специфику и что данная специфика находит своё отражение в первую очередь в номинативных единицах соответствующего языка.

В культурной сфере русского народа лексема *труд* относится к числу так называемым «бытийных» ценностей, мировоззренческих универсалий (наряду понятиями добро, счастье, семья и т. д.), то есть относится к категориям общечеловеческой культуры. Язык как составная часть культуры является средством усвоения культуры, следовательно, хранения культурно-ценностной информации, системы ценностных установок народа или этноса, что позволяет выявить существующие в сознании ценностные доминанты, определить их набор и соотносённость с точки зрения универсальности и идиоэтничности.

Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров подчёркивали, что «мировидение народа и его миропонимание опредмечиваются в языке в системе характерных для него образов <...> культурно значимый смысл самого образа открывается при буквальном прочтении пословиц [Верещагин, Костомаров 2005: 78].

На современном этапе языкознания обращает на себя внимание разработка когнитивно-матричного метода [Ду Чуньян 2021; Щербак А. С., Кончакова С. В., Раздубев 2016; Щербак 2014 и др.], направленного на исследование языковых фактов и выявление тематически-концептуальных областей, лежащих в основе понимания значений языковых единиц.

Обладая широкими коннотациями, лексема ТРУД формируют особые зоны лексического значения, как следствие — в значении слова закрепляются результаты познавательной деятельности людей и соответствующие образы.

Знания матричного формата, лежащие в основе осознания паремических единиц с компонентом ТРУД, открывают доступ к таким концептуальным областям, как: ЧЕЛОВЕК, ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, УЧЕБА, ДОСТАТОК и другие.

Компонентами матрицы служат когнитивные контексты, отражающие контекстуальную фоновую информацию, что позволяет нам понять, например, репрезентируемое знание об умственном или физическом труде: ТРУД — РАБОТА — ДЕЛО.

ТРУД

Без <i>труда</i> меду не едят. Зажиточно жить — надо труд любить. Землю солнце красит, а человека — <i>труд</i> . <i>Труд</i> человека кормит, а лень портит. <i>В труде</i> победить — мир укрепить	Без труда не вынешь и рыбку из <i>пруда</i> . Золото познаётся в огне, человек — <i>в труде</i> . Кто любит жизнь, тот любит <i>труд</i> . Труд кормит и одевает. <i>В труде</i> рождаются герои. Где <i>труд</i> , там и счастье.
--	---

Обращает на себя внимание тот факт, что при лексеме *труд* присутствуют прилагательные с оценочной семантикой: *праведный труд, честный труд, хороший труд, прилежный труд, толковый труд*. Эти прилагательные относятся к категории оценочных слов и отражают принятые в русском языковом сообществе житейские нормы через призму индивидуальной системы ценностей. Ср.:

На душе покой всегда от <i>хорошего труда</i> . Нажитое <i>честным трудом</i> в воде не тонет, в огне не горит. Быт здоровый — <i>труд толковый</i> ; быт плохой — и труд такой.	Без <i>хорошего труда</i> нет плода. От <i>трудоов праведных</i> не нажить палат каменных. Без <i>прилежного труда</i> не вырастишь плода.
---	---

РАБОТА

Без <i>работы</i> день годом кажется. <i>Горька работа</i> , да хлеб сладок. На миру и <i>работа</i> спорится. <i>Хорошая работа</i> любую должность возвышает. <i>Работа</i> с зубами, лень с языком.	На <i>чужую работу</i> глядя сыт не будешь. Птицу узнают в полёте, человека — <i>в работе</i> . <i>Работа огородная</i> , да слава всенародная. <i>Хорошая работа</i> и старика молодит.
--	---

Оценочная характеристика нравственных качеств человека образует бинарную архетипическую оппозицию ТРУД/РАБОТА — ЛЕНЬ/БЕЗДЕЛЬЕ Эта оппозиция фиксируется в культурах разных народов мира, Первый элемент оппозиции, как правило, является положительно маркированным, а противопоставленный — отрицательно маркированным.

ДЕЛО

<i>Дело</i> мастера боится. Маленькое <i>дело</i> лучше большого безделья.	У работающего в руках <i>дело</i> спорится. Стоит заговорить <i>о деле</i> — у ленивого голова заболит.
---	---

УЧЕБА

<i>Труд</i> при учении скучен, да плод от учения вкусен.	Воля и <i>труд</i> дивные всходы дают.
--	--

Представления о человеке по его деятельности объективируют такие лексемы, как МАСТЕР, УМЕЛЕЦ, РУКОДЕЛЬНИК; БЕЗДЕЛЬНИК.

Умелец да *рукодельник* и себе и людям радость приносит.

Кто *мастер* на все руки, у того нет скуки; *Дело мастера* боится.

Бездельник придёт — от работы оторвёт.

Таким образом, лексема ТРУД включена в структуру сознания и мышления и сопряжена с когнитивными процессами. Когнитивный подход к изучению паремических единиц как концептуальных сущностей, лежащих в основе функционирования языка, позволяет считать, что паремии с лексемой *труд* занимают устойчивое положение в мышлении и действительности.

ЛИТЕРАТУРА

- Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* Язык и культура. М.: Индрик, 2005. 1040 с.
- Ду Чуньян.* Перифразы небесных тел в русском языке: дисс. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2021. 192 с.
- Лингвистический энциклопедический словарь / Сост.-ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. 682 с.
- Щербак А. С.* Базовые положения теории когнитивной ономастики // Когнитивные исследования языка. 2013. № 14. С. 143–148.
- Щербак А. С., Кончакова С. В., Раздубев А. В.* Модель матрицы номинации урбанонимов // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2016. № 2. С. 33–37.

УДК 413:4

Н. Ф. Холмуродова
К. А. Дубровская

ЛЕКСЕМА «ДОБРО» В ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ (на материале русских и узбекских пословиц)

Аннотация. В данной статье рассматривается оценка лексемы «добро» на материале русских и узбекских пословиц. Отмечается тот факт, что и в русской, и в узбекской пословичной традиции наблюдаются схожие тематические пласты пословиц: сила доброго слова, доброе дело — благо, плохое дело — вред, сила в добром отношении к другим и т. п.

Ключевые слова: добро, благо, пословица, лексический пласт, традиция, мировоззрение.

N. F. Kholmurodova
K. A. Dubrovskaya

LEXEME “GOOD” IN THE LINGUOCULTUROLOGICAL ASPECT (based on Russian and Uzbek proverbs)

Annotation. This article discusses the assessment of the lexeme “good” on the material of Russian and Uzbek proverbs. It is noted that in both Russian and Uzbek proverbial traditions there are similar thematic layers of proverbs: the power of a kind word, a good deed is good, a bad deed is harm, strength in a good attitude towards others, etc.

Key words: good, good, proverb, lexical layer, tradition, worldview.

Лексема «добро» в русской лингвистической традиции обладает особой «выделенностью» положительной коннотации. В традициях многих народов такое качество, как доброта, занимает лидирующее место, а слово «добрый» является самой частой характеристикой человека как русской, так и узбекской национальности.

Положительная оценка реализуется в русском языке с помощью синонимического ряда прилагательных *хороший, добрый, благой, отличный, прекрасный, великолепный, чудный, чудесный* и др., а также современных оценочных слов, относящихся к жаргонной лексике *крутой, клевый* и др.

Русские слова *добрый* и *добро* — это частотные общеупотребительные многозначные слова с богатой семантикой, участвующие в образовании фразеологизмов, пословиц, поговорок, позволяющих лучше понять русскую языковую картину мира.

Не случайно, русскому слову *добрый* в узбекском языке соответствуют слова *rahmdil, xayrli, xosiyatli, yaxshi, yaxshilik, ezgulik, marhamatli, mehribon*. В узбекской пословичной традиции можно встретить следующие примеры с лексемой «добро»:

Яхши бўлсанг — ошингни ерсан, ёмон бўлсанг, бошингни ерсан [Абдурахимов 1996: 340]. Будешь добрым — проживешь в благополучии, будешь плохим — заплатишься головой;

Яхшиликка яхшилик ҳар кишининг ишидир, ёмонликка яхшилик эр кишининг ишидир [Абдурахимов 1996: 341]. Отвечать добром за добро — дело каждого, отвечать добром за зло — дело настоящего человека (т. е. это героизм);

Яхшиликни дарёга қил, биёбондан топ [Абдурахимов 1996: 342]. Реке добро сделаешь, пустыня воздаст.

Из приведенных примеров пословиц можно сделать вывод о том, что доброта, добрые поступки приносят человеку лишь пользу, поэтому узбекский народ стремится строить свой образ жизни, опираясь на добрые отношения к ближнему, а также к окружающей нас природе.

Обращает на себя внимание слова *добро* и *благо* в русском языке, соответствующие разным аспектам единого общефилософского понятия. Добро находится внутри нас, мы судим о добре, исходя из намерений. Для того чтобы судить о благе, необходимо знать результат действия. Можно «делать» людям добро (но не благо), поскольку это непосредственная оценка действия, безотносительно к результату. Но стремиться можно к общему благу. Люди могут работать на благо родины, на благо будущих поколений. Во всех этих случаях речь идет о более или менее отдаленном результате наших действий. Если добро выражает абсолютную оценку, то благо — относительную.

Приведем примеры употребления слов «добро» и «доброта». Словосочетание «*добрые люди*», которое вначале означало людей знатных, почтенных, становится вначале просто клишированным выражением, а затем получает значение «*люди, обладающие добрым характером, отзывчивые, щедрые*» [Тупицина 1991: 45].

На протяжении истории русского языка существенно меняется семантическая структура слова «добро». Основным значением слова «добро» становится абстрактное и несколько расплывчатое значение «*все положительное, хорошее*». Значение «добро» — «*имущество*» ощущается как устаревшее или просторечное и получает в литературном языке чаще ироническую, отрицательную окраску (у слова доброта значение «имущество» вообще исчезает), утрачивается внутренняя связь двух значений слова добро — «имущество» и «все положительное, хорошее» [Тупицина 1991: 46].

Существенные изменения претерпевает и семантическая структура слова «*добрый*» и его производных (например, у слова «*доброта*» полностью исчезает значение «*красивый*» (соответственно, у слова «*доброта*» исчезает значение «*красота*»). В семантической структуре слова «*добрый*» основным и практически единственным значением становится значение «*обладающий соответствующими душевными качествами*», т. е. значение, связанное не столько с добром, сколько с добротой. Значение «*добрый* — «*добротный, доброкачественный*» сохраняются в русском языке в составе устойчивых выражений (добрый день; доброго пути, в добрый час).

Анализ пословиц с лексемами «*добрый*», «*доброта*» показывает, что все пословицы можно подразделить на следующие тематические пласты:

1. Сила доброго слова.
2. Слава о человеке (плохая и добрая).
3. Возможности доброго человека.
4. Качества доброго человека.

Узбекские пословицы	Русские пословицы
<i>Сила доброго слова</i>	
Сийлагани пул топмасанг, сийпагани тилинг бор.	Если не можешь помочь материально, хоть приласкай добрыми словами. Добрим словом и бездомный богат. Доброе слово человеку — что дождь в засуху.
Бугдой нонинг бўлмасин, бугдой сўзинг бўлсин.	Коль нет у тебя пшеничного хлеба, пусть будет пшеничное слово. Хоть хлеба нет, да ласковое слово было бы. Доброму и сухарь на здоровье, а злomu и мясо не в прок.
Яхши гап билан илон инидан чиқар, ёмон гап билан мусулмон динидан чиқар.	Сладкой речью и змею из норы выманивают, плохим словом разозлишь и мусульманина.
Яхши гап ҳам бир оғиздан чиқади, ёмон гап ҳам.	Одними устами можно сказать и добрые слова, и плохие. Из одного рта и тепло, и холодно.
Яхши сўз жон озиғи, ёмон сўз — бош козиғи —	Хорошее слово — пища душе, дурное слово — кол голове. Острый язык — дарованье, длинный язык — наказанье.
«Ҳа» деган туяга мадад.	Возглас «ну» и то помощь верблюду. Доброе слово — и кошке приятно. И собаку ласково примолвишь, так хвостом вертит.
Яхши топиб гапирар, ёмон копиб гапирар.	Вежливый говорит, подбирая слова, а грубиян — словно кусая. Лихое лихому, а доброе доброму.
<i>Слава о человеке (плохая и добрая)</i>	
Яхшидан боғ қолар, ёмондан доғ қоладж.	От доброго сад останется, а от злого останется черное пятно. Добрые умирают, да дела их живут.

Ўзбекские пословицы	Русские пословицы
Яхшидан от қолар, ёмонлар дод қолар.	Славный славу оставит, а бесславный клязу оставит. Худому делу — худая слава, доброму делу — добрая память.
Яхшилиқ эккан эсонлик ўради, ёмонлик эккан — жабру захмат —.	Кто добро сеет — пожинает благо, кто зло сеет — пожинает горе.
Бобомнинг тут эккани — ўзига ном эккани.	Сажал мой дед шелковицу — выросла добрая слава.
Яхши одам боғ қилар, ёмон уни йўқ қилар.	Добрый человек сад посадит, а худой человек сад повалит.
Яхшилиқ қила олмасанг, ёмонлик ҳам қилма.	Не можешь сделать доброго, не делай и худого. Не умеешь сделать хорошего, старайся не делать и дурного.
Ёмоннинг касофати бир чикарим илгари юрар.	Дурная слава за версту вперед бежит. Добрая слава лежит, а дурная за версту бежит.
Возможности доброго человека	
Яхши одам ой бўлар, хар ерга борса жой бўлар.	Доброму человеку весь мир свой дом. Возможности доброго человека отыщется место.
Берган худога ёқибди.	Доброму Бог помогает
Бир киши арик қазийди, минг киши сув ичади.	Один человек копает арык, а тысячи воду пьют. Добрые люди умирают, да их дела живут. Доброе дело на век.
Яхшилиқ — ерда қолмас.	Доброе не забудется. Доброе дело и в воде не тонет.
Качества доброго человека	
Яхшининг шарофати, ёмоннинг касофати.	От хорошего человека счастье и благополучие, от плохого — беда и несчастье. Доброму человеку и чужая болезнь к сердцу.
Яхшининг яхшилиги тегар тор ерда, ёмоннинг ёмонлиги тегар хар ерда.	Добрый человек поможет и в тесноте, а плохой человек навредит на каждом шагу. Добрый человек лучше каменного моста. Доброму добро, а худому пополам ребро.

Таким образом, анализ пословиц, несущих информацию о русском и узбекском мировоззрении, подтверждает вывод о том, что, лексема «добро» по-прежнему относится к числу основных базовых ценностей русской и узбекской языковой культуры. Мысль, заложенная словами «добрый», «добро», повторяется в русских и узбекских пословицах и отражает национальную информацию того или иного народа.

ЛИТЕРАТУРА

- Абдурахимов М. Узбекско-русский словарь афоризмов. Т, 1996. 387 с.
 Даль В. И. Пословицы и поговорки русского народа М.: ЭКСМО-пресс, 2000. 606 с.
 Рахматуллаев Ш. Мудрость трех народов. Т, 1989. 564 с.
 Тупицина Т. С. Пословица — всем умам помощница // Начальная школа, 1991. № 7. С. 44–56.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РУССКОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

УДК 821.161.1

Л. Е. Абраменкова

К ВОПРОСУ О ПЕРИОДИЗАЦИИ ТВОРЧЕСТВА Д. РУБИНОЙ

Аннотация. Статья посвящена современной писательнице Д. Рубиной. Предпринята попытка периодизации её творчества. В основу положены поэтологический и биографический факторы. Кратко охарактеризованы наиболее значимые произведения каждого периода. Выделены черты, сохранявшиеся на разных этапах творчества. Обозначены пути развития темы исследования.

Ключевые слова: Д. Рубина, периодизация, поэтика, биография.

L. E. Abramenkova

ON THE QUESTION OF THE PERIODIZATION OF D. RUBINA'S CREATIVITY

Annotation. The article is devoted to the modern writer D. Rubina. An attempt has been made to periodise her works. The basis is based on poetological and biographical factors. The most significant works of each period are briefly characterised. The features preserved at different stages of creativity are highlighted. The ways of development of the research topic are outlined.

Key words: D. Rubina, periodisation, poetics, biography.

Тематическое и жанровое разнообразие творчества Д. Рубиной (род. 1953) порождает вопрос о возможности системного подхода. Перу писательницы принадлежат монологи, эссе, рассказы, новеллы, повести, романы, трилогии и пьесы. Наиболее основательной работой, посвящённой художественному миру автора, на данный момент является монография Э. Ф. Шафранской «Синдром голубки (Мифопоэтика прозы Д. Рубиной)» [Шафранская 2012]. В упомянутом исследовании выделен ряд тем, образов, приёмов, ставших центральными в творчестве писательницы.

В связи с этим создание периодизации представляется качественно новым этапом осмысления творчества писательницы. На официальном сайте

Д. Рубиной размещена автобиография, которая во многом носит фрагментарный и художественный характер [Рубина URL: <https://www.dinarubina.com/biography.html>]. Акцент сделан на детских годах и первых литературных опытах. Определённый вклад внесло издательство «Эксмо», которое выпустило серию сборников «Малая проза Дины Рубиной». Вопрос о преемственности и взаимосвязи крупных жанровых форм остаётся открытым. Получить целостную картину на данный момент невозможно, поскольку автор продолжает творческий путь. Однако обширная библиография создаёт необходимость проанализировать имеющийся опыт.

Предлагаемая далее периодизация позволит проследить эволюцию творчества Д. Рубиной, выделить черты, определившие уникальность писательского почерка. В основу положены два фактора: поэтологический и биографический. Второй приобретает особую значимость при рассмотрении начальных этапов литературного пути автора.

Первый период (1970–80-е годы) связан со стремительным началом творческой деятельности. Дина Рубина приобрела всесоюзную известность в 16 лет, после публикации в крупном литературном журнале «Юность». Рассказ получил название «Беспокойная натура», писательница оценивает его как иронически окрашенный. В 24 года Д. Рубина стала самым юным членом Союза писателей СССР. Основными темами произведений на этом этапе являются взаимоотношения с родителями и сверстниками, творческие начинания и поиск себя. Весёлое, как и у любимого писателя Д. Рубиной А. П. Чехова, соседствует с грустным. Усилен автобиографический компонент. Так, героини её рассказов нередко занимаются музыкой (Д. Рубина окончила консерваторию). Персонажи зачастую мечтатели, видящие мир по-особому. В воображении Евы, героини рассказа «По субботам», снежинки становятся «падающими с неба бесшумными пауками» [Рубина 2016: 16]. Интерес к необычным, творческим людям сохранится в более поздних произведениях.

В повестях рассматриваемого периода сильна экзистенциальная составляющая. Примечательно, что произведения писательницы быстро обрели жизнь не только на страницах крупной периодики, но и на сцене и экранах. Повести «Когда же пойдёт снег?» и «Завтра, как обычно» были экранизированы. Они исполнены меланхолии и попыток осмыслить существование. В первом произведении речь идёт о неизлечимо больной девушке, на границе жизни и смерти встретившей настоящую любовь. Герой повести «Завтра, как обычно» типологически близок персонажу произведения «Чужие подьезды». Это работник милиции, который погряз в рутине и не может найти своё истинное предназначение. В один момент кажется, что трагедия, свидетелем которой он стал, способна изменить его жизнь. Однако в конце повести звучит страшная в своей обыденности фраза: «Завтра, как обычно». Ещё одна повесть данного периода — «Чужие подьезды» — является аллюзией к роману И. А. Гончарова «Обломов». Это период ученичества, становления писателя, поэтому вполне закономерно обращение к опыту классической литературы.

В 1990 г. Дина Рубина эмигрирует в Израиль, что знаменует следующий период творчества. Она познаёт и описывает новый мир. Достичь наиболее полного

погружения в культуру и быт страны позволяет использование слов, понятных только представителям данного этноса. Эти слова сопровождаются пояснениями автора. Ю. В. Явари, описывая интеграцию понятий в художественный текст, использует термин «слова-реалии» [Явари 2015: 99]. Центральным становится образ города — Иерусалима, который она определяет как «самый грозный и магический город в истории западной цивилизации» [Рубина 2020: 411]. Сложная политическая ситуация в данном регионе определила изменение творческой манеры писательницы: появилась очерковая и публицистическая составляющая. В соответствии с этим трансформируется язык произведений: интонации становятся значительно разнообразнее, вводятся просторечные слова. Писательница осваивает жанры эссе и монолога. Эссе позволяет высказать позицию по актуальным вопросам, а в монологах проявилось разнообразие литературных и речевых масок. Усложняется композиция произведения, происходит отказ от единой и последовательно раскрываемой сюжетной линии. Автора всё так же интересуют предельные ситуации бытия: Иерусалим — торжественный город, но с монументальностью и весельем соседствует постоянное предчувствие смерти (монолог «Вывеска»).

Повести 1990-х годов продолжают заявленные в малых прозаических формах темы. Первой стала «Во вратах Твоих», где изображены мелочные страсти людей на фоне великого древнего города. Д. Рубина, рассказывая о трудностях эмиграции, вводит метафору поезда, который движется в неизвестном направлении. Детальность топографических описаний сохраняется в повестях «Камера наезжает!..» и «Высокая вода венецианцев». Первое произведение заложило сатирические традиции в творчестве писательницы. Вновь центральным стал образ города. Теперь это не Иерусалим, а город детства и юности — колоритный и многоголосый Ташкент. Повесть «Высокая вода венецианцев» посвящена месту, имеющему длительную традицию репрезентации в художественной литературе.

Первая половина 2000-х годов стала временем экспериментов. Был создан цикл новелл «Несколько торопливых слов любви». Описания и характеристики здесь, как и в произведениях более ранних периодов, предельно лаконичны и выразительны. Число новелл — тринадцать — не является случайным: концепция чувства сопряжена с трагизмом и мистически окрашена. В частности, произведение «Заклятье» посвящено любви, которая, согласно предсказанию, должна была продлиться лишь 7 лет. Основой композиции становится обрамление, что связано с обращённостью героев в прошлое, к воспоминаниям. Сюжеты новелл характеризуются парадоксальностью и элементами гротеска.

Роман-комикс «Синдикат» также стал экспериментом. По определению автора, персонажами здесь стали рисованные фигурки. М. Самаркина обосновывает жанровую специфику по-иному: «<...> перед нашим мысленным взором возникает калейдоскоп ярких кадров, проносятся лица, события, судьбы, которые, кажется, протяни руку, и сможешь потрогать, прикоснуться к ним. Необходимый для жанра комикса видеоряд реализуется при помощи слова» [Самаркина URL: <https://www.dinarubina.com/critique/samarkina2007.html>] Произведение продолжает сатирическую традицию повести «Камера наезжает!..» Показаны бюрократы

тизм и бесполезность некоторых организаций, призванных быть проводниками культуры.

2006–2007 гг. характеризуются обращением к исторической тематике. Д. Рубина создаёт рассказы романного типа «Адам и Мирьям», «Дед и Лайма». Повествование в обоих случаях носит личный, интимный характер: в рассказе «Дед и Лайма» избрана форма письма, а в рассказе «Адам и Мирьям» героиня ведёт доверительную беседу со случайной знакомой. Произведения вписаны в национальный контекст: речь идёт о страданиях, выпавших во время Второй мировой войны на долю еврейского народа. Сквозным становится образ музея «Яд ва-Шем» как символа памяти. В рассказах нет военных подробностей, деталей сражений. Показаны судьбы простых людей, которые в жутких испытаниях сохранили присутствие духа, жизнелюбие и обрели невиданную силу.

Значительную популярность как у критиков, так и у рядовых читателей снискал роман «На солнечной стороне улицы», в котором Д. Рубина вновь обращается к образу советского Ташкента. Он представлен неоднозначно: затронуты проблемы сосуществования представителей разных национальностей, преступности и алкоголизма. Д. Рубину занимает судьба талантливой художницы. Интерес к одарённым людям с трагическими судьбами проявится в романах следующего периода. Помимо этого, писательница вновь обращается к архетипу трикстера. Основным приёмом в произведении становится антитеза: противопоставлены мать и дочь — Катя и Вера. Катя сломлена жизненными испытаниями, Вера же отличается цельностью и нестигаемым характером. Роман представляет своего рода семейную сагу, где прошлое угрожает настоящему.

В конце 2000-х-первой половине 2010-х годов Д. Рубина работает над трилогиями «Люди воздуха» и «Русская канарейка». Писательница, как и в романе «На солнечной стороне улицы», создаёт образ талантливой, но при этом весьма неоднозначной личности. Ведущим повествовательным приёмом становится эк-фрасис. Произведения типологически близки роману взросления. Данное обстоятельство объясняет чрезвычайно широкие хронологические и пространственные рамки трилогий. Ведущими мотивами данного этапа стали мотив талантливой личности, мотив одиночества, мотив семейной тайны, мотив болезненной любви, мистические мотивы.

Выделение последнего периода (**вторая половина 2010-х-начало 2020-х**) наиболее условно, возможна дальнейшая дифференциация с учётом новых произведений писательницы. Очевидно одно: Д. Рубина ориентируется на крупные формы. Первой в этом ряду стала цинично-откровенная попытка осмыслить судьбу женщины в современном мире в повести «Бабий ветер». В произведении речь идёт о бывшей парашютистке, пилоте воздушного шара по имени Галина, потерявшей возлюбленного. Пережитая трагедия гонит героиню за океан, в Америку, где она коренным образом меняет сферу деятельности, став косметологом. Каждый день она видит множество людей с удивительными судьбами, сталкивается с тем, что в той культуре, в которой она сформировалась, считается неприемлемым. Повествование ведётся от первого лица, что определило исповедальность дискурса.

Писательница возвращается к форме трилогии в «Наполеоновом обозе». Здесь, по сравнению с трилогией «Люди воздуха», усилена детективная линия. Д. Рубина лавирует между далёким прошлым — Отечественной войной 1812 г. — и настоящим. Она остаётся верна мотиву семейной тайны, однако впервые писательница обращается к проблемам деревни. В 2020 г. увидел свет объёмный сборник публицистики «Одинокий пишущий человек», в котором Д. Рубина продолжает размышления о природе писательства, начатые в эссе 1990-х годов. Последнее на данный момент произведение — роман «Маньяк Гуревич», в котором писательница отказывается от фирменной иронии и демонстрирует исполненное любви и понимания отношение к непростой человеческой судьбе.

Столь разнообразные произведения свидетельствуют о том, что Д. Рубина продолжает экспериментировать, не прекращает поиски. Следовательно, указанный этап может стать поворотным в её творчестве.

ЛИТЕРАТУРА

Рубина Д. Биография // Официальный сайт писательницы Дины Рубиной [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.dinarubina.com/biography.html> (дата обращения: 27.10.2022).

Рубина Д. Одинокий пишущий человек. М.: Эксмо, 2020. 608 с.

Рубина Д. Отлично поёт товарищ прозаик! [сборник]. М.: Издательство «Э», 2016. 320 с.

Самаркина М. Роман с комиксом // Официальный сайт писательницы Дины Рубиной [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dinarubina.com/critique/samarkina2007.html> (дата обращения: 15.11.2022).

Шафранская Э. Ф. Синдром голубки (Мифопоэтика прозы Дины Рубиной). СПб.: Свое издательство, 2012. 470 с.

Явари Ю. В. Реалии в произведениях Дины Рубиной // Вестник Тверского государственного технического университета. Серия: Науки об обществе и гуманитарные науки. 2015. № 3. С. 99–105.

УДК 882–31 Распутин 06

А. В. Алтацкая

ОСОБЕННОСТИ СЦЕНИЧЕСКОГО ВОПЛОЩЕНИЯ ПОВЕСТИ В. Г. РАСПУТИНА «ПОСЛЕДНИЙ СРОК» ТАМБОВСКИМ МОЛОДЁЖНЫМ ТЕАТРОМ

Аннотация. В статье рассматривается специфика сценической адаптации повести В. Г. Распутина «Последний срок» на сцене Тамбовского молодёжного театра в 2022 году. Исследуются режиссёрские акценты, основные приёмы и способы воплощения театрального замысла. Проводится анализ связи спектакля «Последний срок» с оригиналом художественного текста.

Ключевые слова: Распутин, повесть, Тамбовский молодёжный театр, сценическое воплощение, спектакль, интерпретация, роль.

A. V. Alpatskaya

**FEATURES OF THE STAGE EMBODIMENT
OF THE STORY OF V. G. RASPUTIN “THE LAST TERM”
BY THE TAMBOV YOUTH THEATER**

Annotation. The article examines the peculiarities of the stage adaptation of the novel by V. G. Rasputin “The Last Term” on the stage of the Tambov Youth Theatre in 2022. The director’s accents, the main techniques and ways of realization of the theatrical idea are investigated. An analysis of the connection of the play “The Last Term” with the original artistic text is carried out.

Key words: Rasputin, the story, Tambov Youth Theater, stage realization, performance, interpretation, role.

Проблемы духовной памяти, преемственности поколений, сакрализации патриархального уклада деревни являются центральными в творчестве В. Г. Распутина.

С 1969 года В. Г. Распутин, один из представителей «деревенской прозы» русской литературы, усиленно работает над повестью «Последний срок». Произведение было опубликовано в 1970 году в журнале «Наш современник» и стало предметом пристального интереса со стороны режиссёров, для которых перевод прозы на язык театра явился очевидной необходимостью.

Перевод прозы на язык театра — один из самых сложных этапов работы режиссера при создании спектакля. Постановка «Последнего срока» предполагала непростой поиск театрального эквивалента прозаического произведения. Результат подтвердил мысль А. А. Гончарова, который отмечал, что в таком процессе важна «не копия, не иллюстрация, а именно перевод прозы в систему иных художественных законов» [Гончаров 1980].

С 1977 по 2008 год 26 театров поставили спектакль «Последний срок» на своей сцене.

6 мая 2022 года на сцене Тамбовского молодежного театра состоялась премьера спектакля «Последний срок». Режиссёр данной постановки — Михаил Егоров, ставший лауреатом в номинации «Событие», осуществивший процесс взаимодействия, взаимопроникновения видов и жанров искусств.

Тамбовский молодёжный театр неоднократно обращался к прозе XIX и XX века. В течение нескольких лет на сцене «оживают» прозаические произведения А. С. Пушкина («Капитанская дочка», режиссёр Никита Рак), А. А. Фадеева («Молодая гвардия», режиссёр Михаил Егоров), Н. В. Гоголя («Ночь перед Рождеством», режиссёр Виктор Фёдоров). Усиливающийся интерес театра к такой художественной форме объясняется тем, что проза даёт новую оптику в выборе сценических решений, расширяет творческие режиссёрские горизонты, а также совмещает в себе особый хронотоп и философскую глубину.

Для зрительского осмысления повести «Последний срок» на сцене Тамбовского молодежного театра важно уяснить акценты, расставленные режиссёром. Так, в оригинале повести Распутина большую смысловую нагрузку несёт сюже-

тообразующий мотив смерти. По мнению М. Егорова, смерть старухи Анны в постановке «Последний срок» трактуется как естественное и закономерное событие, этап пути каждого человека, предначертанная неизбежность. Главная героиня не боится умирать, но желает проститься с детьми. На сцене старуха Анна делится своим представлением об уходе, сравнивает его со спуском по ступенькам куда-то вниз. Основополагающим становится убеждение зрителя в том, что страшна не смерть, а жизнь без любви.

Повесть В. Г. Распутина была воплощена на сцене Тамбовского молодёжного театра с минимальным отступлением от оригинала текста произведения. Уже начало постановки сопровождалось чтением первой главы «Последнего срока». «Старуха Анна лежала на узкой железной кровати возле русской печки и дожидалась смерти, время для которой вроде приспело: старухе было под восемьдесят. Она долго пересиливала себя и держалась на ногах, но три года назад, оставшись совсем без силенок, сдалась и слегла...», — рассказывает зрителю девушка, которая ходит кругом в пространстве сцены. Слова автора, комментирующие, сопровождающие сценическое действие, постоянно звучат со сцены, заостряя внимание зрителей на драматических поворотах жизненного пути главных героев повести, их внутренних переживаниях.

Интерпретация повести В. Г. Распутина «Последний срок» удивляет зрителя не только содержанием, но и формой. Наличие декораций и материально-вещественных атрибутов сведено к минимуму. В выстроенном в форме квадрата сценическом пространстве, окруженном деревянными полуостровками, прослеживается уход от бытовых подробностей. Данное решение объясняется стремлением режиссера исключить возможность смещения акцента. Задуматься о природе человеческих взаимоотношений, родственных связей — вот первостепенная задача зрителя. Художественное оформление спектакля — это инсталляции, которые имеют круглую или овальную форму.

Круг имеет древнейшую мифологическую основу. Он представляется одним из наиболее значимых славянских символов, отражающих представление о циклическом времени. Ю. Н. Тимкин рассматривает символику круга как важную черту русского мировоззрения, являющуюся «архетипическим явлением, уходящим своими корнями в славяно-русские и индоевропейские древности» [Тимкин 2008]. Исследователь отмечает, что «круг выражает закономерности структурирования представлений человека о себе, социуме, природе», а также «символизирует русское мировоззрение как целостную систему» [Тимкин 2008].

В постановке круг символизирует мир, семью и материнство. В центре этого круга находится старуха Анна. В спектакле «Последний срок» круглый станок отличается многофункциональностью: это и кровать, и стол, и мебель. Важным художественным элементом постановки стали природные и деревянные, сухие и тёплые фактуры, создающие атмосферу деревенской жизни.

Уникальным решением спектакля явилось размещение зрительской аудитории прямо на сцене. Думается, эта режиссёрская задумка обусловлена желанием создания особого деревенского колорита. «Вся деревня собралась за одним столом на поминках», — комментирует режиссёр перед премьерой спектакля.

Дети старухи Анны занимают закономерное место в сценическом действии. Варвара (Дарья Синюкова), как и в оригинале художественного текста повести Распутина «Последний срок», припала к телу матери и заголосила: «Магушка-а-аа!» Зритель понимает, что её эмоции лишь на публику, героине нет дела до матери. Илья (Александр Демидов) в соответствии с оригиналом текста Распутина шутит и успокаивает мать, но не понимает её состояния. Михаил (Дмитрий Елтунов, получивший награду в номинации «Надежда») часто выпивает, а затем недобро общается со своей женой и со старухой. Однако именно Михаил заботится о спокойствии матери. Он выдумывает историю об отправленной Таньчоре телеграмме, чтобы старуха не тешила себя ложными надеждами. Михаил оказывается ближе всех матери. После отъезда Варвары, Люси и Ильи он просит у Анны прощения и подбадривает старуху.

Предметом сценической модификации стал образ Люси (Татьяна Глазкова). В спектакле героиня проявила черты холодного, прагматичного и практичного человека. Сценическое поведение Люси отличалось резкими высказываниями, осуждением Михаила и его жены Нади за грязные простыни на постели старухи, за ненадлежащий уход за ней, за неправильное воспитание Нинки. В постановке опущен эпизод пребывания Люси в лесу, заявленный в оригинале художественного текста. А ведь, собирая грибы, Люся вспоминает поле, название деревни, воскресник, друга Кольку и даже коня Игреньку, погружается в переживания своего прошлого: «И опять, уже в который раз сегодня, Люся услышала, как прозвучало в ней нужное слово» [Распутин 1976]. Думается, что данный сюжетобразующий эпизод, раскрывающий философскую проблему памяти в повести «Последний срок», мог бы стать смысловым дополнением постановки.

Режиссёрским новаторством стало появление в спектакле Таньчоры, младшей дочери Анны. В оригинале художественного текста Распутин подчёркивает, как мать ждёт приезда Татьяны: «Она вздрагивала от любого звука за окном и замирала при каждом шорохе у двери. Она не помнила, чтобы за дочерью это водилось, но ей казалось, что Таньчора, попав в избу, может подкрасться и посмотреть на мать тайком и только после того открыться, поэтому она все время держала дверь на прицеле, чтобы поймать дочь, когда та начнет выглядывать. Глаза у старухи были хорошие, при ее годах грех жаловаться, но и они уставали смотреть в одно место, будто им на себе» [Распутин 1976]. Однако девушка оказывается героиней, которая только упоминается в речи других персонажей, но в сюжете самостоятельно не участвует. В сценической версии «Последнего срока» роль Таньчоры исполняет Татьяна Хвостова. Введение режиссёром в спектакль младшей дочери старухи становится предметом символического осмысления. С одной стороны, образ Таньчоры выступает в спектакле как пространство памяти, в котором звучит молитва и происходит духовный диалог матери с дочерью, а с другой — девушку в белой одежде целесообразно рассматривать как символ смерти. Ведь в оригинале художественного текста Распутин детально описывает представление Анны о своём уходе. Старуха сравнивает смерть с женщиной, протянувшей героине свою руку, «в которую она должна будет вручить свою ладонь» [Распутин 1976]. Этот эпизод также заявлен в спектакле. Таньчора держит Анну за руку и пристально смотрит в глаза пожилой женщине.

Костюмная композиция обычна и проста: на актёрах одежда и современного человека, и жителя деревни, ведь «Последний срок» в интерпретации Тамбовского молодёжного театра — это вневременная история.

Главную роль старухи Анны исполнила Людмила Кожаева, получившая награду в номинации «И мастерство, и вдохновенье...». С помощью голоса, интонаций и движения опытной актрисе с точностью удалось передать физическую немощь героини, тяжесть любого жеста и евангельское долготерпение: «...вся ее жизнь в том, чтобы сесть, посидеть, опустив на пол ноги, а потом опять лечь и лежать» [Распутин 1976]. Как и в оригинале текста В. Г. Распутина, на сцене героиня отличается возвышенностью и философичностью своих размышлений. Образ Анны маркирован состоянием радостного созерцания мира. Именно поэтому художник по костюмам отдаёт предпочтение светлой рубашке и белому платку. Внутренние монологи главной героини, заявленные в оригинале художественного текста, также учтены при постановке на сцене Тамбовского молодёжного театра. Они явились самой содержательной частью спектакля.

Ярким зрелищем стало появление на сцене старухи Мироники, роль которой исполнила Елена Фёдорова, получившая награду в номинации «И мастерство, и вдохновенье...» — за большие творческие достижения в прошлом и яркую актёрскую работу в этом сезоне. Легко уловима специфика манеры общения героини. Как и в оригинале художественного текста, речь Мироники изобилует диалектными словами и выражениями: «Оти-моти! Ты, старуня, никак, живая?» Актрисе с точностью удалось передать главные черты деревенской жительницы: открытость, простоту в общении, способность к физическому труду.

Талантливые актеры Тамбовского молодёжного театра с точностью вжились в образы героев повести В. Г. Распутина «Последний срок». Театральному коллективу удалось не только дать очередную сценическую жизнь повести В. Г. Распутина «Последний срок», но и создать современную историю, пронзительно отражающую проблемы семейных ценностей и родственных связей.

По итогам XIII Тамбовского театрального фестиваля «Итоги сезона 2021–22» наиболее значимой, яркой и интересной постановкой сезона призван спектакль Тамбовского молодёжного театра «Последний срок».

Думается, интерпретация «Последнего срока» станет предметом для творческого осмысления молодого поколения, ведь зритель максимально приближен к изображаемому, словно он живет на одной земле, в одной деревне с героями повести Распутина.

ЛИТЕРАТУРА

- Гончаров А. А. Режиссерские тетради. М.: Всероссийское театр. о-во, 1980. 375 с.
- Игнатова М. А. Музыкальный театр С. Слонимского: драматургия и символика // Молодой ученый, 2010. Т. 2. № 11. С. 184–188.
- Распутин В. Г. Последний срок: повести / предисл. С. Викулова. М.: Худож. лит., 1976. 112 с.
- Тимкин Ю. Н. «Магический круг» как один из символов русского мировоззрения // Философия культуры. 2008. С. 127–129.
- URL: <https://vgrasputin.ru/teatralnye-postanovki>
- URL: <https://mospravda.ru/2019/05/13/111543/>

*А. А. Большакина
Д. Н. Лоскутова*

ОБРАЗЫ ПРИРОДЫ И МИР ДЕТСТВА В ТВОРЧЕСТВЕ И. М. ПИВОВАРОВОЙ

Аннотация. Данная работа посвящена описанию образов природного мира в повести И. М. Пивоваровой и их художественной проекции на мир детства.

Ключевые слова: детская литература, образы природы, персонификация, детство, дворовая культура.

*A. A. Bolshanina
D. N. Loskutova*

IMAGES OF NATURE AND THE WORLD OF CHILDHOOD IN THE WORKS OF I. M. PIVOVAROVA

Annotation. This work is devoted to the description of the images of the natural world in I. M. Pivovarov's story and their literary projection on the world of childhood.

Key words: children's literature, images of nature, personification, childhood, yard culture.

Ирина Михайловна Пивоварова — автор детских рассказов, повестей и стихотворений. Творчество И. М. Пивоваровой, которое сегодня востребовано детско-юношеской аудиторией, не подвергалось сколько-нибудь подробному и системному анализу. В то же время в последние десятилетия интерес к феномену детской литературы существенно возрос. В поле зрения исследователей находится широка проблематика: от жанровых особенностей произведений детской литературы до образного строя и поэтики артефактов (например, работы Лойтер С. М., Октябрьской О. С., Выговской Н. С., Золотухиной А. В., Кочергиной А. А., Урванцевой Н. Г. и т. д.).

«Старичок в клетчатых брюках» (в других изданиях — «Приключения Павлика Помидорова») — детская детективная повесть, написанная, как и свойственно этому жанру детской литературы, с элементами приключения, тайны и юмора (о жанровых особенностях детского детектива см., например, [Ворончихина 2018], [Тихонова 2019]). В рамках данной статьи будет проанализирован такой аспект, как описание природного мира, его эстетические и композиционные особенности в повести «Старичок в клетчатых брюках».

Действие в книге разворачивается в тот временной период, когда дети свободны от учебы — это каникулы. Лето — замечательное время, когда дети общаются, находят тайны и загадки во вполне обычных вещах и событиях, формируют свое отношение к новым людям, появившимся у них во дворе, в форме игры познают и осваивают окружающую действительность. Главному герою повести Павлику Помидорову вряд ли удалось бы «раскрыть» тайну о «похищении» девушки и «рас-

секретить» главных злодеев, если бы он учился в школе и выполнял домашние задания вместо того, чтобы выслеживать «преступников» и пытаться их разоблачить.

Лето — это не просто свободное время, оно ассоциируется у автора с пониманием детства. Так, в начале повести представлены размышления о том, что фантазия писателя способна в любое время года вернуть лето: *«Но писатели народ хитрый! Нету лета — пустяки, лето будет! Возьмёт писатель ручку и напишет: «Было тёплое летнее утро...». И сразу настанет лето! И утро»* [Пивоварова 2017: 6].

Следует также отметить параллелизм между понятиями «летнего утра» как начала нового дня и начала самого повествования/ перехода к новым событиям (новый день — новое событие в цепочке событий): *«И с этого радостного летнего утра начнётся длинный, полный хлопот, июньский день, а вместе с ним и наша книжка»* [Пивоварова 2017: 8]. Летнее утро у Пивоваровой — неотъемлемая часть детства, начало нового дня, насыщенного самыми замечательными событиями, которые так важны для детского мировосприятия. И в то же время, утро — это начало трудового дня. И хотя кажется, что лето — это время безделья для детей, в детской культуре нет ничего незначимого и праздного, в ней всё важно и ценно. Аксиология детского времени заключается в его самооценности. Каждый день Павлика Помидорова наполнен событиями, действиями, судьбоносными решениями и встречами, переживаниями и чувствами. И для ребенка — это важнейшая работа. Не случайно в повести прослеживается параллелизм между детским временем работой взрослых. В этом, по нашему мнению, заключается глубокая гуманистическая позиция автора по отношению к ценности детства, подкрепляемая рассуждениями о типичных детских проблемах, которым иногда не придается значения в мире взрослых (см., например, о прозвищах — Глава 11 «Разговор с Тимофеем»).

Следующая особенность повествования — это развернутые описания городского летнего пейзажа, а именно — летнего дворика, в котором живёт Павлик Помидоров и его ближайшее детское окружение. Повесть была написана в 1980-х годах. В этот период была развита дворовая культура детства, в условиях которой происходила социализация детей, проходило их свободное время, формировалась игровая среда и совершенствовались коммуникативные навыки. В повести Пивоваровой двор — это локус детства, и маркером «детскости» выступает как раз летний пейзаж городского дворика: *«Да, во дворе был вечер. Плавно покачивались зелёные мохнатые ветки кустов смородины. На клумбах оглушительно пахли цветы. Первые чистые звёзды подмигивали сверху. Было удивительно тепло»* [Пивоварова 2017: 6]. По сюжету, Павлик Помидоров переезжает в новую квартиру, и автор описывает, как сложно ему привыкать к новому месту и к незнакомым ребятам. Именно вид из окна вызывает у Павлика симпатию к новому месту жительства: *«Что ж! — сказал себе Павлик. — Квартира у нас отличная, двор тоже. Можно начинать новую жизнь!»* [Пивоварова 2017: 16].

Необходимо отметить, что пейзажные зарисовки летнего дворика и сквера имеют композиционную особенность: они практически не встречаются в середине или конце главы, но всегда в начале новой главы, предвворяя описываемые события. Детективный сюжет произведения, казалось бы, не предполагает раз-

вернутых описаний природы и на повествование они никак не влияют. Однако природный мир погружает читателей в мир детства, сигнализирует читателю, что это произведение для детей и о детях, делает динамичный сюжет размеренным.

Лейтмотив «лета», проходящий через всё произведение, органически сопряжен с образом солнца. Солнце у Пивоваровой — также необходимый спутник и символ детства, это живая стихия, которая наделяется чертами персонифицированного объекта (о персонификации в русской литературе см., например, [Болквядзе 1995]). Оно дружелюбно по отношению к детям, проявляет интерес к их жизни, в частности, к главному персонажу истории. Эффект персонификации достигается с помощью использования глагольной лексики и художественного описания объекта как антропоморфного существа: «А сверху будет сиять и смеяться солнце» [Пивоварова 2017: 8]; «По новой квартире плавало солнце. В комнате Павлика оно отражалось в полированной коричневой крышке нового письменного стола, трогало тёплыми руками яркий голубой глобус и мягко прикасалось к небольшому, сшитому из ситца и туго набитому чем-то мешочку...» [Пивоварова 2017: 15]; «Ах, как хорошо было на улице! Какое ласковое, весёлое светило солнце!» [Пивоварова 2017: 70]; «... выглянуло солнце и, как будто сжалившись над Павликом, ласково погладило его по голове тёплыми руками» [Пивоварова 2017: 15]. Олицетворение, в том числе и как художественный приём детской литературы, основан на «типично мифологическом детском мышлении» [Лойтер 2002: 18]. Детская фантазия «оживляет» окружающую природу, и пейзажные зарисовки изображаются сквозь призму мировоззрения ребенка; не только солнце обладает антропоморфными чертами, но и другие объекты природного мира: «И зелёные акации раскинут во все стороны цветущие руки...» [Пивоварова 2017: 6]; «И по голубому-голубому небу будут бежать толстенькие, пухлые облака» [Пивоварова 2017: 8]; «А вокруг на деревьях трепетали живые солнечные листья» [Пивоварова 2017: 184].

Таким образом, природный мир в повести И. М. Пивоваровой является художественной проекцией на мир детства. Основными природными образами являются «лето», «летнее утро», «солнце». Природный мир тесно связан с дворовой культурой. Творчество Ирины Пивоваровой является интереснейшим образцом русской детской литературы 20 века, которое нуждается в самостоятельном исследовании.

ЛИТЕРАТУРА

Болквядзе Б. И. Олицетворение как феномен речевого художественного мышления (на материале русской и грузинской лирики 19 в.): автореферат дис... канд. филол. наук. Воронеж, 1995. 26 с.

Ворончихина И. А. К вопросу о жанре «детский детектив» // Научно-популярный электронный журнал «Аллея Науки». 2018. № 3 (19).

Лойтер С. М. Русская детская литература XX века детский фольклор: проблемы взаимодействия: автореферат дис... д-ра филол. наук. Петрозаводск, 2002. 41 с.

Пивоварова И. М. Старичок в клетчатых брюках. М.: Издательство АСТ, 2017. 190 с.

Тихонова О. В. О границах и возможностях жанра детектива в детской литературе // Вопросы русской литературы. 2019. № 4. С. 77–87.

А. А. Бухтиярова

СКАЗОЧНЫЕ МОТИВЫ В ТВОРЧЕСТВЕ СОВРЕМЕННЫХ ДЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Аннотация. В статье рассматривается разнообразие сказочных мотивов в современных детских книгах, обосновывается значение литературных сказок как оригинального жанра. Особое внимание уделяется сказкам, включенным в школьную программу, а также рекомендованным для внеклассного чтения.

Ключевые слова: литература для младших школьников, литературная сказка, современные детские писатели.

A. A. Bukhtiyarova

FAIRY-TALE MOTIFS IN THE WORKS OF MODERN CHILDREN'S WRITERS

Annotation. The article examines the variety of fairy-tale motifs in modern children's books, substantiates the importance of literary fairy tales as an original genre. Special attention is paid to fairy tales included in the school curriculum, as well as recommended for extracurricular reading.

Key words: Literature for younger schoolchildren, literary fairy tale, modern children's writers.

Жанр сказки отвечает особенностям детского восприятия и мышления. Так справедливо утверждает литературовед и методист начального образования Г. М. Первова, перечисляя отличительные признаки сказки: «Сказка — фантастический эпос, раскрывающий чудесное содержание, имеющий условно-неопределённый хронотоп, стабильные черты композиции и языка» [Первова 2023: 14]. Исследователь сказок и их роли в детском чтении Н. С. Бибко также призывает учителя учитывать при анализе текста три сказочных мира: чудесный, условный и смешанный [Бибко 2022: 59].

Фантастический вымысел и объект изображения лежат в основе классификации народных сказок: анималистические (действуют животные), волшебные (чудесные герои и предметы) и социально-бытовые (персонажи — люди). Авторские или литературные сказки сложнее как по содержанию, так и по форме. К названным типам Г. М. Первова добавляет подтипы: приключенческая сказка, героико-романтическая, познавательная (сказки-несказки) [Первова 2023: 13]. В детском чтении различаются прозаические и стихотворные сказки. Возможны и новые, индивидуальные, даже экспериментальные формы фантастических сюжетов. В этом можно убедиться, анализируя репертуар классного и внеклассного чтения младших школьников, включающего творчество современных авторов.

Более всего детей привлекает чудесный мир сказки, где происходят немыслимо быстрые перемещения героев во времени и пространстве, превращения одного существа в другое и подобные чудеса. Если в народных сказках традиционен зачин «В некотором царстве, в некотором государстве...», то И. П. Токмакова погружает первоклассников в стихотворную сказку так:

В чужой стране, в чудной стране,
где не бывать тебе и мне,
ботинок чёрным язычком
с утра лакает молочко...

В произведении «глазком глядит картошка», а стул и бутылка поют и танцуют, как настоящие артисты.

Опыт преподавания уроков чтения в начальной школе показывает, что дети легко находят сравнение ботинка и картошки с кошкой, выделяют олицетворения как одушевление неживых предметов, выраженные в глагольных формах. Самым трудным оказывается задание обнаружить слова, которые превратили стихотворение в сказку. Поскольку многозначные слова встречались уже в «Букваре» В. Г. Горецкого, по которому учатся первоклассники, дети находят и эту категорию слов в тексте стихотворной сказки: язычок, глазок, горлышко и ножки.

Школьная тема всегда привлекала внимание детских писателей, так как в ней можно удачно сочетать условный (узнаваемый) и чудесный (волшебный) мир фантастического сюжета. Это «Сказка о потерянном времени» Е. Шварца, «В стране невыученных уроков» Л. Гераскиной, «Баранкин, будь человеком!» В. Медведева и др. Нравственные уроки таких сказок составляют кодекс современного успешного ученика. Мотив «не хочу учиться» сменяется выводом: хочешь стать настоящим человеком — придётся браться за ум и учить даже трудные и не всегда интересные темы.

В детской литературе большое количество составляют познавательные сказки. Основоположник этой жанровой разновидности В. Ф. Одоевский считал, что в XIX веке настало время нагружать умственные способности детей благодаря привлекательной сказочной форме, поэтому его Мороз Иванович, герой одноименной сказки, объяснял детям, почему травка под снегом зеленеет (озимые посевы) и почему в колодце холодно даже жарким летом. В XX веке В. Бианки предложил новый термин для научно-художественных текстов — сказки-несказки. Детей учат отличать, что в тексте «правда», а что фантастическая выдумка. Получать знания из такого типа произведений не всегда легко, так как младшие школьники скорее увлекаются занимательным сюжетом, чем ищут научные мотивы. Ю. Дмитриев в книге «Здравствуй, Белка! Как живёшь, Крокодил?» поднимает экологические аспекты природоведения, объясняет полезность любых, даже неприятных человеку насекомых и животных. С. Востоков работал в зоопарке и в Научно-исследовательском центре охраны природы, обо всем этом рассказал в своих книгах «Не кормить и не дразнить» о Московском зоопарке и «Остров, одетый в Джерси». Сказочные мотивы

в природоведческих книгах современных авторов выглядят необходимыми компонентами: ведь люди разговаривают с домашними животными и надеются, что они понимают человеческий язык.

Оригинальна форма передачи детям знаний с помощью науки и фантазий, предложенная детским писателем А. Гиваргизовым и ученым-лингвистом М. Кронгаузом. Книгу, которая называется «С детского на детский» и содержит рассказы и стихи А. Гиваргизова, обсуждает, читая со своими внуками, М. Кронгауз. Комментарии учёного и озорные тексты поэта удачно сочетаются друг с другом.

Проверить свои лингвистические представления младшие школьники четвёртого класса могут с помощью сказки Л. Петрушевской «Пуськи бятые». Материал для работы с этой сказкой есть в пособии «Занимательное литературоведение» [Первова 2014].

В современной детской прозе роль главной сказочницы играет Т. Михеева: в ее горах растут живые деревья («Легкие горы»), в ее лесах обитают волшебные гномы («Асино лето»), а ее «Шумсы, обитатели деревьев», стали одним из лучших детских фантастических сериалов. Это занимательные истории для детей, которые только учатся читать и любить книги, и книги эти только про всё волшебное и доброе — никакого другого мира для Михеевой и не существует.

Бывший учитель С. Седов написал книгу с одним героем «Сказки про мальчика Лёшу», а ещё про лягушку Пипу, про королей и про дураков. Свобода воображения превращает произведения С. Седова в увлекательную игру: в его сказке мальчик может перевоплотиться в пылесос или в воздушный шарик. В сотрудничестве с М. Москвиной С. Седов создал новогоднюю сказку «Как Дед Мороз на свет появился», удовлетворяя любопытство ребёнка о появлении в жизни всех знакомых и необыкновенных существ.

Выпускница института кинематографии и сценарист М. Бершадская, работавшая над телесериалом «Улица Сезам», написала целую серию книг «Большая маленькая девочка». Ее героиня Женя, семилетняя девочка, остаётся, несмотря на очень высокий рост, маленьким ребенком внутри. И каждая ситуация из её жизни — это отдельная история взросления и внутреннего роста, будь то история о смерти близкого человека, о праздниках и потерях, о неудобных и драматических ситуациях, в которых может оказаться каждый ребенок. Писательница смогла воплотить в одном образе представления о том, как в детском мире сочетаются экстремальное и обыденное, маленькое и большое, чувство абсолютной незащищенности перед миром и ежедневные победы над его препятствиями. В произведении М. Бершадской одновременно выражены мотивы сказочного отстранения и реалистического сопереживания, авторского сочувствия к большим и маленьким страданиям героя.

Педагог и психолог М. Аромштам создала сайт «Папмамбук», на котором рекомендует родителям библиографические списки лучших детских книг для совместного чтения взрослыми и детьми, по сути, организуя семейное чтение детской литературы. Она автор реалистической повести для подростков «Когда отдыхают ангелы», а для начинающих читателей доступны и интересны её сказки на основе мифов «Однажды в новом мире».

Если книга М. Аромштам написана о рождении мира, то антиутопия «Конец света» Н. Евдокимовой рассказывает о мире, который время от времени меняется. Юный читатель верит, что однажды какой-то из миров окажется тем, что изобрёл он. Книга «Кимка & Компания» повествует о мальчике, который улетел от уставившихся в телевизор родителей в воображаемые миры, и путешествует по ним, прихватив с собой новорожденного брата. Герои-подростки повести «Лето пахнет солью» вырываются на свободу и едут к морю от затянувшейся зимы и плена многоэтажек.

В целом писатели делают необходимую «прививку» детям сказочной фантазией от скучной и иногда тяжелой повседневности. Никакой другой жанр так не развивает воображение читателей, как сказка. Сказка удовлетворяет мечту о справедливой жизни, а чувство сопереживания и соотнесения себя с героем рождает характер. Победа добра над злом, традиционный финал, выступает и основным мотивом, и основной идеей фольклорных и литературных сказок для младших школьников.

ЛИТЕРАТУРА

Бибко Н. С. Обучение первоклассников умению читать сказки // Проблемы теории, истории и технологии формирования читателя в начальной школе: монография. М.: Изд-во «Экон-Информ», 2022. С. 56–59.

Первова Г. М. Детская литература: учебник. М.: Инфра-М, 2023.

Первова Г. М. Занимательное литературоведение: пособие для учителя начальных классов. Тамбов: Изд-во ТОИПКРО, 2014.

УДК 398

Ван Тинянь
И. И. Митрофанова

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ «ФОЛЬКЛОР» В ТРУДАХ РОССИЙСКИХ И КИТАЙСКИХ ТЕОРЕТИКОВ

Аннотация. Фольклор — это довольно широкое понятие, которое характеризует результаты народного творчества того или иного народа, государства, нации. И в России, и в Китае по мере развития общества менялись разновидности народного творчества — от устного оно переходило к письменной форме, соответственно, менялся и спектр возможных видов фольклора. В обоих странах менялись особенности политического, социального и экономического уклада. Все это отразилось на народном творчестве двух стран.

Ключевые слова: фольклор, устное народное творчество, жанры фольклора, периоды развития фольклора, содержание фольклора.

Wang Tingyan
I. I. Mitrofanova

ON THE QUESTION OF THE CONCEPT OF “FOLKLORE” IN THE WORKS OF RUSSIAN AND CHINESE THEORISTS

Annotation. Folklore is a fairly broad concept that characterizes the results of folk art of a particular people, state, nation. Both in Russia and China, as society developed, the varieties of folk art changed — from oral it passed to written form, respectively, the range of possible types of folklore also changed. In both countries, the features of the political, social and economic structure were changing. All this was reflected in the folk art of the two countries.

Key words: folklore, genres of folklore, periods of development of folklore, content of folklore.

Одним из признаков национальной идентичности народа является его устное народное творчество, которое иначе называется фольклор. В этом творчестве отражены особенности быта людей, черты их характера, поэтому для сохранения самобытности народов важно уделять особое внимание их устному народному творчеству. Но у каждого народа и в каждой стране фольклор имеет своеобразные черты, которые формируются под воздействием исторических событий, переживаемых тем или иным народом. Мы проанализируем развитие фольклора в России и Китае.

В Словаре русского языка С. И. Ожегова «фольклор» означает народное творчество или совокупность народных обрядовых действий [Ожегов 2014]. В Советской исторической энциклопедии под редакцией Е. М. Жукова «фольклор» обозначался как поэзия от народа, как устное народное творчество широких масс населения, совокупность этих видов творчества. По мере развития общества в нем возникали новые формы и разновидности, которые отражали интересы различных социальных слоев населения, либо социально-бытовые особенности той или иной группы людей (*производственный, социально-организующий, обрядовый, игровой, эстетический, познавательный* жанры и т. д.). Развитие письменности повлияло на возникновение новых, ранее не существовавших форм фольклора, таких как *эпос, сказка, песня* и т. п. [Советская историческая энциклопедия 1976].

Несмотря на постоянные изменения и появление новых форм и разновидностей фольклора, ему были всегда присущи некоторые характеристики, которые отличают его от других форм народного творчества. Среди них: *устность, коллективность, народность, вариативность, сочетание слова с художественными элементами других искусств*. Эти характеристики могут немного меняться, но, в целом, они более или менее стабильны в трудах российских исследователей, изучавших фольклор [Петухова 2014: 210–211].

Полноценным Сборником русского фольклора являются материалы исследования коллектива авторов Академии наук СССР, изданного в 1956 году под редакцией А. М. Астаховой, В. Г. Базановой, М. О. Скрипиль. С 1956 года сборник был

расширен с одного тома, изданного в 1956 году, до 33 томов, вышедшего в 2008. Авторы сборника утверждают, что в русском фольклоре отражаются определенные условия труда, характерные для того или иного времени, быт и мораль конкретной социальной среды, определенные идеи, мысли, образы, ритмы и рифмы [Сборник русского фольклора 1956: 6].

В связи с тем, что фольклор является отражением той эпохи, в которой существует нация, советский коллектив авторов, которые опубликовали Сборник русского фольклора, разделили его на три периода: 1) народное творчество устной формы в период Древней Руси (X – нач. XIV в.), в котором были отражены особенности трех основных населявших на тот момент народов страны — русских, украинцев и белорусов; 2) народное творчество периода развития российского государства, объединения древнерусских земель (XIV — н. XVII в.); 3) народное творчество периода формирования единой русской нации, складывания абсолютной монархии с феодальным устройством земель (XVII в.); 4) устное народное творчество Российской Империи (с XVIII в. до 1917); 5) устное народное творчество Советского периода (с 1918 г.). Широкое распространение в первом периоде получили такие жанры фольклора, как: *народное предание, былевой эпос, историческая песня*. Во второй период были распространены: *былевой эпос, историческая песня* (песни о Ермаке), *народная сказка, историческая сказка* (исторические «сказки» об Иване Грозном), *духовный стих, поговорки* («Вольному воля, а ходячему путь»), *поговорки*; в третий — *противоправительственная народная сатира* [Сборник русского фольклора 1956: 43].

К пяти выделенным периодам можно добавить также устное народное творчество периода Российской Федерации, тогда можно будет увидеть полноценную периодизацию фольклора в России. Проведенный анализ позволяет нам сделать вывод о том, что в российской науке фольклор — это вся совокупность устного народного творчества, которая берет свое начало еще в период зарождения Древней Руси. По мере смены политических событий и общественного строя менялись и жанры русского фольклора, его содержание и основные особенности. Неизменным в фольклоре России оставалось одно — он отражал дух, мировоззрения и «чаяния» народа, в нем прославлялись подвиги тех или иных времен, озвучивались проблемы и недовольства широких масс населения.

Среди современных российских исследователей фольклора можно выделить О. И. Шабалину и И. А. Голованова, которые считают, что для того, чтобы понять специфику фольклора, необходимо понимать, что представляет из себя «фольклорное сознание». Это сознание имеет духовную природу и является идеальной системой, так как отражает явления окружающей действительности и фиксирует в слове отношение к ней человека. Фольклорное сознание включает в себя определенного рода образы времени и пространства, которые приняты в том или ином обществе, образы отношений в обществе, представления о структуре и составе природы и окружающей среды, понятия жизни и смерти человека и всех остальных живых существ. Поэтому в фольклорных произведениях людей, их устном народном творчестве можно четко проследить то, как думают люди, какие у них представления об окружающем мире [Голованов 2009]. Т. В. Чавро считает, что фольклор сегодня необходимо понимать в более ши-

роком смысле, чем он воспринимался ранее. Сейчас фольклор включает в себя *народные традиции, обряды, поверья, обычаи*. Например, сегодня в фольклоре можно выделить: *народные песни, этнопедагогические традиции народа, хореографические, игровые элементы* [Чавро 2020: 132–134]. А. Б. Бушев считает, что современный фольклор формируется в специфических для сегодняшнего времени группах, которые могут выделяться по принципу профессии — программисты, солдаты; по принадлежности к определенной субкультуре — «диггеры», «автостоперы», субкультура больницы; по социальной сфере деятельности — туристы, студенты, прихрамовая среда и т. д. В современных группах могут формироваться и современные специфические для сегодняшнего времени разновидности фольклора, такие как: *романсы, песни, кухонные разговоры, рассказы, семейный фольклор, современный анекдот, магические письма* и т. д. [Бушев 2018: 90–96]. Что еще более важно и актуально, так это то, что фольклор постепенно распространяется на сферу интернета и социальных сетей. Именно в этом пространстве сегодня зарождается и развивается огромное количество произведений народного творчества.

Теперь рассмотрим развитие китайского фольклора. Первым сборником устного народного творчества в Китае является одно из самых знаменитых фольклорных произведений данной страны — «Книга Песен». В ней содержится история китайского народа, включающая в себя 500-летний период — с 1027 г. до н. э. до 770 г. до н. э. Еще одним памятником устного народного творчества Китая является произведение «Ритуалы Чжоу», относящиеся к династии Цинь. В тексте были описаны *структура и ритуалы императорского дома Чжоу* [Цзиньвэнь 2002]. Более «народный» характер имели «Записки о совершенном порядке вещей правления и обрядов», которые были написаны приблизительно с 206 г. до н. э. — 9 г. н. э. В них раскрывались *правила этикета, а также идеологические и политические аспекты жизни людей* [Бинчжун 1994: 33].

Научное же изучение фольклора началось только в начале XX века. В 1921 году китайский филолог Юй Чжи предпринял попытку создания собственного определения понятия «фольклор». Для этого он выдвинул собственную теорию, согласно которой в определении фольклора необходимо опираться на понятие «народный», характеризующий целостность нации. В таком случае фольклор им обозначается как «то, что создано целой нацией и распространено в этой нации, отражающее общий менталитет и чувства нации» [Казакова 2017: 83].

Китайские ученые Ху Ши, Чжоу Цзуорен и Лю Фу выделили характеристики, в соответствии с которыми можно отнести то или иное произведение к числу фольклорных: исторические произведения, которые повествуют о чувствах человека, обычаях и традициях народа, политическом устройстве государства, места в нем религии; произведения, в которых скрыт глубокий смысл; произведения, в которых отражен быт различных социальных групп населения; непонятные, но интересные с точки зрения верований людей произведения [Хуншань 2022: 56]. Другой китайский ученый Гу Цзеган считает, что термин «фольклор» синонимичен термину «народная культура», в соответствии с этим в фольклоре можно выделить три направления: *обычаи; религия; литература и искусство* [Цю 2010].

Даньдань Тун основное внимание уделяет содержанию китайского фольклора. Он считает, что народное творчество Китая отражает такие ценности китайского общества, как открытость новому знанию, смекалка и усердие. Устное народное творчество данной страны в основном связано с конфуцианской религией и ее основными постулатами. В соответствии с главными конфуцианскими заветами, необходимо быть честным и открытым перед самим собой, уметь быть адаптивным к любой ситуации, быть в целом добросовестным и честным человеком по отношению к остальным. Помимо конфуцианства китайский фольклор отличается и наличием темы любви, ее свободы и равенства. Даньдань Тун считает, что китайский народ предрасположен к постоянному осмыслению пережитого опыта, накопленные знания преобразуются в произведения устного народного творчества. Во всех китайских произведениях устного народного творчества содержится мудрость, жизненный опыт, знания, традиции, которые приняты в обществе и передаются из поколения в поколения. В Китае очень высоко ценятся старшие, молодое поколение чтит традиции своих предков и делает все для того, чтобы их сохранить [Тун 2020: 440].

Современные китайские авторы также широко рассматривают фольклор, как и российские исследователи. Профессор У Бинань считает, что на сегодняшний день существует четыре разновидности китайской фольклористики: *экономическая, общественная, религиозная и эстрадная*. Другой китайский профессор Тао Лифань делит фольклористику на другие четыре группы: *материальная, общественная, языковая и духовная*. Чжан Цзычжэн выделяет уже десять видов китайского фольклора, существующего на сегодняшний день: *магический; религиозный; бытовой (одежда, пища, жилье); строительный; системный; производственный; сезонный и праздничный; ритуальный; торговый и коммерческий; эстрадный, литературный, культурный*. Чжан Лиюй и Чэнь Люй считают, что фольклор в любом виде и в любое время соединяет людей с их прошлым. В то же время он является ключевой частью жизни в настоящем и лежит в основе мировой культуры. Китайские исследователи, считают, что: «в любом временном периоде народное творчество обладает такими особенностями, как поучительность, наследственность, расширяемость и изменяемость, а сам фольклор — это не только *народные песни и легенды*, характерные для прежних времен, это еще и атрибуты, символы современной культуры, он существует в городах, пригородах, деревнях, семьях, в рабочих группах и общежитиях, присутствует во многих видах неформального общения и включает в себя ценности, традиции, способы мышления и поведения» [Лиюй 2016].

Таким образом, в трудах китайских исследователей классического периода (до XXI века) фольклор представляется как совокупность результатов народного творчества, что схоже с тем, как фольклор определялся в трудах российских исследователей того же времени. Как и в России, китайский фольклор меняется с изменением общественно-политического уклада государства, в нем видны отражения политического устройства страны и даже характерные черты правления той или иной династии. Результаты народного творчества Китая являются важным материалом для изучения культуры Китая. Благодаря им можно проанализировать национальную культуру и литературу с более глубокой точки

зрения, характерной для самых широких слоев населения. На протяжении многих веков в Китае ценились и оберегались традиционные ценности, которые воплощаются в том числе и в устном народном творчестве, сегодня эти ценности также хранятся современным поколением молодых людей. Китайское устное народное творчество как в прошлом, так и сегодня играет воспитательную функцию, эстетическую, духовную и мировоззренческую. Они тесно переплетаются с конфуцианской философией, сосредоточены на духовной сфере жизни каждого человека, этике поведения и воспитания более младших поколений. В российском же фольклоре первоочередное место скорее имеют «внешние обстоятельства», связанные с политическими событиями, социальной сферой общества, общественными движениями, внешнеполитическими событиями и т. д. Эти «внешние» для каждого человека элементы истории российского государства отражаются в сознании народа, формируют то самое «фольклорное сознание», о котором говорят более современные российские исследователи, описывающие понятие фольклора.

ЛИТЕРАТУРА

Бушев А. Б. Русский фольклор в современном мультикультурном мире // Вестник Бурятского государственного университета. Язык. Литература. Культура, 2018. № 2. С. 90–96.

Голованов И. А. Константы фольклорного сознания в устной народной прозе Урала (XX–XXI вв.) Челябинск: Энциклопедия, 2009. 251 с.

Даньдань Тун. Китайские фольклорные сказания как культурное сокровище нации // Обсерватория культуры, 2020. Т. 17. № 4. С. 438–446.

Казакова И. В. Китайская фольклористика // София: электронный научно-просветительский журнал. 2017. № 2. Ч. 2. С. 83–87.

Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / под ред. проф. Л. И. Скворцова. М.: Мир и образование, 2014. 1376 с.

Петухова Л. О. Фольклор, литература: к истолкованию понятий // Витебский государственный университет им. П. М. Машерова, 2014. С. 210–211.

Русский фольклор. Том 1 / под ред. А. М. Астаховой, В. Г. Базанова, М. О. Скрипиля. М., 1956. 346 с.

Советская историческая энциклопедия: В 16 т. М.: Государственное научное издательство «Советская энциклопедия», 1976. 1232 с.

Чавро Т. В. Фольклор и фольклоризм: соотношение понятий // Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова, 2020. С. 132–134.

Чжан Хуншань. Сто лет изучения китайского фольклора // София: электрон. науч.-просветит. журн., 2022. № 1. С. 54–61.

Миньшань Чжан. Фольклор и фольклоризм: соотношение понятий // Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова, 2020. С. 132–134.

Чжан Хуншань. Сто лет изучения китайского фольклора // София: электрон. науч.-просветит. журн., 2022. № 1. С. 54–61.

Миньшань Чжан. Фольклор и фольклоризм: соотношение понятий // Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова, 2020. С. 132–134.

Чжан Хуншань. Сто лет изучения китайского фольклора // София: электрон. науч.-просветит. журн., 2022. № 1. С. 54–61.

А. А. Лейман

**ПЬЕСА В. П. КАТАЕВА «КВАДРАТУРА КРУГА»:
СОВРЕМЕННОЕ СЦЕНИЧЕСКОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ**

Аннотация. В статье рассмотрена специфика воплощения пьесы В. Катаева на сцене Тамбовского молодежного театра.

Ключевые слова: В. П. Катаев; Тамбовский молодёжный театр; советская эпоха; драматургия 1920-х гг.

A. A. Leyman

**KATAEV'S PLAY "THE QUADRATURE OF THE CIRCLE":
A MODERN STAGE EMBODIMENT**

Annotation. The article considers the specifics of the embodiment of V. Kataev's play on the stage of the Tambov Youth Theater.

Key words: V. P. Kataev, play; Tambov Youth Theater; Soviet era; 1920s.

Драматургия 1920-х годов, будучи одной из важных составляющих искусства своего времени, отразила все противоречия новой эпохи. В это время выходят на свет пьесы М. Булгакова, Вс. Иванова, В. Катаева, В. Маяковского, Л. Леонова, К. Тренева, Н. Эрдмана и других. В произведениях различной жанровой принадлежности воссоздается художественная и историческая картина действительности. Пьесы дают возможность полноценно представить начало русской советской культуры XX века, «понять систему ценностей, образ мышления, нравственные ориентиры “нового человека”» [Соловьева 2005: 2].

За В. П. Катаевым позже закрепилась слава мастера эпических описаний, но именно в 1920-е годы в проблематике и пафосе произведений он оказывается наиболее оригинальным. Особенности видения мира В. П. Катаевым проявляются в его несклонности к драматизму. Основной акцент писатель делает на нравственной проблематике: «Революция принесла с собой грубоватую прямоту, которая приоткрывает завесу над чувствами, что раньше было принято скрывать, но не смогла отменить «вечных» устремлений человека» [Литовская 2000: 12].

Пьеса В. П. Катаева «Квадратура круга» была написана в 1927 году. В ней показано все то, чем жила молодежь в СССР в ту пору: недавние революционные потрясения, НЭП, вера в светлое будущее и строительство коммунизма, квартирный вопрос и радио как символ нового.

Осенью 1928 г. в Московском Художественном театре состоялась премьера этой комедии-шутки. К. С. Станиславский как будто бы понял Катаева, заметив, что он «несет людям радость, которой не так уж много в жизни», и, велел «отобрать для спектакля молодежь, обязательно с юмором». Постановкой занялся двадцатидевятилетний режиссер Николай Горчаков. Выпускал спектакль В. И. Немирович-Данченко [Шаргунов 2018: URL].

Непременным условием для режиссера были «лаконичность средств выражения», минимум предметов на сцене, действия «самые простые, жизненные, не обремененные излишней психологией». Задачей актеров являлось раскрыть ту жизненную правду, которая заключена «в умной, талантливой шутке Катаева». К марту 1929 года комедия выдержала уже сто представлений [Шаргунов 2018: URL].

Популярность комедии была так велика, что она не только обошла многие периферийные и республиканские театры Советской страны, но быстро распространилась с профессиональной сцены и на любительские театры, любительские кружки. Ю. К. Олеша писал об успехе пьесы: «Квадратуру» ставят всюду. Я видел летом в Одессе на Большефонтанской дороге маленькие афиши: «Квадратура круга» — пьеса Котова, «Квадратура круга» — пьеса Китаева, а у ворот артиллерийской школы висел плакат, где просто, без указания фамилии автора стояло «Квадратура круга, или Любовь вчетвером». И сегодня продолжает путешествовать по театрам России и зарубежья [Шаргунов 2018: URL].

«Комедия из комсомольской жизни, никаких «проблем» не ставит и не решает, а просто повествует историю неких четырех симпатичных молодых людей», — сообщал Катаев в анкете журнала «На литературном посту» [Шаргунов 2018: URL]. И современные исследователи подчеркивают популярность комедии-водевиля: «Сценическая судьба «Квадратуры круга», едва ли не первой комсомольской комедии без трескучих фраз и почти обязательных в молодежных пьесах тех лет театрализованной «живой газеты», с большим юмором и в то же время по-человечески просто решающей вопрос «любит — не любит», — сложилась очень счастливо» [Галанов 1989: 34–35].

Пьесу «Квадратура круга» продолжают ставить во многих театрах России, в том числе на сцене Тамбовского молодежного театра.

О чем же данная пьеса? Студенты Абрам (Сергей Демидов) и Василий (Дмитрий Елтунов) — друзья и соседи по коммунальной квартире. Они одновременно женятся на своих возлюбленных передовой Тоне (Ангелина Лукьянова) и мещаночке Людмиле (Дарья Томилина). Создавая свое семейное счастье на общих квадратных метрах, молодожены сталкиваются с пресловутыми бытовыми проблемами. Вскоре герои начинают сомневаться: а правильный ли выбор они сделали? И наступает время решить «квадратуру круга» в построении любви.

В целом постановка очень близка к тексту пьесы, хотя имеются некоторые отличия. Так, например, соседи главных действующих лиц не прописаны В. Катаевым, они обозначены как «гости»; в постановке отсутствуют небольшие диалоги (диалог Люды и Абрама, когда он хочет взять у них котлеты); у Емельяна есть жена, хотя в пьесе она отсутствует. Но это нисколько не портит картину, действие развивается плавно.

На суд зрителей предстал довольно интересный водевиль. Наталья Дьякова поддержала ауру двадцатых годов лаконичной декорацией. Любопытно, как ловко актеры меняли место действия, всего лишь переверачивая желтые и оранжевые обшарпанные двери. Несколько быстрых движений, и мы видим уже не коридор общежития, а комнату друзей. Не было ничего лишнего, на сцене использова-

лось все. Особенно примечательна лестница. Она стояла сзади, как бы внутри сцены. На нее взбиралась Люда, чтобы рассказать свой сон Абраму, туда взбирались Тоня и Вася, пытаясь разобраться в своих чувствах. Вероятно, лестница является метафорой мечты героев, они, мечтая, поднимаются по ней все выше и выше. В углу также появлялся синий самолет, который легко спутать с деталью какой-то конструкции для постройки дома. Так переплетаются духовное и обыденное, мечты героев о любви и счастье и те условия, в которых они оказались. Стоит также отметить световое решение. Освещение было представлено лампами. Все, на что следовало обратить внимание, освещалось, все ненужное, в свою очередь, затемнялось. Во время небольших монологов героев, важных для понимания их характеров, свет приглушался сильнее, оставались только голубой и синий цвета.

Художник Азиза Кадырова замечательно подобрала костюмы. Они подчеркнули дух советского времени, а также отразили внутреннее сходство героев. Тоня была одета в белый комбинезон и синюю кофту, в соответствии ей Вася носил рубашку: правая часть красная, левая — белая. Абрам одет в простую бордовую кофту и светло-серые брюки, Людочка носит бордовое платье и колготки, черные туфельки с белыми носочками и оборкой. Даже костюмы словно подчеркивают, кто с кем «внешне» должен быть.

Действие сопровождается песнями советской эпохи, танцами. Три раза повторялся романс «Осень, прозрачное утро», причем исполняли его сами актеры, что им, несомненно, удалось. Несмотря на сложный вопрос о любви, на сцене создается атмосфера легкости, веселости. Зал реагировал на шутки, действительно забавные моменты сопровождалось смехом.

Сергей Демидов прекрасно сыграл Абрама, чувствовалась непринужденность. Абрам таким и предстает в пьесе — это молодой человек, увлеченный идеями, но не лишенный простого человеческого желания ходить сытым и в хороших штанах. Он женился с установкой советского времени: «Что нужно для прочного брака? Сходство характеров, взаимное понимание, классовая принадлежность, общая политическая установка, трудовой контакт» [Катаев 1986: 90]. Вот так устами Абрама определяли молодые люди начала 20 века, вдохновленные строительством нового социалистического общества, формулу семейного счастья. Но достаточно ли этого? Оказывается, нет. И Абрам по мере развития сюжета осознает это. Ему более симпатичной кажется уже не Тоня с ее трудовым контактом и книгой Плотникова на двоих до вторника, а Люда, мещанка с примусом и синим галстуком, которая может его и накормить, и штаны зашить, и в зоологический сад сводить для общего развития. То же самое происходит у Васи, но он уже был знаком с Тоней раньше. Так герои переосмысливают любовь, само понятие «брак» и семейный быт. Примечательна сцена, где обе пары молодоженов ссорятся, находясь в одной комнате, но в разное время. Над сценой в углу висит красный плакат «тихое семейное счастье». Выглядит это довольно иронично, учитывая, что супруги ссорятся, еще и совсем не тихо. После этого и начинается перелом в их мировоззрении, отношении к браку и друг другу. Принять тот факт, что они живут вместе, оказалось возможным, но ужиться самим парам не удается. По ходу пьесы было заметно, как персонажи Катаева

«растут»: они переосмыслиют свое положение, ищут выход, сомневаются, решаются, действуют. Актеры великолепно передали характеры героев, вжились в роль. Особенно хотелось бы отметить игру Юрия Фитисова, исполняющего роль Емельяна Черноземного. Получился харизматичный, яркий, запоминающийся образ в духе водевиля.

Спектакль отлично передает дух и настроение 20-х годов прошлого столетия, когда у людей буквально кружилась голова от предвкушения будущей лучшей жизни. Все персонажи спектакля получились яркие, а порой даже гротескные. Постановка, без сомнения, удалась. Обращение именно молодежного театра к «Квадратуре круга» представляется логичным и своевременным. Герои произведений В. П. Катаева — свидетели эпохи, которые хотят материального благополучия, уважения, лучшей жизни. Несмотря на переделку быта, появление иных идеологических установок и новой «советской» лексики, человеческая сущность неизменна. Юношеский задор, энтузиазм, романтика сближают молодежь разных поколений, хотя героев катаевской пьесы и нынешних персонажей-актеров разделяет столетняя дистанция. Однако вопросы, затрагиваемые в пьесе, находят отклик у современных читателей, творческих коллективов, зрителей.

ЛИТЕРАТУРА

Галанов Б. Е. Валентин Катаев. Размышления о Мастере и диалоги с ним. М.: Худ. лит., 1989. 319 с.

Катаев В. Собр. соч.: в 10 т. Т. 9. Пьесы. М.: Худ. лит., 1986.

Литовская М. А. Социохудожественный феномен В. П. Катаева: автореф. дис... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2000.

Соловьева Н. Ю. Драматургия 1920-х годов: образ советской эпохи: автореф. дис. ... к. искусств. М., 2005.

Шаргунов С. А. Катаев. Погоня за вечной весной. М.: Молодая гвардия, 2018. [Электронный ресурс]: URL: <https://shargunov.com/kataev.html#K44> (дата обращения 20.11.2022).

УДК 821.161.1

А. Л. Островская

ЛИЧНОСТЬ В. В. МАЯКОВСКОГО В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ М. ЦВЕТАЕВОЙ

Аннотация. В статье проведен анализ лирических произведений М. Цветаевой с целью изучения особенностей восприятия личности В. Маяковского его современниками.

Ключевые слова: В. Маяковский, М. Цветаева, писательская критика, поэзия, литературная критика.

A. L. Ostrovskaya

THE PERSONALITY OF V. V. MAYAKOVSKY IN THE WORKS OF M. TSVETAEVA

Annotation. The article analyses the lyrical works of M. Tsvetaeva in order to research the personality comprehensive properties of V. Mayakovsky by people of his generation.

Key words: V. Mayakovsky, M. Tsvetaeva, literary criticism, poetry.

На сегодняшний день отечественное литературоведение накопило немало работ, посвященных анализу критической прозы М. Цветаевой. О специфике критической манеры писали И. В. Кудрова, А. А. Саакянц, В. Н. Крылов. К рассмотрению отдельных вопросов поэтики критической прозы М. Цветаевой обращались Д. А. Богатырева, Т. Геворкян, И. Б. Ничипоров. Оригинальность, уникальность прозы М. Цветаевой подчеркивается всеми исследователями.

Личности и творчеству В. Маяковского М. Цветаева посвятила несколько работ, среди которых стихотворение «Маяковскому» (1921), написанное при жизни поэта, статья «Эпос и лирика современной России. Владимир Маяковский и Борис Пастернак» (1933), а также цикл стихотворений «Маяковскому» (1930), созданные уже после его смерти. Первым из двух названных произведений традиционно уделяют больше внимания, чем стихотворному циклу. Поэтому в данной статье речь пойдет главным образом именно о цикле 1930 года.

В прозе и поэзии М. И. Цветаевой В. В. Маяковский предстаёт одинаково сильным, громогласным «поэтом-бойцом», обладающим таинственным даром, умением притягивать читателей, удивлять и не оставлять их равнодушными. Для М. Цветаевой образ Маяковского связан с образом настоящего солдата, который «лез именно из кожи слова», более того, образ человека в критической прозе М. Цветаевой выходит за рамки классического представления о человеке, автор статьи называет имя В. Маяковского именем собирательным, считая, что поэт, как единица человека, не имеет никакого веса, поэзия везде и во всём, а потому читать В. В. Маяковского следует по-особенному: «Маяковского нужно читать всем вместе, чуть ли не хором (ором, собором), во всяком случае, вслух и возможно громче, что с каждым читающим и происходит. Всем залом. Всем веком» [Цветаева 1994: 378].

Безусловно, М. Цветаева не может обойти стороной тему самоубийства поэта: «Самоубийство Маяковского, как убийство поэтом — гражданина, или же расправой с поэтом — бойца... Маяковский уложил себя как врага» [Цветаева 1994: 393]. Цикл стихотворений «Маяковскому» был создан в 1930 году, он содержит семь разных по объему произведений, написанных под глубоким впечатлением и непередаваемой тоской после известий о самоубийстве Маяковского. Цикл имеет концепцию газеты, это важно для создания образа поэта эпохи, чье имя долгие годы пестрило в заголовках самых разнообразных литературных изданий:

Литературная — не в ней
Суть, а вот — кровь пролейте!
Выходит каждые семь дней.
Ушедший — раз в столетье.

Строка «Литературная — не в ней» во втором стихотворении отсылает нас к срочному выпуску «Литературной газеты» от 17 апреля 1930 года, когда вся страна была охвачена трагической новостью, извещающей о самоубийстве В. Маяковского. Наблюдаемая здесь антитеза отражает «основной принцип поэтики литературно-критической прозы Цветаевой — принцип антиномичности. Для стилистики Цветаевой (это и свойство ее поэтического стиля) характерно постоянное со/противопоставление, охватывающее нередко весь текст» [Крылов 2017: 142]. Для М. Цветаевой творческая сторона поэзии никак не связана с публикацией в различных литературных газетах, творческая суть намного шире, чем все, о чем может рассуждать любая из газет, именно поэтому в данном четверостишии присутствует слегка ироничное сравнение между тем, как часто происходит выпуск литературных газет («выходит каждые семь дней») и как часто на свет появляются истинно талантливые поэты («раз в столетье»). Для М. Цветаевой совершенно очевидно, что подобные вещи невозможно сопоставить рядом, так как их ценность абсолютно не равна друг другу. Однако, по всей видимости, данное мнение не было распространено среди редакторов «Литературной газеты», ведь известие о смерти поэта-футуриста было размещено на второй странице.

Эпиграфом к третьему стихотворению данного цикла послужила цитата из газеты: «В гробу, в обыкновенном темном костюме, в устойчивых, грубых ботинках, подбитых железом, лежит величайший поэт революции» [«Однодневная газета», 24 апреля, 1930 г]. Как уже говорилось ранее, М. Цветаева видела образ В. В. Маяковского в «быстроногом» поэте, опередившем свое время на многие годы вперед, именно поэтому обувь является наиболее важной деталью и требует к себе особого внимания:

В сапогах, подкованных железом,
В сапогах, в которых гору брал —
Никаким обходом ни объездом
Не доставшийся бы перевал.

Таким образом, обувь становится основной деталью для передачи истинной поэтической силы Маяковского, его невероятной способности проявлять себя как бойца, защитника для всего народа. В. В. Маяковский, у которого «деталь — с роль» [Цветаева, 1994: 384], представляется М. Цветаевой как символ неиссякаемой любви и сострадания к своему Отечеству, ради которого В. В. Маяковский и нес на себе эту «гору горя».

Эпиграфом к четвертому стихотворению послужил отрывок из предсмертной записки В. В. Маяковского, найденной в кармане поэта в день его смерти: «Любовная лодка разбилась о быт». Здесь отчетливо проглядывается ирония, с которой М. Цветаева обращается к поэту-футуристу:

И полушки не поставишь
На такого главаря.
Лодка-то твоя, товарищ,
Из какого словаря?

Смятение и горе, охватившие М. Цветаеву сразу после известий о трагическом финале В. В. Маяковского, не стали препятствием к слегка претенциозному и даже укорительному тону, который соблюдается на протяжении всего четвертого стихотворения:

В лодке, да еще в любовной
Запрокинуться — скандал!
Разин — чем тебе не ровня? —
Лучше с бытом совладал.

Здесь, как и во многих других работах, присутствует тенденция создания рамок и схем, по которым становится возможным проследить истинную личность поэта-футуриста. С другой стороны, в финале четвертого стихотворения М. Цветаева словно меняет курс лирики, от иронично-обвинительного тона к более сострадательному, наполненному любовью и признательностью:

Враг ты мой родной!
Никаких любовных лодок
Новых — нету под луной.

Оксюморон «Враг ты мой родной!» выражает противоречие, к которым был склонен В. Маяковский на протяжении всей своей жизни. Это, действительно, «человек контрастов» [Софинская 2008: 79].

Пятое стихотворение является интерпретацией переломного момента, неожиданно настигнувшего русскую литературу, речь идет непосредственно о самоубийстве В. В. Маяковского:

Выстрел — в самую душу,
Как только что по врагам.
Богоборцем разрушен
Сегодня последний храм.

Отметим, что схожую по содержанию мысль, уже более оформленную, М. Цветаева озвучивает в 1933 году: «Эта вакансия: первого в мире поэта масс — так скоро не заполнится. И оборачиваться на Маяковского нам, а может быть, и нашим внукам, придется не назад, а вперед» [Цветаева, 1994: 376]

Знаменитая фраза «сердце — холодной железкою», впервые появившаяся на страницах поэмы В. В. Маяковского «Облако в штанах», оказалась далекой от действительности. С нескрываемой горечью М. Цветаева констатирует данный факт:

Было стало быть сердце,
Коль выстрелу следом — стоп.

Подчеркнем оригинальную аллегорию: интерпретация левого и правого политического движения в образе левой и правой частей грудной клетки. М. Цветаева не расставляла очевидные акценты на политические взгляды В. В. Маяковского, однако, многие из литературных деятелей косвенно или открыто использовали политический мотив для более полного изображения творческой фигуры Маяковского:

Лишь одним, зато занятно,
Нас лефовец удивил:
Только влево и знавший
Палить-то, а тут — словил.

Шестое стихотворение представляет собой диалог двух представителей Серебряного века. Характерной особенностью данного произведения является простота языка, применимая для создания более «живого», словно приятельского, диалога:

— Умаялся? — Малость.
— По общим? — По личным.
— Стрелялось? — Привычно.
— Горелось? — Отлично.

Безусловно, разные поэты, разные во всем, но по-своему яркие и громкие, оставившие в истории русской литературы осязаемый след — В. В. Маяковский и С. А. Есенин — встретились при удивительных обстоятельствах в стихах М. Цветаевой:

А помнишь, как матом
Во весь свой эстрадный
Басище — меня-то
Обкладывал? — Ладно.

Обыкновенный житейский диалог, немного ироничный тон, саркастичные небольшие упреки, лишённые всякого негативного окраса, точно старые приятели встретились после долгой разлуки:

А что на Рассее —
На матушке? — То есть
Где? — В Эсэсэсере
Что нового? — Строят.

Таким образом, предложенный к анализу диалог С. А. Есенина и В. В. Маяковского можно охарактеризовать как диалог, наполненный сожалением и негодованием, затрагивающим как общественный, так и творческий застой.

Седьмое стихотворение стало наивысшей точкой скорби и сожаления, М. Цветаева выразила и уместила свою и общелитературную утрату в несколько строф:

Много храмов разрушил,
А этот — ценней всего,
Упокой, Господи, душу
Усопшего врага твоего.

Таким образом, личность В. Маяковского занимает особое место в поэзии и прозе М. Цветаевой. В работах отражаются глубокие переживания за творческое наследие Маяковского, его поэтическую личность. В цикле стихотворений, как и в других работах Цветаевой, посвященных поэту-футуристу, присутствует особая поэтичность, душевность и экспрессивность. Стиль цветаевских поэтических посвящений Маяковскому схож со стилем самого адресата. Благодаря такому нестандартному подходу к созданию образов, переполненных особой цветаевской любовью и состраданием, цикл стихотворений «Маяковскому» является одной из значимых работ, ярко раскрывающих личность В. В. Маяковского.

ЛИТЕРАТУРА

Крылов В. Н. Литературно-критическая проза М. Цветаевой: поэтика на фоне традиции // Вестник Томского государственного университета. Филология, 2017. № 47. С. 132–148.

Софинская Т. Г., Сорокина Н. В. М. И. Цветаева о В. В. Маяковском // XIII Державинские чтения. Институт русской филологии. Тамбов, 2008. С. 78–80.

Цветаева М. И. Эпос и лирика современной России. Владимир Маяковский и Борис Пастернак // Цветаева М. И. Собр. соч.: в 7 тт. М.: «Эллис Лак», 1994. С. 375–397 — URL: https://imwerden.de/pdf/tsvetaeva_sochineniya_tom05_1994__ocr.pdf (дата обращения 24.11.2022).

Цветаева М. И. Маяковскому // Цветаева М. И. Стихотворения и поэмы: Л.: 1990, С. 404–410. URL: https://imwerden.de/pdf/tsvetaeva_sikhotvoreniya_i_poemy_1990__ocr.pdf (дата обращения 25.11.2022).

УДК 82.2

М. А. Цветкова

СПЕЦИФИКА КОНФЛИКТА И КОМПОЗИЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТРАГЕДИИ «ВРЕМЯ ВЕЛИКОЙ СКОРБИ» П. Ф. АЛЁШКИНА

Аннотация. В статье проводится анализ трагедии П. Ф. Алёшкина «Время великой скорби». Приводится краткая характеристика художественных интересов писателя. Подробно исследуется специфика конфликта, его художественное своеобразие. Отведено место анализу символики заглавия пьесы, выявлена роль

религиозного конфликта в общем контексте произведения. Рассматривается композиция пьесы, выявляются особенности её построения. Указывается, что выбранная автором композиция тесно взаимосвязана с конфликтом.

Ключевые слова: П. Ф. Алёшкин, трагедия, «Время великой скорби», композиция, конфликт.

M. A. Tsvetkova

**SPECIFICS OF THE CONFLICT
AND COMPOSITIONAL FEATURES OF THE TRAGEDY
“THE TIME OF THE GREAT TRIBULATION”
BY P. F. ALESHKIN**

Annotation. The article analyzes the tragedy of P. F. Aleshkin “The Time of the Great Tribulation”. A brief description of the writer’s artistic interests is given. The specifics of the conflict and its artistic originality are studied in detail. A place is given to the analysis of the symbolism of the title of the play, the role of religious conflict in the general context of the work is revealed. The composition of the play is considered, the features of its construction are revealed. It is indicated that the composition chosen by the author is closely interrelated with the conflict.

Key words: P. F. Aleshkin, tragedy, “The Time of the Great Tribulation”, composition, conflict.

Трагедия П. Ф. Алёшкина «Время великой скорби» была напечатана в марте 2008 года в журнале «Русский переплёт», а в 2009 году в том же издании была признана лучшей публикацией в разделе «Драматургия». Пётр Фёдорович Алёшкин (род. 1949) — уроженец тамбовской Масловки, деревни, связанной с событиями крестьянского восстания 1920–1921 гг. под предводительством А. С. Антонова. Место рождения определило область художественных интересов писателя: одной из главных тем литературного творчества Алёшкина стала «антоновщина». Так, в анализируемой нами трагедии историческим фоном, на котором разворачивается сюжетное действие, стали февральские события 1920 года в Масловке.

Как отмечает К. С. Спирина, «понятие «конфликт» является ключевой и структурообразующей категорией в драме» [Спирина 2022: 1173]. Кроме того, по справедливому замечанию Л. К. Нефёдовой, «предмет изображения в драме, представленный через непосредственное действие, наглядно выявляет противоречия, составляющие суть любого предмета» [Нефёдова 2012: 285]. Опираясь на данные умозаключения, основной конфликт пьесы П. Ф. Алёшкина определяется нами как общественно-политический. В этом случае конфликт — не простое столкновение интересов действующих лиц или их воли, напротив, он представляет собой нечто большее, так как здесь контрастируют идеи.

В целом же произведение Алёшкина многоконфликтно. В нем выделяются следующие типы конфликтов: социально-бытовой, религиозный и любовный, а связующим их элементом служит политическая тематика.

Социально-бытовой конфликт выражен в своеобразном противостоянии крестьян коммунистам. Жизнь простых людей тяжела, невыносима, так как всё продовольствие отдавалось «красным» на фронт. Полна сожаления и осознания собственного бессилия реплика одного из крестьян во время сбора у церкви: «Ты не подумай чаво, я не контрреволюция... Соли нету...» [Алёшкин 2021: 66].

Одним из способов выражения социально-бытового конфликта в тексте является антитеза «дом — улица». Когда Егор возвращается домой, он попадает в душевно тёплую, спокойную обстановку, наполненную своими мелкими проблемами: отелилась ли корова Майка, ожеребилась ли Чернавка, сколько надо плести вершей для ловли рыбы и кошёлок для гусиных яиц, — вот главные заботы уютного мирка дома Анохиных. Когда главный герой покидает пределы дома и выходит на деревенские улочки, он сталкивается с суровыми реалиями жизни: нищета крестьян, их жизнь впроголодь, нахальство представителей продотряда.

Религиозный конфликт представлен в тексте противостоянием «отец Александр — Максим». Священник, несмотря на провокации комиссара продотряда, не отступает от своего мнения, остается верен своим воззрениям:

«М а к с и м. Молитвы мы упраздним... <...> И зваться ты будешь больше ни попом, ни отцом Александром, а более скромно — агитатором...

О т е ц А л е к с а н д р. При чём здесь я?

М а к с и м. Кто-то должен народ агитировать, звать к новой жизни, разъяснять ему нашу веру <...>. Такие, как ты, будут направлять его по нужному пути. А путь этот указывать будем мы!

О т е ц А л е к с а н д р. Никого, никогда не буду направлять я по вашему пути. Ваш путь ведёт к антихристу, а я всю жизнь звал и буду звать народ к Спасителю» [Алёшкин 2021: 63].

Максим, заявляющий, что лики святых на иконах в церкви будут заменены лицами Маркса и Энгельса, скорее, заставляет отца Александра ухмыльнуться, потому что он считает, что христианская вера истинна, и лишь спрашивает комиссара: «А Божью Мать кем замените?» [Алёшкин 2021: 62].

Значение религиозного конфликта в пьесе подчёркнуто уже самим её названием: «Время великой скорби» — это, по Библии, семилетний период сильнейшего горя и жестоких страданий человечества за все его прегрешения.

Кульминация в развитии действия совпадает с наивысшей точкой в художественной реализации религиозного конфликта — распятие отца Александра. Таким образом, становится ясно, что вероисповедальный конфликт занимает одну из центральных позиций в произведении.

В тексте выделяется и любовный конфликт, который выражен своеобразным любовным треугольником: Мишка Чиркунов — Настя — Егор. Мишка любит Настю, но героиня верна Егору, ждёт его с войны, их чувства взаимны. Одна из первых новостей, которую узнает Анохин по возвращении, — его лучший друг Чиркун (так Мишку называют жители деревни) сватался к его возлюбленной, и Егор просит отца пойти наконец к попу и просить у него руки Настеньки. Неразрешимость любовного конфликта стала одной из причин жестокой расправы Мишки над священником.

Сюжетообразующим же является политический, военный конфликт — противостояние «антоновцев» коммунистам (также этот конфликт можно назвать идейным, так как он основан на столкновении двух противоположных общественных строев). Одним из главных действующих лиц произведения является Антонов, руководитель крестьянского восстания. Он появляется только во втором действии и знакомится с Егором Анохиным. Их встреча, на первый взгляд, может завершиться переходом главного героя в ряды восставших, но это только кажущаяся истина: на самом деле Егор помогает красноармейцам, остаётся верным своим взглядам, своей партии, которая, однако, принесла ему только боль, страдания и потери.

М. А. Карпушкин в статье «Композиция пьесы и композиция спектакля» указывает: композиция — «мотивированное расположение компонентов литературного произведения» [Карпушкин 2010: 56]. Кроме того, исследователь И. Н. Чистюхин обращает внимание на то, что «каждый элемент структуры имеет свое функциональное назначение» [Чистюхин 2021: 76].

Композиция трагедии «Время великой скорби» П. Ф. Алёшкина — линейная, действие идет постепенно, развивается поэтапно, соблюдается традиционная схема «завязка — кульминация — развязка». В тексте выделяется экспозиция, которая совпадает с авторскими ремарками и с первой репликой Любаши, жены брата главного героя. Завязка — возвращение Егора Анохина домой на побывку, и именно с этого момента начинается сюжетное действие, его развитие; читатель словно погружается в деревенскую жизнь, в её заботы и происшествия, знакомится с родными главного героя, с его возлюбленной, с представителями продотряда.

Достижение кульминации в пьесе соотносится с заключительной сценой первого действия — распятие обозлённым коммунистом Мишкой Чиркуновым отца Александра, масловского священника. Чиркун, безответно влюблённый в поповскую дочь Настеньку, находясь в состоянии алкогольного опьянения и помутнения рассудка, насилует девушку и пригвозждает её отца к стене. Художественный конфликт в данном эпизоде достигает своего апогея — над здравым смыслом и человечностью возобладало зверское безумие.

Развязка трагедии совпадает с её финалом — четыре смерти, вытекающие одна из другой. Максим собственноручно убивает двух героев, но на самом деле он повинен в гибели четверых: сначала «красный» убивает Маркелина, командира продотряда, единственного, кто мешал ему пропагандировать советскую идеологию; затем он убивает отца Александра за то, что тот не согласился уверовать в спасительную силу революции и в новых «богов».

Настя, не способная смириться с позором после издевательств Чиркунова, покончила с собой:

«П о п а д ь я (*хрипя*). Настя... Настя...

Е г о р. Что с Настей!?

П о п а д ь я (*выдохнула*). Удавилась... Настя удавилась...» [Алёшкин 2021: 119].

Максим виноват и в смерти героини, потому что её отец был для неё близким другом, поддерживал ее после произошедшего, уверял, что стоит всё лишь переждать, обещал отвезти в Борисоглебск, — но она его теряет.

Последняя смерть, в которой повинен Максим, — самоубийство главного героя. Егор Анохин, узнав о смерти любимой, застрелился:

«Е г о р (*повернувшись к Максиму, шагнул к нему*). Это ты... Из-за тебя...

Максим попытался, выхватил маузер, но выстрелить не успел. <...>. Егор медленно повернулся к содрогающейся от рыданий матери Насти, поднял маузер и выстрелил себе в висок» [Алёшкин 2021: 120].

Перед самоубийством главный герой выстреливает в злодея Максима тем самым маузером, пулями которого был убит отец Александр.

Алёшкин сохраняет в трагедии классицистический принцип драматического триединства: места, времени и действия. Так, события, описываемые в пьесе, занимают ровно сутки, разворачиваются в Масловке, не выходя за ее пределы, и действие, объединяющее все сюжетные линии, едино — противостояние крестьян коммунистам.

Трагедия П. Ф. Алёшкина «Время великой скорби» представляет собой произведение, соответствующее классическому жанровому канону; каждый этап в развитии действия реализует один из конфликтов. Произведение сложное, многоплановое, состоит из равнозначных и взаимозависимых ярусов в смысловом отношении, что позволяет автору создать широкую и полноценную историческую картину и ввести читателя в контекст эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

Алёшкин П. Ф. Время великой скорби // Страницы нашей жизни: современная тамбовская драматургия. Тамбов: Студия печати Галины Золотовой, 2021. С. 53–120.

Карпушкин М. А. Композиция пьесы и композиция спектакля // Театр. Живопись. Кино. Музыка. 2010. № 4. С. 55–72.

Нефёдова Л. К. Драматические жанры как конфликтологические стратегии // Мир науки, культуры, образования, 2012. № 1 (32). С. 285–287.

Спирина К. С. Эволюция метафизического конфликта в драматургии Ивана Вырыпаева // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2022. Т. 15 (6). С. 1772–1777.

Чистюхин И. Н. Теория драмы: анализ драматического произведения: учебное пособие. Орёл., 2014. 126 с.

УДК 82.09

Ю. М. Шевякова

ИЗУЧЕНИЕ ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ К. И. ЧУКОВСКОГО НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Аннотация. В статье рассматриваются основные направления современного изучения литературно-критической деятельности К. И. Чуковского. Дается обзор новейших исследовательских работ о специфике критического метода писателя.

Ключевые слова: литературная критика, исследователи, критические статьи, методы критики, К. И. Чуковский.

Yu. M. Shevyakova

THE STUDY OF LITERARY CRITICISM OF K. I. CHUKOVSKY AT THE PRESENT STAGE

Annotation. The article deals with the main directions of the modern study of the literary-critical activity of K. I. Chukovsky. An overview of the latest research papers on the specifics of the writer's critical method is given.

Key words: literary criticism, researchers, critical articles, methods of criticism, K. I. Chukovsky.

Литературная критика — одно из направлений деятельности К. И. Чуковского. В его критических работах исследован огромный пласт русской литературы. Статьи посвящены А. П. Чехову, В. М. Гаршину, В. Г. Короленко, К. Д. Бальмонту, Ф. К. Сологубу, М. П. Арцыбашеву, М. Горькому, С. Н. Сергееву-Ценскому, Б. К. Зайцеву, Л. Н. Андрееву, Д. С. Мережковскому, З. Н. Гиппиус, В. Я. Брюсову, А. М. Ремизову, футуристам и многим другим. Помимо русских писателей, Чуковский писал об О. Уайльде, У. Уитмэне, Дж. Лондоне.

Критические статьи К. Чуковский нередко представлял в виде фельетонов. Многим писателям не нравилась эта шутивная манера изложения. В ответ на фельетоны авторы отвечали К. Чуковскому тем же. Они называли его «Корней Белинский», «неистовый Виссарион», считая, что он пытается подражать знаменитому критику.

Однако более поздние исследователи оценили литературную критику К. Чуковского. В настоящее время интерес к его работам достаточно высок.

Е. В. Иванова считает Чуковского неоднозначным критиком. Она утверждает, что многие его высказывания несправедливы: «Чуковский был критик-разоблачитель, исходивший из убеждения, что писатель пользуется словом не столько для того, чтобы выразить свои истинные мысли, сколько для того, чтобы скрыть их» [Иванова 2002: 20]. Ученый считает, что критика Чуковского носит эссеистический стиль, автор стремится своими исследованиями поразить читателя.

В. Берестов рассуждает о «естественном демократизме», сращении художественности с научным анализом в критических сочинениях Чуковского — «исследователя личности» [Берестов 2000: 613].

Работа М. А. Антонюк «Биографический метод К. И. Чуковского» посвящена анализу критики Чуковского. Исследователь определяет главный метод критики как биографический. Ученый считает, что К. Чуковский рассматривал произведение как часть каждого автора, поэтому он чаще всего писал о тех писателях, с которыми был лично знаком и знал, так ему было удобнее судить о произведении. Ведь с позиции К. Чуковского, для критика важно найти внутреннюю связь между автором и его творчеством. Чуковский не выносил критический приговор, не изучив внимательно не только произведение, но и жизнь автора, окружающую его среду. Только после детальной работы писалась критическая статья. «Главная проблема биографического метода, по Чуковскому, — это необходимость опре-

деления границы между объективным и субъективным восприятием художника критиком. Чуковский сознательно идет на то, чтобы рассматривать писателя с субъективной, личной позиции. Но в то же время он старается быть объективным, быть честным не только с читателями, но и самим собой» [Антонюк 2016: 235].

С. В. Федотова в статье «Стихия пародии в литературной критике К. И. Чуковского (казус Л. Андреева)» выделяет пародию в качестве основного приема Чуковского. В статье исследуется данный прием на примере критических работ Чуковского о Л. Андрееве. Выделение подобных пародий и их нарастание по силе в тексте позволяет говорить о пародии как о конкретном методе Чуковского, который направлен на анализ внутреннего мира художника. С. В. Федотова выделяет следующие пародийные элементы, которые использовал Чуковский: гипербола, вторичная гипербола, или гипербола приема, ироническая оценка, ироническая имитация, карикатурность и др., т. е. «пародийный показ стилевых доминант писателей многофункционален» [Федотова 2019: 23].

А. Руднев в статье «Чуковский-критик и Леонид Андреев: К проблеме взаимоотношений писателя и критика» анализирует критические статьи Чуковского, посвященные Л. Андрееву. В статье отмечается, что Л. Андреев был спорным писателем и главным объектом критики своего времени, не исключением был и Чуковский, который исследовал его творчество. К. Чуковский весьма критично отзывался о творчестве Л. Андреева, причем писал он о нем много. Однако он отмечал разные стороны его таланта. К. Чуковский подчеркивал в писателе новые, еще никем не открытые, черты, например, «стремление к показу человека обобщенного, в определенном смысле символического, с гротескно преувеличенными чертами» [Руднев 2016: 18].

Писатель и журналист И. Лукьянова детально исследовала биографию К. И. Чуковского, обнаружив много новых деталей. В книге «Корней Чуковский» (серия «Жизнь замечательных людей») журналист отражает все виды деятельности писателя, включая и критическую. С позиции Лукьяновой, критические статьи Чуковского часто дают новые ответы на творчество известных писателей.

Таким образом, литературная критика К. И. Чуковского, весьма своеобразная, в настоящий момент находится в поле активного научного изучения и популяризаторства.

ЛИТЕРАТУРА

- Антонюк М. А. Биографический метод К. И. Чуковского. М., 2016. 450 с.
- Берестов В. Корней Чуковский / К. Чуковский // Собр. соч.: в 2 т. Т. 2. М., 2000. С. 605–618.
- Иванова Е. Неизвестный Чуковский / К. И. Чуковский // Собр. соч.: в 15 т. Т. 6. М., 2002. С. 19–21.
- Лукьянова И. В. Корней Чуковский. М., 2019. 420 с.
- Руднев А. Корней Чуковский-критик и Леонид Андреев: К проблеме взаимоотношений писателя и критика // Южное сияние, 2016. № 3. С. 17–19.
- Федотова С. В. Стихия пародии в литературной критике К. И. Чуковского (казус Л. Андреева) // Вестник Томского государственного университета. Филология, 2019. № 5. С. 21–25.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абдуллаева Раъно Хикматовна, преподаватель Самаркандского государственного университета имени Ш. Рашидова (Самарканд, Узбекистан)

Абраменкова Людмила Евгеньевна, аспирант Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина, учитель русского языка и литературы МАОУ «Лицей № 14 имени Заслуженного учителя Российской Федерации А.М. Кузьмина»

Адамович Максим Борисович, студент Пензенского государственного университета

Алпацкая Алина Викторовна, студент Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина

Болотнов Алексей Владимирович, доктор филологических наук, профессор Томского государственного педагогического университета

Большакина А. А., сотрудник ТОГАПОУ «Многопрофильный колледж им. И. Т. Карасева»

Бавула Юлия Ивановна, аспирант Балтийского федерального университета имени И. Канта

Ван Тинянь, аспирант Российского университета дружбы народов

Ваулина Светлана Сергеевна, доктор филологических наук, профессор Балтийского государственного университета имени И. Канта

Виноградова Светлана Григорьевна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Сетевого научно-образовательного центра когнитивных исследований, профессор Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина

Дворенкова Юлия Владимировна, аспирант Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина

Джалилова Гулбахор Абдуразаковна, магистрант Самаркандского государственного университета имени Ш. Рашидова (Самарканд, Узбекистан)

Джумаева Зарнигор Салом кизи, магистрант Самаркандского государственного университета имени Ш. Рашидова (Самарканд, Узбекистан)

Дубровина Светлана Юрьевна, доктор филологических наук, профессор Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина

Дубровская Кристина Андреевна, старший преподаватель кафедры русского языка, зав. кафедрой русского языка Самаркандского государственного университета имени Ш. Рашидова (Самарканд, Узбекистан)

Душина Наталья Петровна, кандидат филологических наук, доцент Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина

Дьякова Татьяна Александровна, кандидат педагогических наук, доцент, зав. кафедрой русского языка Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина

Захарова Елена Владимировна, кандидат филологических наук, преподаватель Биньхайского института внешних дел при Тяньцзиньском университете иностранных языков (г. Тяньзинь, КНР)

Кирьянова Надежда Александровна, кандидат филологических наук

Котцова Елена Евгеньевна, доктор филологических наук, профессор Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова

Липатова Евгения, аспирант Самаркандского государственного университета имени Ш. Рашидова (Самарканд, Узбекистан)

Лоскутова Дина Николаевна, кандидат филологических наук, заведующий отделением ТОГАПОУ «Многопрофильный колледж им. И. Т. Карасева»

Лейман Анна Алексеевна, студент Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина

Лэй Сывэй, студент Биньхайского института внешних дел при Тяньцзиньском университете иностранных языков (г. Тяньцзинь, КНР)

Мамирова Шарапат Калибековна, кандидат филологических наук, преподаватель Центрально-Азиатского инновационного университета (г. Шымкент, Казахстан)

Маралбаева Сауле Мусаевна, кандидат филологических наук, преподаватель Центрально-Азиатского инновационного университета, г. Шымкент, Казахстан

Мартыненко Юлия Борисовна, кандидат филологических наук, доцент Московского педагогического государственного университета

Милосердова Елена Михайловна, кандидат филологических наук, доцент Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина

Митрофанова Ирина Игоревна, кандидат социологических наук, доцент Российского университета дружбы народов

Митрофанова Ольга Викторовна, кандидат филологических наук

Минеева Зоя Ивановна, кандидат филологических наук, доцент Петрозаводского государственного университета

Москвин Василий Павлович, доктор филологических наук, профессор Волгоградского государственного социально-педагогического университета

Нурова Саида Таировна, магистрант Самаркандского государственного университета им. Шарофа Рашидова (Самарканд, Узбекистан)

Ойматова Озода Абдулваххоб кизи, магистрант Самаркандского государственного университета имени Ш. Рашидова (Самарканд, Узбекистан)

Островская Анастасия Львовна, магистрант Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина

Павлова Валентина Викторовна, кандидат филологических наук, доцент Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина

Петровская Галина Александровна, кандидат филологических наук, преподаватель Военной академии материально-технического обеспечения им. А. В. Хрулева

Пискунова Светлана Владимировна, доктор филологических наук, профессор Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина

Попова Елена Александровна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и литературы Липецкого государственного педагогического университета имени П. П. Семенова-Тян-Шанского

Поповичева Ирина Викторовна, кандидат филологических наук, доцент Хайнаньского университета (г. Хайнань, КНР)

Ружицкий Игорь Васильевич, доктор филологических наук, профессор Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

Садури Хасанет, аспирант Российского университета дружбы народов

Сомова Марина Викторовна, кандидат филологических наук, доцент Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина

Терехова Екатерина Васильевна, студент Российского университета дружбы народов
Ткебучаева Ирина Григорьевна, старший преподаватель Самаркандского государственного университета

Тошмуротова Гулрухсор Зафар кизи, магистрант филологического факультета Самаркандского государственного университета имени Шарофа Рашидова (г. Самарканд, Узбекистан)

Умирова Эльнара Бахтиёрвна, магистрант филологического факультета Самаркандского государственного университета имени Шарофа Рашидова (г. Самарканд, Узбекистан)

У Мэн, кандидат филологических наук, преподаватель, ученый секретарь Института иностранных языков Юго-восточного университета

Фейзер Жанна Ивановна, кандидат педагогических наук, доцент Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина

Холмударова Нигора Фахридиновна, магистрант филологического факультета Самаркандского государственного университета имени Шарофа Рашидова (г. Самарканд, Узбекистан)

Холодкова Марина Владимировна, кандидат филологических наук, доцент Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина

Худяков Сергей Сергеевич, кандидат юридических наук, доцент, декан факультета филологии и журналистики Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина

Царькова Вера Бенедиктовна, кандидат педагогических наук, профессор Липецкого государственного педагогического университета имени П. П. Семенова-Тян-Шанского

Цветкова Маргарита Александровна, магистрант Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина

Черноусова Ирина Петровна, доктор филологических наук, профессор Липецкого государственного педагогического университета имени П. П. Семенова-Тян-Шанского

Шарандин Анатолий Леонидович, доктор филологических наук, профессор Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина

Швецова Виктория Михайловна, доктор филологических наук, профессор Мичуринского государственного аграрного университета

Шевякова Юлия Михайловна, магистрант Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина

Шурупова Ольга Сергеевна, доктор филологических наук, доцент Липецкого государственного педагогического университета имени П. П. Семенова-Тян-Шанского

Щербак Антонина Семеновна, доктор филологических наук, профессор, Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина», профессор Самаркандского государственного университета имени Шарофа Рашидова

Южакова Юлия Александровна, доктор филологических наук, профессор Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина

Ян Юнья, преподаватель Шэньсийского педагогического университета (КНР)

Научное издание

ЭКОЛОГИЯ ЯЗЫКА И РЕЧИ

**Материалы
X Международной научной конференции
(8–9 декабря 2022 г.)**

Научный редактор:
Шарандин Анатолий Леонидович

Печатается в авторской редакции

Компьютерная верстка *Т. О. Прокофьевой*

ISBN 978-5-00078-730-4

Подписано в печать 20.06.2023 г. Формат 70×100/16.
Усл. печ. л. 18,06. Тираж 100 экз. Заказ 23154.

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина»
392000, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

Отпечатано в Издательском доме «Державинский».
392008, г. Тамбов, ул. Советская, 190г